
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Корреспонденции в газете «Русские ведомости»

1914

Путь на запад

Почтовый поезд неспешно, но неуклонно бежит на запад, к тому краю, к которому теперь прикованы все наши помыслы. Десятки и сотни верст остаются за нами. И чем дальше мы едем, чем ближе оказываемся мы к таинственному «театру военных действий», тем спокойнее и радостнее становится на душе. Из мимолетных наблюдений, из случайных встреч и «вагонных» разговоров выносишь твердое убеждение, что то настроение бодрости и веры в себя, которое в Москве можно было объяснять ее сравнительной отдаленностью от совершающихся событий, есть настроение всей России. Видишь и слушаешь людей, случайно собравшихся в общем вагоне из самых отдаленных одна от другой губерний и из разных городов, — и ни одной ноты не проскальзывает в разговорах, которая нарушила бы всеобщую уверенность в нашем конечном успехе.

Конечно, внешний вид столь знакомой москвичам Александровской дороги несколько изменился. Почти половина пассажиров почтового поезда — военные; на всех станциях и везде в окно видишь солдатские мундиры. В буфетах, мирно торгующих квасом и лимонной водой, расклеены объявления, относящиеся к событиям наших дней (например, указания для лиц, переселяющихся из пограничных местностей, и т. п.). На всех станциях, даже маленьких, продают местные издания «Телеграмм С.-Петербургского Агентства», так что пассажиры могут постоянно следить за событиями. Некоторые из этих изданий отчисляют 50 % дохода на нужды Красного Креста.

Но самое характерное, что кругом все и всё заняты одним: войной. Иной темы для разговоров нет. И крестьяне-белорусы в белых свитках, и евреи в длиннополых сюртуках, и офицеры запаса, едущие к своим частям, и польские помещики, величественные и горделивые, — все интересуются только последними вестями с границы и из-за границы. Говорят разным языком и на разных языках, но все одинаково трезво смотрят на события, не обольщаются излишними надеждами, но и ни на миг не теряют веры в успех. Если же и попадает человек со слишком пылким воображением, который начинает передавать фантастические слухи, везде, — и в демократическом населении третьего класса, и в «избранной» публике первого, — тотчас находят лица, умеющие «осадить» увлекающегося рассказчика.

Те, которые участвовали в деле мобилизации, рассказывают о своем труде, тяжело и напряженном, — и чувствуешь, что они работали не за страх, а за совесть. Отставные военные, старики, вновь надевшие мундир, из которых один «проделал» обе кампании, — и турецкую, и японскую, — спокойно объясняют: «В такие дни я не счел себя вправе не идти на службу». В третьем классе простой мужичок ораторствует перед группой русских, белорусов и евреев: «Ежели надобно будет, всей Россией встанем, не поддадимся немцу!» Слушатели сочувственно кивают головами.

За окном — поля. Хлеб сжат, сено убрано; лишь кое-где еще спешно заканчиваются работы. Работающие встречают поезд настойчивым криком: «Газет, газет!» Наступает вечер; где-то в открытом поле военный трубач играет зорю, и красиво звенят в ясном воздухе призывные звуки. Там и сям загораются костры. Темные фигуры поднимаются около костров при приближении поезда, и тот же крик опять врывается в окна вагонов: «Газет, газет!»

На одной станции я встретился со знакомым москвичом — художником М.Ф. Ларионовым. Он только что вернулся в Россию, через Константинополь, после своих парижских и лондонских успехов. Теперь в мундире прапорщика Ларионов едет к своей части. Поговорив, мы обнялись и попрощались с обычным в наши дни обещанием:

— Быть может, скоро встретимся... в Берлине!

Александровская дорога, 15 августа

В Вильне

(От нашего корреспондента)

«Гроза военной непогоды», одно время казавшаяся столь близкой к Вильне, отошла от нее. Победное движение русской армии перенесло театр непосредственных событий в глубь Восточной Пруссии. Постепенно успокоилось и население Вильны, которое вместе со всей Россией переживало пору тревоги и волнения в дни энергичной мобилизации, когда и в самом городе принимались различные военные меры. Жизнь опять входит в свою колею.

Вильна «стародавняя» (как ее назвал Ф. Тютчев) теперь имеет почти свой обычный вид. На Георгиевском проспекте, этом Невском Вильны, до позднего вечера непрерывающееся движение. Оба кафе Штраля полны своими завсегдатаями. В садах «Бернардинском», «Ботаническом», «Швейцарском» по вечерам опять много публики, слушающей музыку, так или иначе развлекающейся. Но, конечно, все это — только внешность, за которой скрывается и новая напряженная деятельность, и общее напряженное внимание к событиям на западе.

Достаточно войти в церкви и костелы, чтобы увидеть, какими живыми нитями связана Вильна с войной. В темных углах костелов везде увидишь коленопреклоненных женщин, выронивших свой молитвенник, крепко стиснувших руки и побелевшими губами шепчущих молитвы — за мужа или сына, ушедших с армией. У дверей зданий, обращенных в военные госпитали, где водружены белые флаги с красным крестом, всегда стоит притихшая толпа, робко пробегающая глазами списки раненых, вывешенные на стене. Утренние и вечерние выпуски газет, русских и польских,

несмотря на вынужденную скудость их содержания, берутся нарасхват. И достаточно прислушаться к разговорам хотя бы в тех же кафе Штраля, чтобы убедиться, что за каждым столиком говорят о войне.

Городская Дума, различные организации и все общество принимают самое деятельное участие в помощи раненым и больным воинам. Так, например, чуть ли не «вся Вильна» пожелала принять участие в деле переноски раненых с вокзалов железных дорог в больницы. Дело в том, <что> перевозить раненых в экипажах по тряской мостовой — неудобно; в вагонах «конки» — слишком медленно (а трамваем Вильно еще не обзавелось). И вот местный дамский комитет Красного Креста обратился к желающим с предложением переносить раненых на носилках. Откликнулось сразу несколько тысяч человек всех национальностей, разного общественного положения и разного возраста: богатые купцы, интеллигенты, ремесленники, воспитанники учебных заведений и т. д. Желающих явилось так много, что в первые же дни пришлось прекратить запись: предложение значительно превысило потребность. Городская Дума со своей стороны обратила в лазарет городскую концертную залу, ассигновала суммы на помощь больным и раненым воинам и т. п.

Можно сказать, что все эти явления объясняются тем общим подъемом, который охватил всю Россию, что такую же деятельность проявляют и другие города. Но не забудем, что Вильна все же особенно близко стоит к театру военных действий и поэтому острее переживает все совершающееся. Сюда быстрее и чаще доходят вести и слухи о событиях в Пруссии, в которых участвуют и весьма многие жители Вильны. Здесь, естественно, образовался первый пункт, первая большая станция для приема раненых. Довольно взойти на Замковую гору, расположенную над Ботаническим садом (любимое место прогулок для виленцев), чтобы на западе увидеть гряду холмов, отделяющих город от Ковно, а ведь оттуда уже только 80 верст до прусской границы, за которой теперь гремят ружья и пушки.

Наконец, не забудем, что большинство населения Вильны составляют поляки; немало в ней литовцев и белорусов; для всех них пруссаки, немцы, являются врагом историческим, национальным. Память о победе при Грюнвальде жива в народном сознании. Мне довелось быть в маленьком польском театре, где после исполнения разных «миниатюр» выступил декламатор. Прочитанные им стихи, где изображалась жизнь старой Польши с ее национальными обычаями и которые сопровождались аккомпанементом, удачно соединявшим разные национально-польские мотивы, были, конечно, встречены аплодисментами. Но потом декламатор (молодой артист с прекрасной дикцией) начал читать стихи на темы о современных событиях. Уже первое стихотворение (если не ошибаюсь, поэта Реперта-Чарноцкого), говорившее о борьбе с немцами, вызвало в публике бурю восторга. Тогда, вызванный на «bis», юный декламатор, явно побледнев, прочел другие стихи (кажется, написанные им самим), в которых каждая строфа кончалась перефразировкой известной поговорки:

Jak swiat swiatem
Prusak dlia slowian nie bedzie bratem!*

* Как сват свату, пруссак для славян не будет братом (польск.).

Вся зала пришла почти в исступление: хлопали, стучали ногами и палками, вызывали чтеца вновь и вновь, и ему пришлось раз десять выходить и раскланиваться перед восхищенными слушателями.

Вильна, 17 августа

Рассказы очевидцев (От нашего корреспондента)

В Вильне мне удалось беседовать с несколькими участниками последних боев в Восточной Пруссии.

Прежде всего можно сказать, что настроение всех — как раненых, так и тех, которые случайно должны были покинуть театр войны, — самое бодрое. Без всякого преувеличения приходится повторить стереотипную фразу: все «рвутся обратно». Дело войны, по-видимому, затягивает, увлекает, и тому, кто раз испытал это притяжение, уже трудно от него освободиться. «Хочется в свой полк, своих посмотреть, как-то они там с немцем управляют», — говорил простой солдат. «Знаете, теперь мне уже недостает тех ощущений, которые я переживал на поле битвы», — говорил человек интеллигентный, офицер, раненый (и весьма нелегко) при Марграбове (1-ое августа).

Что-либо новое о наших военных операциях узнать из этих рассказов, конечно, трудно. Каждой части приходилось действовать в ограниченном районе, и она была слишком занята своей ближайшей непосредственной задачей, чтобы следить за событиями в их целом. К тому же простые солдаты плохо запоминают немецкие названия местностей и городов. «Когда перешли границу, то-то была радость! — рассказывает один. — Тотчас сделали привал, смотрим, какая-токая трава за границей, такая же ли, что и у нас». Но в каком именно пункте была перейдена граница, многие не умеют объяснить. «Название немецкое, нешто упомнишь!»

Все, с кем мне приходилось говорить, единогласно свидетельствуют, что наша ружейная стрельба выше немецкой. «Наш даром пуль не пускает, — говорил один солдат, — больше двух на одного человека не потратит: первой пристреляется, а второй — свалит. А немцы так, без порядку палят». Все также согласны, что русское ружье лучше немецкого. «Иные, — рассказывал тот же солдат, — ежели свое ружье попортится, — берут немецкое (много их там на поле валяется); но я никогда своего на немецкое не променяю, — и прицел хуже, и достает не так далеко».

Впрочем, о германской артиллерии все отзываются почтительно: «Умеют стрелять, пожалуй, не хуже нас».

Весьма многие рассказывают о недостойных приемах, которые употребляют немцы в бою. Так, например, нередко случалось, что немецкий отряд шел навстречу русским, высоко подняв руки, словно решившийся сдаться. Когда же наши (пока они не изучили этой хитрости) доверчиво приближались, немцы вдруг падали на землю, а за ними открывался блиндированный автомобиль с пулеметом... несомненно также, что жители некоторых немецких селений помогали своим войскам, сигнализируя им огнем, поджигая строения, чтобы указать недолеты и перелеты снарядов.

Гораздо больше дают рассказы очевидцев для выяснения психологии участников боя. Но вряд ли теперь время вникать в эту психологию. Ограничусь двумя-тремя примерами.

Один молодой вольноопределяющийся рассказывал мне, что жуткое чувство он испытывал только в первые полчаса, во время боя, длившегося с утра до вечера. Потом все совершающееся стало ему казаться рядом упражнений, которые должно выполнять: лечь, окопаться, перебежать, стрелять. Когда он лежал за маленьким окопом, ему неудержимо хотелось поднять голову и посмотреть, что делается вокруг, хотя пули свистали над самой головой. Одна из этих пуль вонзилась в землю около него: и вот ему столь же неудержимо захотелось пощупать рукой, глубоко ли эта пуля вошла в землю, хотя другие ударялись поблизости, тут же.

Очень интересен был рассказ одного полковника, раненного в первые дни после нашего перехода через прусскую границу. В то время как полк перебегал, приближаясь к неприятелю, полковник стоял в стороне, на открытом месте, и в бинокль рассматривал движения немцев. Видно все было отчетливо, вплоть до мелких отличий на мундирах. И это наблюдение так его увлекло, что он не мог решиться покинуть свой пост, когда немцы уже начали обстреливать. Наконец он заметил, что сделался определенно мишенью стрельбы. Немцы «пристреливались»: одна пуля пролетит слева, другая — справа, третья — опять слева. «Такое было впечатление, — говорил полковник, — словно берут в железные клещи». Тогда он лег и попытался добраться к своим; но было уже поздно — пуля его настигла и пробила грудь навывлет. Он упал и мог бы погибнуть, если бы не храбрость адъютанта полка, который сам бросился к раненому и на плечах вынес его под градом пуль.

— Одно обидно, — заключал полковник, что отчасти по собственной неосторожности (свою храбрость он скромно называл неосторожностью) я выбыл из строя. А теперь каждый человек в армии нужен. Постараюсь поскорее поправиться и вернуться к полку.

— Это заключение — «Вернусь к полку» — повторяют все, и солдаты, и офицеры. Чувствуется, что вся армия понимает серьезность идущей борьбы и одушевлена желанием биться и во что бы то ни стало доставить России победу.

Вильно, 18-го августа

Проездом через Варшаву **(От нашего корреспондента)**

Известно, что немцы в самом начале войны уже уверяли, будто Варшава, охваченная революцией, занята германскими войсками. Эти беззастенчивые измышления кажутся особенно нелепыми теперь, когда видишь после месяца войны все ту же прежнюю Варшаву, спокойную, жизнерадостную. Как и вся Россия, — особенно местности, близкие к нашим западным границам, — Варшава пережила пору острой тревоги, когда иные из жителей города спешили его покинуть, другие в страхе ожидали нашествия новых варваров, о калишских подвигах которых доходили вести. Но эта недолгая пора миновала почти бесследно. Уже возвращаются в город многие

семейства, укрывшиеся было в Москве и во внутренних губерниях; возвращаются воспитанники местных учебных заведений, о своевременном открытии которых уже объявлено; возобновилось обычное течение городской общественной жизни; прекратился тот «денежный голод» (отсутствие разменной монеты), от которого несколько дней страдали все жители; цены на продукты «первой необходимости» стали нормальными и т. д. И опять каждый вечер по Краковскому предместью и другим большим улицам Варшавы катится нарядная толпа, по дороге наполняя залитые электричеством «цукарни».

Само собой разумеется, что вся Варшава с самым напряженным вниманием следит за событиями войны. Слишком большие надежды связаны у поляков с исходом этой «борьбы народов», и слишком тяжелая роль выпала в ней на долю Польши, дети которой распределены по армиям трех разных государств и которая стала первой ареной кровавых столкновений. Кроме того, Варшава все же отчетливее других больших городов России слышит самые гулы битв. Всего в 100–150 верстах от города лежат местности, где появлялись передовые немецкие разъезды или которые временно были заняты германскими отрядами. С тех пор как немецкие армии оттеснены на запад, на юг и на север, многие жители Варшавы лично побывали в Лодзи и в родных селениях, видевших у себя немцев. Первым большим этапом, куда стекались беглецы из Калиша и других городов, испытавших режим немецкой оккупации, была Варшава. Варшавяне слышали от очевидцев и видели своими глазами много такого, о чем мы «в глубине России» знаем лишь из газет или <в> пересказе третьих лиц.

Понятно поэтому, с каким лихорадочным нетерпением ждет Варшава новостей с театра войны. В часы, когда выходят вечерние выпуски польских газет, их редакции буквально штурмуются толпой газетчиков обоюго пола и всех возрастов, — штурмуются с криками, иногда и плачем обижаемых старшими подростками, но с таким упорством, какого не увидишь в Москве и Петрограде. Добыв с бою («на полрубля») пачку свежееотпечатанных листков, пронзительно выкрикивая заглавия, мальчишки стремительно бросаются вперед — на людную улицу; за ними, семеня ногами, поспевают женщины в больших платках; далее ковыляют разносчики-ветераны; но все уверены, что их товар не залежится без покупателя. А в то же время толпы других читателей, для которых и две лишние копейки в день составляют расчет, теснятся под воротами и у витрин, где вывешиваются новые телеграммы, долго вникая в краткие, по многозначительные строки, тут же сообщая обсуждая последние известия.

Рядом с этим напряженным вниманием к войне идет в Варшаве, как во всех русских городах, энергичная работа по тому делу, которое носит название «помощь больным и раненым воинам и семействам запасных». Телеграммы уже оповещали о том, что сделали в Варшаве в этом направлении различные общественные организации, но должно добавить, что столь же энергично выступает здесь и частная инициатива. Так, например, один местный богач-еврей отдал во время войны весь свой роскошный дом (как говорят, «почти дворец») под военный лазарет, приняв обязательство содержать его на свой счет. Местные торговые фирмы делают щедрые пожертвования: например, местные табачные фабрики поставляют ежедневно 10 000 папирос для раненых. Местные фельдшера предложили санитарному комите-

ту (при так называемом «обывательском комитете» города Варшавы) свои услуги на все время войны безвозмездно и т. п., и т. д. О подобных предложениях появляются известия в газетах ежедневно.

И все же недаром варшавян называют «парижанами Востока». Они оказались даже «более парижанами, чем сами парижане». Нам сообщают о Париже, что он притих, что его бульвары стали безлюдны, что в нем многие магазины закрыты, большие рестораны и кафе пустуют. Ничего подобного нет в Варшаве. Она осталась сама собой, — с оживленными шумными улицами, с приманчивыми огнями своих уютных кофеен и маленьких баров, со сверкающими вывесками «кинема» и афишами театров; только — по обретенному постановлению администрации — теперь уличная жизнь притихает раньше и раньше гаснут все эти рекламные огни. Истинные варшавяне, а тем более варшавянки, какие бы глубокие волнения ни колебали их душу, всегда умеют сохранить в своей внешней жизни то изящество и ту легкость, которые и придают Варшаве ее пленительное своеобразие. «Мои чувства — во мне, для других у меня — улыбка» — это парижское правило столь же характерно и для Варшавы. Под раскатами грома «военной непогоды», потрясающими всю Польшу и мучительно отзывающимися в Варшаве, она для «наблюдателя со стороны» кажется все тем же «маленьким Парижем», красивым и улыбающимся.

Такой «наблюдатель со стороны», конечно, взял бы на себя слишком много, если бы захотелось судить о настроениях варшавского общества. Для этого необходимо подойти к нему ближе, заглянуть в него глубже. Но, поскольку позволительно делать выводы из статей местной прессы, из суждений, высказанных редакторами и сотрудниками разных периодических изданий, из бесед с отдельными знакомыми, кажется, можно сказать, что значительное большинство в варшавском обществе разделяет надежды общества русского. Объявление войны произвело на варшавское общество впечатление сильнейшее; точно так же сильнейшим образом были затронуты широкие круги и известным объявлением Верховного Главнокомандующего. И чем больше слышишь отзывов об этих двух фактах, столь глубоко затрагивающих жизнь Польши, тем больше убеждаешься, что варшавское общество разделяет в целом взгляд на них русских прогрессивных кругов. Отчасти эти настроения нашли свое выражение в декларациях различных польских партий (из которых последняя, одна из наиболее существенных, — именно декларация польских прогрессистов, — была недавно сообщена на страницах «Русских ведомостей»).

Что же касается массы населения, тех «обывателей», которые не входят ни в какие партийные группировки, то их отношение к событиям определяется, конечно, не какими-либо «программами», но бессознательным влечением души. Каковы бы ни были раньше взаимные отношения поляков и русских в Варшаве, теперь все отступило на второй план перед общим для всех чувством — вражды к общему врагу, к врагу всего славянства. Неприязнь к немцам — как бы врожденное чувство каждого варшавянина: оно берет свое начало в исторических судьбах народа, которому пришлось выдерживать самые жестокие натиски германцев; оно воспитывалось долгими десятилетиями, когда год за годом приходили все новые и новые известия о немецком гнете в польских провинциях Пруссии; оно всегда, как искра под пеплом, тлело на тихих берегах Вислы и под налетевшим ураганом, сломавшим старые преграды, сразу

разгорелось громадным пожаром. В Варшаве, в широких кругах населения, можно услышать разные суждения о том, что в конце концов принесет Польше война России с Германией и Австрией; но в отношениях к самой войне нет разных суждений, а есть лишь одно общее стихийное желание — победы над давним врагом.

Варшавяне верят в русскую армию: вот, может быть, лучшее объяснение их внешнего спокойствия, в наши трудные дни. Отсюда и то исключительное внимание, радостная заботливость, с какой польское население встречает идущие к границе войска. Солдаты сами рассказывали мне, что в польских деревнях жители высказывали им величайшую предупредительность; женщины бежали иногда версты за три, чтобы принести солдатам напиток. В Варшаве русских солдат засыпали цветами. Въезжая в Варшаву, я повстречался с целым полком, шедшим, разделившись на роты, к вокзалу со своим знаменем (конечно, свернутым), с артиллерией, с обозом. Сзади шла, провожая, большая толпа народа, поляков, русских, евреев. Но особенно трогательно было то, что в рядах у всех — у полковника, у офицеров, у каждого солдата, — были с собою цветы — подарок варшавских дам, красивый жест, которым они постарались выразить свое сочувствие уходящим «на брань». И как ярко сверкали над серо-зеленым строем русского войска эти польские цветы, эти алые, желтые и голубые пятна гвоздик, хризантем, лютиков, лилий и роз, — в солдатских мундирах, на походных фуражках и высоко на стальных штыках, зыблемых мерным шагом!

Варшава, 21-го августа

Бои под Люблином **(От нашего корреспондента)**

В Варшаве часто можно встретить жителей Люблина благодаря тому, что железнодорожное сообщение между двумя городами постоянно поддерживается. Среди этих лиц есть видные местные литераторы и общественные деятели, показаниям которых можно безусловно доверять. Они передают подробности о жизни в городе во время войны тех многодневных боев под Люблином, которые в телеграмме Верховного Главнокомандующего были названы «упорными».

В течение ряда дней в Люблине непрерывно была слышна канонада. Говорили, что австрийцы стараются вести «энергичное наступление». После того как Замостье несколько раз переходило из рук в руки, они сосредоточили довольно значительные силы (до трех корпусов) у Красностава. Целью движения был, по-видимому, Ивангород. Одно время австрийцам даже удалось перейти через линию железной дороги, и пальба раздавалась всего в 12-ти верстах от города. Однако в Люблине течение жизни продолжалось почти нормально. К гулу пушечных выстрелов население скоро привыкло. Магазины торговали, газеты выходили. Так называемый «большой» театр был закрыт с самого начала войны, но функционировали кинематографы и при одном из них летний театр. Впрочем, люблинским губернатором Келеповским было издано несколько объявлений, связанных с серьезностью положения дел.

К среде, 20-го августа, определение выяснилось, что перевес в бою — на нашей стороне. Через Люблин стали перевозить пленных австрийцев; всего прошло их не

менее 1500 человек. Были привезены в город различные трофеи: много австрийских винтовок и шашек, зарядные ящики, снаряжения обоза. Потом доставили орудия, взятые с бою; одно из них торжественно возили по всему городу, чтоб подало повод к патриотическим манифестациям. Говорили, что нашими войсками было взято два знамени. Постепенно австрийцы были отбиты на всех позициях и отброшены за Красник. Некоторые части неприятельской армии были вполне деморализованы, и их отступление обращалось в политическое бегство.

Сколько можно судить по отдельным лицам, население Люблина настроено очень бодро и на будущее смотрит спокойно и уверенно.

Варшава, 23 августа

В варшавских госпиталях (От нашего корреспондента)

Варшава самым энергичным образом готовится к приему раненых. Кроме ранее существовавших военных лазаретов, ныне заново оборудованных и расширенных, организован целый ряд других: Красным Крестом, городом, разными общественными учреждениями. Считают, что Варшава может принять свыше 20 000 раненых.

Я имел возможность посетить большинство этих лазаретов. Общее впечатление: прекрасная организация, чистота, полная готовность. Раненых в настоящее время в Варшаве сравнительно немного: многие, бывшие раньше, после подачи первой помощи переведены во внутренние губернии, частью в Москву. Некоторые лазареты только в самые последние дни приведены в готовность.

Главной станцией для первого приема раненых служит «перевязочный пункт» на Петроградском вокзале. Здесь работают три отдельных организации: русского Красного Креста, которому предложили свои услуги и многие поляки, мужчины и женщины (кстати сказать, организуется и особое отделение, «польского Красного Креста»), Общества «Милосердного Самаритянина» и городского «Обывательского комитета». Во главе дела, кроме официальных лиц, стоит г-н Веловойский, редактор журнала «Слово»; во главе «Милосердного Самаритянина» — графиня Воронцовская.

На пункте работает много добровольцев из интеллигентных кругов варшавского польского общества: писатели, артисты, общественные деятели. Так, например, объяснения мне давал г-н Зельверович, известный артист из «Театра Польского» (между прочим, узнав, что я — из Москвы, г-н Зельверович прежде всего осведомился о нашем Художественном театре, перед которым благоговееет). Число желающих работать так велико, что постоянно приходится отказывать. Особенно много предложений поступает со стороны молодежи, так называемых «скалтов» — членов известных «гимнастических» Обществ, ставящих себе целью также взаимную поддержку на пути нравственного развития. Работают на пункте в несколько смен, по 8 часов каждая.

Железнодорожные амбары, обыкновенно назначаемые для хранения товаров, прекрасно приспособлены под лазареты. В стороне — маленькая аптечка; ряд чистых, удобных кроватей; носилки и все приспособления для переноски раненых.

На стене — две иконы рядом: православная и католическая (не надо забывать, что в нашей армии несколько сот тысяч поляков-католиков). На «перевязочном пункте» оказывается только первая помощь: доставленных раненых переодевают в чистые халаты, поят чаем, перевязки переменяют лишь тем, кто в том постоянно нуждается.

Из других лазаретов особенно «блестяще» (другого слова не найду) оборудован городской, в помещении Суворовского кадетского корпуса. Объясняется это тем, что почти вся обстановка сделана заново. Лишь небольшое число кроватей — те, которые стояли раньше в дортуарах кадетов. Громадное большинство сделано на заказ со специальной целью и потому вполне отвечает своему назначению: небольшие, но удобные, с прекрасными «американскими» матрацами, с легкими, но теплыми одеялами, с идеально чистыми простынями, полотенцами и т. д. Около каждой кровати — железный столик с ящиками, также сделанный по особому заказу. На стене, в каждой комнате, — православная икона и католическое распятие. Комнаты — огромные (всего их 7, не считая 3-х меньших); в них много воздуха и целые потоки света. При лазарете — собственная аптека, операционная зала, обширные ванны и т. п. Всего он рассчитан на 1500 человек.

Этот городской госпиталь находится в заведовании Ордена сестер «шариток» (*soeurs de Charite'*), во главе которого стоит сестра графиня Косаковская.

Очень удобно такое помещение Уяздовского госпиталя, расположенного глубоко в большом саду. Впрочем, обо всех виденных мною госпиталях надо сказать, что они вполне отвечают своему назначению. Таков госпиталь в Александро-Мариинском институте, в больнице Младенца Иисуса, Святого Духа, св. Михаила, в помещении Польского банка и др. Раненые и больные солдаты в этих, почти роскошных покоях, окруженные заботами и вниманием, должны отдыхать душой и телом после тяжелых дней, проведенных в трудных походах с ночевками под открытым небом на сырой земле, после неизбежного сухоядения во время боев, после часов под пулями и шрапнелью неприятеля.

Что касается ухода за ранеными, то — сколько можно судить по рассказам лиц, стоящих близко к делу, по свидетельству самих солдат, по общей молве в городе, — лучшего нельзя желать. Мы говорим не о чисто медицинской помощи, в хорошей организации которой не сомневаемся, но об отношении всего персонала лазаретов, пополняемого преимущественно добровольцами. Тот высокий подъем, который охватил в дни войны все польское общество, сказывается и здесь. Девушки из лучших польских семейств посвящают себя уходу за ранеными солдатами, самоотверженно выполняя черную работу, просиживая часы у изголовья какого-нибудь раненого мужика из Псковской губернии, своими руками обмывая тело обессилевшего от потери крови казака. В списке этих юных подвижниц встречаются наиболее известные польские имена, как, например, графиня Потоцкая или графиня Тарло. Сочувствие общества выражается также в щедрых пожертвованиях госпиталям; жертвуются деньги, белье, книги, разные вещи, перевязочные материалы (в которых, ввиду громадного спроса, все госпитали особенно нуждаются). Кроме того, в лазареты постоянно приносятся папиросы, конфеты, печенье, цветы. Каждый посетитель считает долгом что-либо принести раненым в дар.

Оказывались среди раненых и немцы. Разумеется, никакого различия между ними и нашими солдатами не делается. Многих немцев это умиляло, но бывали и непримиримые, отказывавшиеся принимать какие-либо услуги от русских. Несколько раз в наши лазареты доставлялись немецкие солдаты, уже перевязанные немецким санитарным отрядом, который, однако, не мог увезти раненого с поля битвы. Врачи свидетельствуют, что перевязку делают немецкие санитары исключительно хорошо. Бывали и среди русских солдат такие, которым первая помощь была оказана немецкими санитарями. Иные из этих солдат наивно удивлялись, что немцы, перевязав их рану, не делали попытки захватить их в плен.

От самих раненых особенно интересных разговоров мне не пришлось слышать. Рассказы были, по большей части, стереотипные. Но было заметно, что громадное большинство солдат, как русские, так и поляки, вполне сознательно относятся к войне. Все отдают себе отчет, за что идет война и какие громадные ставки брошены на арену мирового состязания. Все крайне интересуются новостями с театра военных действий, грамотные читают вслух товарищам газеты (местные редакции доставляют их бесплатно в госпитали, в большом числе) и довольно хорошо представляют общий ход нашего наступления. Кроме тех, которые обессилели от потери крови, болезни, долгого лежания, — все раненые мечтают о том, чтобы вернуться в строй и продолжать свое великое боевое дело.

Варшава, 24-го августа

Полтораста верст по Восточной Пруссии (От нашего корреспондента)

Счастливый случай свел меня с одним офицером, которому пришлось совершить замечательную поездку: от наших передовых позиций в Восточной Пруссии до одного из русских городов, всего на протяжении почти 150-ти верст. По понятным причинам, я не назову имени этого офицера и не укажу точно местностей, через которые он проезжал. Но я считаю возможным познакомить читателей с некоторыми эпизодами его рассказа, представляющего выдающийся интерес, так как он знакомит с условиями жизни в оккупированных нами провинциях. Добавлю, что события, о которых будет идти речь, происходили дней 10–12 тому назад.

* * *

Офицер, со слов которого я рассказываю, — назову его хотя бы К., — мог взять с собою лишь одного денщика, так как большего числа людей его часть отрядить не могла. Правда, офицеру дано было полномочие взять в случае надобности из какого-либо встречного казацкого отряда, но он этим полномочием не воспользовался. Таким образом, весь переезд через Пруссию К. совершил вдвоем с денщиком, которого назовем хотя бы Р.

Путь по бывшей прусской земле никак не мог считаться безопасным. Хотя регулярная германская армия принуждена была далеко отступить перед натиском наших войск, все местности были полны немецкими шпионами и лазутчиками. Преиму-

шественно на велосипедах они следили за передвижениями наших частей, пользовались всяким случаем нанести нам какой-либо ущерб и не брезговали убийством из засады. Иногда в местностях, уже занятых нами, появлялись вновь и немецкие кавалерийские разъезды. К. знал, что все время должен быть настороже и что успех его предприятия зависит прежде всего от крайней осмотрительности.

На первый же день пути произошла встреча с одним из шпионов. Оглядывая кругозор в бинокль, К. заметил, что на краю дороги отдыхает какой-то человек в одежде «защитного» цвета, положив около себя велосипед. Осторожно приблизившись, офицер громким голосом приказал неизвестному не тронуться с места. Тот, напротив, различив русские мундиры, быстро поднялся, сразу вытащил револьвер и сделал несколько выстрелов, по счастью не причинивших вреда; потом вскочил на свою машину и помчался по дороге. Офицер еще раз закричал ему: «Halt!»*. Велосипед продолжал лететь, стараясь достичь ближнего леса, где мог скрыться, с тем, чтобы потом известить своих товарищей о двух одиноких путешественниках. Колеситься было нельзя, и офицер, в свою очередь, направил револьвер. Второй пулей шпион был убит наповал.

Не меньшую опасность представляли немецкие селения. В то время как жители польских деревень в Восточной Пруссии встречали русских приветливо и охотно оказывали им всякие услуги, жители селений немецких или скрываются, или прибегают к самым безобразным формам партизанской войны. Наши солдаты, например, глубоко убеждены, что немцы отравляют колодцы, хотя вряд ли это осуществимо уже в силу технических трудностей. Во всяком случае немцы стреляют из окон по проходящим русским, ночью пытаются зарезать сонных и т. д. Строго удостоверен факт, что в одной деревне какая-то немка, женщина пожилая, мать большого семейства, выстрелила одному офицеру в спину после того, как тот спросил у нее молока и заплатил ей за кринку серебряным рублем, но неосторожно повернулся, поднося стакан к губам.

В виду всего этого благоразумие требовало не проводить ночей в домах. После целого дня трудного пути К. со своим денщиком решил переночевать в поле. Уже вечером, в наступающей темноте, им пришлось пересечь небольшую рощу. Через нее они ехали, не спуская пальцев с курка. За рощей оказалась обширная поляна, где по крайней мере можно было не опасаться нападения неожиданного. Привязав не без труда лошадей, офицер и его денщик согласились караулить по очереди, так как общая опасность временно сравняла их. К. признается, что эта первая ночь в темном поле, вдали от товарищей, когда надо было полагаться только на свои собственные силы и остерегаться каждого шороха, каждой тени, каждого куста, навела на душу более жуткое чувство, чем часы ожесточенного боя под немецкими пулями и шрапнелью.

Продолжая путь на следующий день, К. одно время затруднялся в выборе дороги. Хотя с ним была подробная карта и компас, все же нелегко было разобраться среди множества перекрещивающихся тропинок, идущих по изрезанной местности, с оврагами, озерами и лесками. Заметив в отдалении довольно большую помещицью усадьбу, К. решил обратиться туда за справками. Первоначально он разузнал,

* Стой! (нем.)

конечно, кого может встретить в усадьбе, и убедился, что там — только старик-хозяин и его столь же старый слуга. Помещик — известный старожил-немец, гордящийся своим гербом, весьма почтенный с виду, — встретил русских дружелюбно. Он предложил офицеру завтрак, от которого тот отказался, и рассказал, что все его слуги, кроме одного, при приближении русских разбежались. «Сам же я, — добавил старик, — не пожелал покинуть родного дома, где я родился и надеюсь умереть. Русским я никакого зла не сделаю и верю, что они также не сделают зла мне». Офицер спросил разъяснений относительно дороги. Помещик выразил готовность помочь русским, вышел из комнаты и вернулся со своим слугой Карлом, говоря, что этот Карл проведет путников куда надо.

Карл также имел вид весьма почтенный, с седыми волосами и седыми усами, и казался типом старого преданного слуги, беспрекословно выполняющего волю хозяина. Идя впереди путешественников и указывая им дорогу, Карл держал себя с большим достоинством и между прочим сурово осуждал бежавших слуг, которые не поняли, что мирные жители во время войны должны продолжать свою обычную работу. Скоро, однако, офицер заметил, что Карл ведет их совсем не по тому направлению, как следовало, — по какой-то узкой тропинке между болотистыми лугами. Спустя некоторое время К. мог вполне убедиться, что Карл имеет намерение завести их в непроходимые топи. Опять пришлось взяться за револьвер и направить его прямо в лоб проводнику. Поняв, что его коварство открыто, Карл побледнел и задрожал. Сразу пропала вся его почтенность, и он стал униженно умолять о пощаде. Постоянно угрожая револьвером, К. заставил проводника вывести себя на правильную дорогу.

В тот же день К. и его денщику пришлось быть свидетелями возмутительного дела. По дороге они натолкнулись на несколько опрокинутых и разломанных повозок, около которых лежали обезображенные трупы польских крестьян. Позднее один из товарищей убитых, почти чудом сам избежавший смерти, объяснил, что здесь произошло. Это возвращались с пустыми телегами местные польские крестьяне, помогавшие русским подвозить провиант. На них, совершенно безоружных, напал отряд немецкой кавалерии, совершивший свой рейд в этой местности. Немцы решили наказать поляков за помощь русским. Крестьяне никак не ожидали, что их будут рубить, хотя они не защищаются (да им и нечем было защищаться), и наивно закрывали лица руками, ожидая только побоев. Вместо того немцы рассекали им черепа и прокололи их пиками. Повстречав дальше разъезд казаков, К. указал им на присутствие в окрестностях отряда немецких кавалеристов; все они в тот же день были настигнуты. Третий день пути уже не представлял тех опасностей, как два первых. Местность была вполне очищена от германских войск, и остерегаться приходилось только «мирных» жителей. Впрочем, большинство селений по дороге оказывалось совершенно пустыми. Русские полки уже выступили далее, а местное население не вернулось. Многие селения имели такой вид, словно все жители ушли на несколько часов на прогулку: в своем поспешном бегстве немцы ничего не успели увезти с собою и ничего не разрушили. Дома были вполне приспособлены к жизни, которую можно было начать сегодня же; магазины наполнены товарами: вином, мануфактурой, ювелирными изделиями. Обычно командиры наших полков приставляют к

дверям магазинов стражу, предупреждая, что мародерство будет строжайше преследоваться. Теперь же попадались и такие селения, где с уходом полка стража была временно снята, так что дома и магазины стояли не охраняемые никем.

Офицер не мог скрыть, что при таком зрелище у его денщика возникло сильное желание привезти ценный подарок своей жене (Р. — уроженец одной из пограничных губерний). Велик был соблазн при виде богатого выбора дорогих вещей, как бы не принадлежащих никому. Офицер принужден был прибегнуть к своему авторитету, чтобы напомнить денщику о солдатском долге. В конце концов Р. должен был удовольствоваться немецкой шашкой с золотым вензелем и поясом с серебряными инкрустациями — своей законной военной добычей, взятой еще на поле битвы. Таких трофеев много у всех русских солдат, так как на полях битвы валяются целые груды немецкого оружия; нашим уже надоело его подбирать.

Все путешествие длилось три дня. Но, по словам К., оно потребовало большего напряжения духа, чем трехдневный непрерывный бой. Сознание исполненного долга и удачно выполненного поручения, конечно, давало высокое нравственное удовлетворение. И все же, прибыв к месту расположения наших значительных сил, откуда предстояло ехать уже в полной безопасности, К. почувствовал, как он признается, такое облегчение, какого не знал после окончания многодневных боев и после блестящей победы, одержанной при участии его полка.

Варшава, 25-го августа

Тени (Письмо из Варшавы)

В одном из варшавских госпиталей солдат-поляк, тяжело раненный в Восточной Пруссии, говорил мне:

— Слава Богу, что сюда довели живым: хоть исповедуюсь перед смертью.

Бедняга, по счастью, ошибался, ожидая скорой смерти. Он крайне ослабел от потери крови, но, по всей вероятности, останется жив, поправится: так уверял меня врач. Все же, как много горечи было в простых словах солдата! Тяжело было слушать его рассказ о том, как он с простреленным боком и раздробленной ногой лежал несколько часов на поле сражения и потом несколько дней, временами теряя сознание, совершал переезд до Варшавы, постоянно мучаясь мыслью, что умрет без покаяния.

В русской армии наберется не меньше 600 000 поляков-католиков. Значительная часть их побывала на передовых позициях и выдержала кровопролитные бои. Уже многие убиты и по многим носят траур и плачут близкие в больших городах и маленьких деревушках. Между тем католических священников на фронте в нашей армии нет. Солдатам-католикам приходится томиться сомнением, мучительным для их простых душ, могут ли они обращаться за утешением религии к православному священнику.

Я разговаривал об этом с одним ксендзом, видным общественным деятелем, работающим в нескольких военных госпиталях в Варшаве. Он подтвердил мне, что

ему тоже случилось слушать сходные рассказы от раненых, из которых некоторые готовы были думать, что католические ксендзы боятся приближаться к месту боя, тогда как православные батюшки идут туда. Как достоверный факт он сообщил мне, что из всей варшавской епархии в действующую армию было допущено лишь два католических священника: один прикомандирован к штабу, другой отправлен по особой просьбе коменданта Новогеоргиевской крепости. Оказался при нашей армии еще один ксендз — поляк из Нейденбурга. Когда этот город был занят нашими войсками, ксендз остался с ними и исполнял требы солдат. Желающих ехать в армию среди ксендзов было много, но до сих пор их ходатайства не получили удовлетворения.

Если все это справедливо, такое положение вещей должно признать горестным недоразумением и надеяться, что оно будет скоро исправлено.

Поляки пошли на войну не только по долгу присяги, но и с энтузиазмом защитников своей родины. Выдающиеся польские публицисты уже засвидетельствовали, с каким подъемом было встречено в Польше громадным большинством ее населения объявление войны и с каким подъемом прошла в ней мобилизация. Об этом говорит, например, прекрасная статья А. Святоховского «Поляки и война», обошедшая ряд польских изданий, или недавно появившаяся блестящая статья И. Вейсенгофа «Новый крестовый поход». Они передают, например, случаи, когда польские призывные с упорством добивались, чтобы их поскорее зачислили в армию. То было время, когда из иных пограничных местностей спешно вывозились все административные учреждения, так как можно было опасаться немедленного вторжения германцев. В те дни приходилось настойчиво разыскивать сборные пункты, где могли бы принять призывных, и польские крестьяне, целыми днями бродя по дорогам, добивались своей цели.

Трудно примириться с мыслью, что люди, с такой готовностью отдающие свою кровь и жизнь за родину, будут лишены последнего утешения — перед смертью принять отпущения грехов от священника своего исповедания. Война, на которой человек так часто сталкивается с обликом Смерти, властно пробуждает в душе религиозное чувство. Я сам наблюдал его яркие проявления у многих лиц, отправляющихся на войну (т. е. на самый «театр военных действий»), которые в мирное время не выделялись своим усердием к вере. Нет сомнения, что это чувство громко говорит в сердцах солдат из того народа, который, как и русский, по справедливости считается одним из самых религиозных в Европе.

Современная польская действительность представляет много светлых сторон, показавшихся неожиданными для иных наблюдателей. Энтузиазм, проявленный в войне с Германией как с общим врагом славянства, польским народом; пробуждение в поляках сознания польского единства; первые шаги к подлинному сближению с русскими, выражающиеся хотя бы в трогательно дружеском отношении всего населения Польши к русским солдатам, — все это — явления, которые хотелось бы бережно охранять, чтобы они могли окрепнуть и развиваться. Хотелось бы, чтобы на этот светлый фон не падало ненужных теней.

Над Польшей нависло много теней, — старинных, исторических теней, омрачающих ее жизнь. Деление Польши после утраты политической независимости на

три части, принадлежащие трем различным государствам, привело к возникновению в народе многочисленных партий, имеющих различные «центры тяготения», и это остается глубокой пропастью, из которой вырастают все новые и новые тени. Их рассеять властен только ход истории, об их уничтожении говорит историческое воззвание Верховного Главнокомандующего, и мы не будем касаться их в беглой заметке. Но наблюдатель польской действительности на каждом шагу встречается с другими «маленькими» тенями, для борьбы с которыми не требуется сил титана и которые без нужды оттеняют маленькие события в жизни маленьких людей.

Отсутствие католических священников при нашей армии — «ненужная» тень, хотя «маленькой» она может быть названа лишь относительно, по сравнению с великими тенями, ныне падающими на участь целых народов. Но когда оказывается, например, что Варшава, намеревавшаяся ознаменовать великодушное воззвание Верховного Главнокомандующего достойным празднеством с торжественным богослужением, увидела необходимость ограничиться иллюминацией города, — такая тень кажется случайной и лишней. Когда замечаешь, что в «день флагов», устроенный в Варшаве Красным Крестом, объявления отпечатаны на одном русском языке, который ведь не родной, не материнский для подавляющего большинства жителей, — думается, что эта тень — пусть маленькая, пусть крохотная — напрасно омрачала светлую радость людей, несших свою лепту на нужды войны. Легко было бы насчитать немало таких «маленьких теней», но, при грандиозности совершающихся событий, не хочется быть летописцем мелочных фактов.

Польша переживает новый для нас круг чувств. В польских городах осыпают русские полки цветами; польские крестьяне не хотят брать денег за хлеб, за молоко, за всякие продукты, раздаваемые ими русским воинам; польские гимназисты на свои сбережения покупают груши, чтобы сунуть их за пазуху нашим солдатам; польские девушки проводят ночи над постелью раненых казаков; зарубежные поляки ждут русских как освободителей и т. д. (все это — факты проверенные), — разве это не показатели нового настроения? Выступления обособленных групп (неизбежных в многомиллионном народе) не могут нарушить единства этого настроения. В такие дни, встречая «маленькие тени», по-прежнему падающие на польскую жизнь, хочется каждой из них сказать словами поэта о «последней туче рассеянной бури»: «Довольно, сокройся: пора миновалась!»

Варшава, 27-го августа

«Телеграмма»

Действующая армия (от нашего корреспондента). Группа еврейской молодежи сформировала в Лодзи добровольческий отряд разведчиков-велосипедистов в 150 человек.

В Ченстохове открыты школы с преподаванием на немецком языке.

Брюсов

В Северной Польше

Не прошло и недели с тех пор, как я возвратился из своей поездки по северу Плоцкой губернии, а положение дел там изменилось резко. То усиление прусского восточного фронта, которое было куплено ценою ослабления германских армий во Франции, отказа в существенной помощи Австрии, ссоры с Баварией и т. д., сказались в движении немцев не только на востоке, но и на юге. Немецкие войска вторглись в восточную часть Польши и западную часть Ломжинской губернии.

Уже вчера стали встречаться в Варшаве беглецы из этого района. Сегодня их число безмерно возросло. Среди них есть и лица, с которыми я познакомился во время своей поездки. Они рассказывают о занятии немцами то одного, то другого пункта и о движении германской армии, которую иным довелось видеть. Она двигалась по шоссе своим обычным маршем, сомкнутыми колоннами, таща за собой целые парки артиллерии (так уверяли очевидцы, вряд ли их можно признать беспристрастными наблюдателями), сопровождаемая блиндированными автомобилями, походными кухнями, работающими во время самого марша, и огромными фургонами. В занятых городах остался немецкий гарнизон и поднимался флаг. Недаром, значит, упорно кружили над тем краем немецкие аэропланы! Летчики высмотрели дороги для своей армии.

Мне вспоминаются те городки, где еще 5–6 дней тому назад я наблюдал, как жизнь старается приспособиться к условиям, созданным войной. Мне вспоминается Прасниш (по-польски Пшаснишь), где я был в базарный день. Местные крестьяне навезли в город своих сельских продуктов, продавали с возов картофель, яблоки, сено, а сами приторговывались к разным «городским штучкам». Былолюдно и шумно; чайная и магазины делали бойкие дела. Теперь Прасниш занят немцами. Опустел и Цеханов, где я провел ночь в «отеле», где еще недавно наши солдаты перемигивались на улицах с хорошенькими еврейками, где в местном лучшем ресторане шли шумные споры о судьбе Австро-Венгрии. Говорят, из Цеханова выехало почти все население: остались лишь круглые бедняки да сомнительные девицы, готовые пользоваться всякими обстоятельствами.

Мне вспоминаются те усадьбы, в которых я встречал такое любезное гостеприимство: то роскошные барские, хорошо освещенные электричеством, с вековым парком вокруг, то скромные сельские домики, тихие и уютные, с маленьким садиком и маленьким, руками хозяев посаженным цветником. Вспоминаются и жители этих усадеб, которые, конечно, с ужасом подумывали о близости неприятеля, но всячески старались отогнать от себя мрачные мысли и почти с детской беспечностью продолжали свои обычные занятия, дочитывали начатый роман, засевали для будущей жатвы поля, спорили со мной о преимуществах того или другого курорта. Увы! оправдались черные предчувствия, и, как знать, может быть в комнате, которая была радушно предложена мне, теперь квартирует какой-нибудь прусский комендант, обдумывающий, нельзя ли на соседний город наложить контрибуцию.

Когда я думаю об этом, когда представляю себе немцев в тех самых городках, где был так недавно, — тихих польско-еврейских городках, — на тех самых дорогах, по которым только что проезжал, тенистых, обсаженных вязами дорогах, с распятия-

ми на перекрестках, — война перестает быть для меня чем-то отвлеченным, чем-то таким, о чем читают и пишут в газетах, но реальным, страшным делом. И пусть каждый представляет себе, что враг вошел именно в его город, обидел именно его близких, занял именно его комнату, — тогда таким же реальным, страшным делом станет война для каждого. И тогда он почерпнет в себе новые силы, может быть, уже ослабевающие, чтобы приносить новые жертвы ради ее скорейшего прекращения, что может быть достигнуто лишь одним: полным разгромом наших врагов.

Большинство жителей, имевших возможность уехать из местностей, вновь занятых немцами, не спешили сделать это. Но некоторые остались: кто потому, что не успел выбраться вовремя (это было нелегко, так как лошадей стремились захватить все), а кто — и сознательно. Один помещик (из района Прасниша), у которого я также гостил около суток, заранее сказал мне, что он из своего имения при приближении немцев не уедет. «Как могу я бросить крестьян, — говорил он мне, — которые привыкли искать у меня помощи во всех трудных обстоятельствах? Я останусь, чтобы по мере сил оборонять и поддерживать их».

Русская армия готовится встретить новый натиск врага.

6-го сентября

Русско-германская граница **Варшава** **(От нашего корреспондента)**

Выяснилось, что известие о вторичном движении немцев на Новорадомск и Петроков было основано на недоразумении. Дежурному при железнодорожном телефоне в Радомске ошибочно сообщили о приближении немецких отрядов. Дежурный дал знать в Петроков и, намереваясь вывезти казенное имущество, начал с того, что снял телефонный аппарат. В Петрокове, убедившись, что Радомск на телефонные запросы не отвечает, решили, что он занят немцами. Петроков был в сильном волнении, пока недоразумение не выяснилось.

За Лодзью кавалерийские стычки успешны для нас. Немцы понесли значительный урон. У нас потерь почти нет.

Брюсов

Поездка в Пултуск **(От нашего корреспондента)**

«Под Пултуском идет бой». — «Пултуск взят немцами». — «Немцы идут от Пултуска на Варшаву».

Неизвестно, где возникают такие слухи. Но их распространяют, их повторяют, ссылаясь на разные авторитетные источники. Какой-то помещик, приехавший в Варшаву из имения, лежащего неподалеку от Пултуска, рассказывает, что сам слышал в том направлении сильную канонаду. Другой господин под великой тайной уверял, что о взятии Пултуска ему сообщили чуть ли не официально...

Само по себе известие было довольно правдоподобно. После вторжения в восточную часть Плоцкой и западной Ломжинской губернии немцам было естественно идти к Пултуску. Но возбуждала большое сомнение стремительность движения. На этом фронте германские войска подвигаются вообще медленно. Они явно боятся действовать решительно и проявляют крайнюю осторожность. Затрудняют их также их тяжелая артиллерия и огромные обозы. Поэтому я лично к известию, что Пултуск уже занят немцами, отнесся с подобающим скептицизмом.

Один из моих сотоварищей по работе, Ф<илатов>, корреспондент одного из английских агентств, предложил мне совместно отправиться к Пултуску. Предложение было весьма подходящим. Лично я намеревался главным образом ознакомиться с настроением населения. За неделю перед тем я видел жизнь на севере Польши, когда угроза нашествия была сравнительно еще далека. Теперь я надеялся присмотреться к местной жизни в дни решительных событий. Мы решили ехать немедленно, в воскресенье 7-го сентября, рано утром, в автомобиле.

И накануне вечером, и в самую минуту отъезда нас всячески уговаривали отказаться от нашего замысла. «Мы знаем наверное, — говорили мне, — что [...] идет бой; снаряды [...] летают теперь на 10 верст; вас нечаянно убьют, и никто этого даже не заметит». — «Все равно вам не удастся проехать дальше 20–25 верст», — успокаивали другие. Шофер, подавая машину, также предупреждал нас, что придется вернуться с полдороги, так как у него тоже есть самые точные сведения о близости германской армии. Но мы более верили нашим соображениям, нежели всем этим слухам и «точным» сведениям.

Наш путь, миновав предместья Варшавы и несколько пригородных селений, повел нас через красивые, слегка волнистые поля. Мимо нас мелькали старые ракиты, между которыми кое-где поднимались высокие пирамидальные тополя. Даль, прорезанная светлой лентой Нарева, была оживлена лесами и деревнями. Местами из-за деревьев виднелись верхи костела, а один раз проблестели золоченые купола православной церкви. Красивости пейзажа мешала несколько погода: небо было хмурое, с серым облачным покровом; временами начинал моросить дождь.

Меньше чем на полпути нам стали встречаться беглецы из Пултуска. Жители города, испуганные приближением неприятеля, выселялись. Встречались преимущественно бедняки, вообще люди малоимущие, так как более богатые и окрестные помещики выбрались еще раньше. Ехали в самых разнообразных экипажах: в тряских колясках, куда было набито по 8–10-ти человек, в почтовых дощато-жестяных каретках, в прадедовских дилижансах, которые сто лет назад бороздили всю Европу, в возках, в фурах, на телегах. Сидели кучами, увозя с собой весь домашний скарб, — в чемоданах, корзинах, сундуках и узлах. Среди проезжавших мелькнуло несколько гимназических пальто и студенческий мундир. Но большинство составляли, конечно, женщины.

Мы заговаривали с некоторыми из беглецов. Из самых первых расспросов выяснилось, что немцев ни в Пултуске, ни под самим Пултуском еще нет. Но одна мысль о том, что немцы <могут> войти в город, заставила жителей покинуть свои дома, привычное дело, привычную обстановку и бежать. Лошадей было достать трудно, и экипажи нагружались свыше меры. Поэтому ехали очень медленно. Многие из тех,

с которыми мы встречались, выехали из города еще вечером: значит, 30–40 верст они тянулись почти целую ночь.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше встречали этих беглецов. Параллельно с экипажами, вдоль дороги, шли пешие, таща в руках или за плечами узлы со своим добром; женщины несли маленьких детей. Многие сняли обувь и шли босыми. Всем хотелось во что бы то ни стало уйти подальше от немцев...

Наконец, показался Пултуск. Он красиво расположен на другом, возвышенном берегу Нарева. Несколько башен и высоких костелов придают его профилю характерность. Каменные строения, сгруппировавшиеся в середине и окружающие обширную рыночную площадь, делают его подлинно городом, а не большой деревней, каковы иные русские уездные городки. Некоторые уголки Пултуска прямо живописны: например, арка моста через небольшой приток Нарева.

В Пултуске были еще люди, — даже много людей. На базарной площади — целая толпа. Присмотревшись, можно было убедиться, что все это — почти исключительно евреи: польского населения почти не осталось. Некоторые еврейские магазины и лавочки были открыты. Торговали табаком и папиросами, бумагой, бельем, даже книгами и тросточками; какой-то часовщик с лупой в глазу сидел под окном и разбирал принесенные в починку часы. Но магазины съестных припасов, булочные, кофейни, рестораны, гостиницы и все польские торговли были закрыты.

В общем, несмотря на толпу на площади город, в сущности, был пуст. Это чувствовалось по какой-то растерянности движения на улицах, по какой-то неуверенности продавцов в лавочках, по отсутствию подлинного оживления, дыхания подлинной жизни. Были люди, но они временно перестали жить. Все словно ждали чего-то, пережидали что-то. Хотелось и к этому маленькому Пултуску применить гениальное сравнение автора «Войны и мира», который, описывая Москву, перед вступлением в нее Наполеона, сравнил ее с ульем, где нет матки...

Не без труда мы добились впуска в какую-то гостиницу. Нам дали два стакана, тарелку, вилку и нож, но даже чаю уже нельзя было достать. Мы расположились в бильярдной, где под серым чехлом, на стеклянных ножках еще стоял бильярд, где еще оставались на стойке кии, испачканные мелом, и с аспидной доски еще не были стерты цифры, — расчеты игры, шедшей, вероятно, накануне. В соседней комнате хозяйка гостиницы со своей дочерью спешно увязывала более дорогие вещи, также собираясь уезжать. Все остальное имущество им приходилось бросать на произвол судьбы...

Когда мы предложили хозяйке уплатить за посещение, она почти обиделась: — помилуйте, такие ли теперь дни! Пред лицом наступающего врага исчезли «содержатели гостиниц» и «постояльцы»: были лишь люди, связанные общим несчастьем.

У меня были рекомендательные письма к некоторым из постоянных жителей Пултуска, полякам, но никого из них в городе не оказалось: все уже выбрались. Из Пултуска мы поехали несколько дальше, по дороге на Вышков: в этом направлении находится одно имение, к владельцу которого мне также было дано рекомендательное письмо. По пути мы наткнулись на целый табор расположившихся в лесу крестьян. То были беглецы из окрестностей Прасниша, Цеханова и Макова. При

известии о приближении немцев крестьяне выселились целыми деревнями, со всеми семьями, уведя с собой и скот. Теперь они разместились в лесу, кто на телегах, устроив над ними навес, кто в шалашах из зеленых веток. Коровы, лошади и свиньи паслись здесь же, неизвестно на чьей земле. Маленькие дети беспечно бегали по лесу. Матери кормили грудных младенцев. Было похоже на эпизод великого переселения народов.

Мужчины обступили наш автомобиль, прося у нас разъяснений, скоро ли им можно будет вернуться к себе домой.

— Хлеба у нас нема, пане, — твердили они. — Малые дети с нами, чем будем их кормить? Скот где пасти? Может, нам какая помощь будет?

К сожалению, мы не могли сказать в ответ ничего утешительного. На глаз было здесь человек 100–150. Нам говорили, что другие такие же таборы расположились в других местах. От кого они могли ждать помощи, теперь, когда так много нуждающихся в помощи?

В имении, куда мы ехали, хозяев также не оказалось. Управляющий объяснил, что они выехали накануне. На другой день я встретился с ними в Варшаве. Они говорили мне, как тяжело было им расставаться со своим родным домом. Но еще тяжелее было бы принимать в нем немцев, особенно после того, как в последние дни их частыми гостями были русские офицеры. Мне рассказывали еще, что владельцы этой усадьбы перед отъездом раздавали все, что могли, нашим солдатам. «Берите всё, — говорили они, — только бы не досталось немцам!»

От усадьбы мы повернули обратно. За все время переезда, на 70 с лишком верст от Варшавы, мы не видали ни одного немца. Не пролетело даже ни одного неприятельского аэроплана. Большим утешением были для нас беседы со встречными офицерами и солдатами. С нами были газеты того дня; их, как драгоценный подарок, принимали офицеры, которым уже несколько дней не удавалось видеть свежего газетного листка. Солдат мы могли угостить варшавскими папиросами. Наши рассказы о событиях на других фронтах, о русских победах над австрийцами встречались восторженно. «Ну, слава Богу!» — повторяли все — и офицеры, и солдаты.

Взамен нам рассказывали о разных боях и стычках, в которых наши собеседники принимали участие. В шутовском тоне передавались случаи, в которых сказывалась беззаветная храбрость русского солдата... Были и печальные вести. Немцы со своим обычным варварством сжигали усадьбы, мимо которых мы проходили, — те самые усадьбы, в которых я был как гость неделю тому назад. О самых тяжелых боях наши собеседники говорили как о самой обыкновенной вещи. Все были явно воодушевлены любовью к своему делу, верой в своего вождя, убеждением в конечном торжестве нашего оружия. Мне запомнился молоденький офицер, вероятно только что сошедший со школьной скамьи, тщательно выбритый, сохранивший и в условиях походной жизни тонкое изящество в мундире, в осанке. Нельзя точнее передать настроение этого юноши, как сказав, что он «горел» желанием сразиться с немцами; он ждал боя как лучшего праздника. И все, что нам говорили солдаты, сводилось к тому же страстному желанию — поскорее встретиться с врагом. При этом — характерная черта — ни разу в разговорах не промелькнуло и намек на численность неприятеля. Об этом много говорили в Варшаве, где охотно подсчи-

тывали силы германских армий, но здесь, в рядах русского войска, этим как будто никто не интересовался...

Офицеры благодарили нас за привезенные газеты. Было стыдно принимать благодарность, и невольно, никем на то не уполномоченные, но с уверенностью, что мы выражаем общее чувство, мы в один голос возразили: — Помилуйте, господа! Это мы должны благодарить вас, благодарить за себя и за всю Россию!

Солдаты попросили нас отправить несколько писем. Когда хочется подать весть родным и близким, деятельность всякой почты кажется слишком медленной. Мы, разумеется, выразили полную готовность исполнить просьбу, и тотчас со всех сторон потянулись к нам руки с «открытками». В одну минуту у нас собралась добрая сотня «солдатских писем». Теперь они уже расходятся по всем губерниям России, от Царства Польского до Приморской области, от северных окраин до Малороссии и Поволжья. Что написано там, на этих листках, которые не привыкшая к карандашу рука покрыла крупными, кривыми строками? Вероятно, чуть ли не каждое письмо открывается стереотипными словами о том, что пишущий «жив и здоров» и «того же желает» кому-то — своей жене, матери, отцу, детям, «сродственникам». Но какое новое значение обретают в солдатском письме эти простые слова: «жив и здоров», — ведь это почти всё, что хочется узнать родным и близким!

Назад нам пришлось ехать под сильным дождем. Дул холодный, пронзительный ветер. Но на душе опять было светло и ясно. Что из того, если врагом временно заняты какие-то наши городки, какие-то клочки территории, равные по объему одному, и не слишком большому, имению в нашей Сибири! Что из того, если переменный жребий войны принесет нам, там или здесь, новое испытание? Важно то, что цела наша армия, цела и сильна своим духом, своей верой в свое дело, желанием победы и чисто воинским желанием боя. Грустно думать о сожженных немцами усадьбах, где еще недавно сам встречал радушный прием; горестно встречать на большой дороге измученных беглецов, спасающихся от неприятельского нашествия; но радостно и глубоко трогательно видеть наше войско, готовое еще раз дать суровый отпор германским силам и с нетерпением ожидающее врагов, не справляясь об их числе.

Варшава, 9-го сентября

«Телеграмма»

Варшава

(От нашего корреспондента)

Пребывание немцев в восточной части Плоцкой губернии оказалось кратковременным. Местные жители возвращаются в покинутые деревни и усадьбы. Несколько помещичьих домов было сожжено немцами; в разных местах были произведены ими грабежи. Население везде встречает появление наших войск восторженно.

Брюсов <14 сентября>

К бою под Красником

От нескольких лиц, приехавших в Варшаву из Люблина, Красника и Янова, мне удалось узнать различные подробности о ходе наших военных операций в этом районе.

После того как движение австрийцев на Люблин было парализовано, они, — как то известно по сообщению штаба Верховного Главнокомандующего, — перенесли «центр тяжести усилий» в район Томашова, т. е. повели наступление по направлению к Холму, оставляя реку Вепрж слева от себя. В Краснике, однако, они считали себя утвердившимися прочно. Город был объявлен присоединенным к Австро-Венгрии, в нем были введены австрийская администрация и австрийская почта, на стенах расклеены воззвания к населению, составленные на плохом польском языке, со множеством германизмов и русицизмов, причем отпечатанные так, что было почти столько же орфографических ошибок, сколько слов. На разных домах появились надписи, указывающие на постоянные стоянки отдельных частей армии. Здание почты было занято штабом.

Энергичное наступление нашей армии со стороны Люблина застало австрийцев врасплох. Хотя в отдельных боях они имели некоторый перевес, провозглашенный ими большой победой и послуживший поводом для присылки поздравительной телеграммы императора Вильгельма, — австрийцы не надеялись на собственные силы и просили помощи у пруссаков. Из Келецкой губернии им были посланы как подкрепление дивизии, в составе которых находился, между прочим, и стяжавший печальную славу, ныне полковник, Прейскер. Общая защитная линия австро-прусских войск тянулась от Опольц до Туробина, через Красник, всего на протяжении до 70 верст. Во многих местах она была оборудована высокими окопами, брустверами, проволочными заграждениями и т. п. Остатки этих укреплений, иногда почти грандиозных по своим размерам, можно наблюдать и теперь. Пруссаки занимали левое крыло; австрийцы — центр и правое крыло.

После первых стычек бой совершенно разгорелся к 26-му августа. В Люблине опять была отчетливо слышна непрерывная артиллерийская пальба, хотя бой происходил в 20–30-тиверстном отдалении. Рассказывают, что большую помощь санитарным отрядам оказывали местные крестьяне. Они, иногда непосредственно под неприятельским огнем, перевозили на своих повозках раненых, предоставляя им и санитарам все что могли. В Краснике снарядами был разрушен костел, ксендз которого еще раньше австрийцами расстрелян. К вечеру 26 августа выяснилось несомненное преобладание наших войск. Многие неприятельские позиции были нами заняты «штыковым ударом».

Ночью австрийцы, уже деморализованные боем, начали отступление, которое правильнее было бы назвать бегством. Во многих местах они оставили на произвол судьбы орудия и обозы. Солдаты кидали винтовки, чтобы легче было идти. К утру на австрийских позициях остались только арьергарды, главная же масса войск отступила в район Янова. Потому ли, что необходимость в таком «отходе» выяснилась совершенно неожиданно, или по расчету, который приближается к предательству, только австрийцы, по-видимому, не предупредили о своем отступлении пруссаков. Те оказались лицом к лицу с русскими силами, значительно превосходившими их, и

уже не могли надеяться на успех. Несмотря на то что пруссаки, по признанию наших офицеров, продолжали обороняться стойко. Некоторые отряды не сдались, пока не были перебиты до последнего человека. В числе пленных пруссаков — большинство — серьезно раненные, тогда как австрийские арьергарды охотно клали оружие при первом натиске на них.

Огромная военная добыча, доставшаяся нам, частью была временно помещена в Краснике, частью доставлена в Люблин для дальнейшего следования. Здесь было много орудий, зарядных ящиков, фургонов и т. п., хотя целые неприятельские батареи еще оставались на позициях, а в полях были свалены целые груды германских винтовок [...]

В самом Краснике также была взята богатая военная добыча. В той части австрийской армии, которая его занимала, служило много молодежи из видных и богатых семейств. При поспешном отступлении они забыли в помещениях, которыми пользовались, немало принадлежавших им вещей, иногда очень дорогих, например много оружия с золотыми украшениями. В ящиках столов, в почтовом отделении, осталась вся переписка штаба австрийской армии, давшая ряд чрезвычайно ценных указаний. В складах был захвачен собранный австрийцами провиант, запасы корма для лошадей, керосин, спирт, амуниция и т. п.

Как известно, при дальнейшем нашем наступлении, австрийцы были разбиты при Янове и при переправе через Сан. В последнем случае австрийцы опять пытались ускользнуть тайком, поручив арьергарду симулировать артиллерийский бой, незаметно уводя одну батарею за другой. Однако нашим войскам удалось прорвать эти арьергарды (притом почти без потерь с нашей стороны), и атаковать австрийцев во время самой переправы через реку. Еще раньше томашевской, австрийской армии было нанесено поражение генералом Рузским, двигавшимся с юго-востока. В настоящее время наша армия со стороны Люблинской губернии вступила в пределы Галиции.

Поездка в Ярослав (По телефону)

Посетил на автомобиле Ярослав и его окрестности. В Ярославле все его строения целы; не видно даже разбитых стекол. Обычная жизнь понемногу возобновляется, открываются магазины, кафе, рестораны, торговля идет бойко. Везде слышна русская речь, которую местное население прекрасно понимает. В ходу русские деньги — серебро и бумажки, — крону расценивают в 30 копеек. Порядок охраняется австрийскими полицейскими.

Укрепления под Ярославом были весьма сильны и рассчитаны на упорное сопротивление и продолжительную осаду. Весь город был обведен изгородью из колючей проволоки, окружностью не менее 30-ти верст. Каждый из многочисленных фортов окружен рвом с частоколом, обвитым колючей проволокой. В фортах — стальные блиндажи, защищенные траншеи для орудий, свои колодцы, свои оружейные магазины. Однако натиск русских войск заставил австрийцев бежать, бросив громадные запасы провианта и военных снарядов. В полях до сих пор груды из расстрелянных

патронов, бризантных и шрапнельных гранат, мешков с порохом. Самый город был занят без боя.

Население Галиции встречает русских дружелюбно. По всем дорогам еще идут большие партии пленных австрийцев, относящихся к своему положению равнодушно. Жители деревень возобновили полевые работы.

Во время моего пребывания в Ярославле приходили туда известия о наших успешных действиях под Перемышлем. Вылазки осажденного гарнизона были отбиты с большим для него уроном. Несколько важных фортов нами уже взяты; в Ярославле ожидают падения Перемышля со дня на день.

Из Варшавы в Ярослав

І. Люблин

Люблин — первый большой этап на нашем пути из Варшавы в Ярослав. Собственно говоря, по нашему маршруту (мы едем втроем) никакой остановки в Люблине не предполагалось. Но у нашего шофера попортилась машина, и пришлось разыскивать другой автомобиль. Найти его было нелегко, так как во всем городе оказалось лишь два наемных автомобиля (остальные взяты для нужд войны). Недоразумение уладилось лишь к 5-ти часам следующего дня, и волей-неволей мы провели в Люблине целые сутки.

После Варшавы Люблин — самый большой и самый красивый из городов нашей Польши. Наши улицы имеют вполне «европейский отпечаток»; в старом городе узкие закоулочки помнят XVI век. Стройная черная колонна на большом бульваре символизирует Люблинскую унию. О славном прошлом говорят старинные костелы и монастыри, готические и стиля барокко и характерное здание магистрата (ратуша) с козлом на шпилье, — герб города. О недавних событиях красноречиво свидетельствуют пушки, отнятые у немцев в великой Галицийской битве и поставленные перед городским собором. На каждой пушке — латинские надписи «Pro gloria et patria»* и «Ultima ratio regis»** «W. II R.», т. е. «Wilhelm II Rex».

Люблин остается пока базой нашего юго-западного фронта. Это — центр, где встречаются и смешиваются едущие в разных направлениях: и те, которые спешат на наши передовые позиции в Галиции, и те, которые по разным причинам возвращаются в Польшу и во внутреннюю Россию. На краковском предместье (лучшая часть города) и в ресторане «Виктория» сходятся и «старики», уже побывавшие в боях, готовые без усталости рассказывать обо всем испытанном и пережитом; и «молодежь», еще только рвущаяся к подвигам; офицеры армейские и штабные; деятели Красного Креста, сестры милосердия, заведующие продовольственной частью и т. д. На улицах в праздник (мы были в Люблине в воскресенье) местное население совсем растворяется в толпах наших солдат, как и везде, добрых, веселых, склонных пошутить и побалагурить перед предстоящим трудным походом, но ведущих себя в городе паразитически сдержанно; я бы даже сказал — скромно. Гостиницы, конечно, переполнены, и, чтобы получить приют на ночь, надо заручиться особой «протекцией».

* Pro gloria et patria (лат.) — во славу и за родину.

** Ultima ratio regis (лат.) — последний довод королей. (Крайнее средство решения проблемы или вопроса.)

В пансионе «Янина» мы встретились с А.А. Стаховичем, теперь одним из усерднейших работников Красного Креста. А.А. — в полувоенном мундире с перевязью Красного Креста на левой руке; едет из Львова и весь полон мыслями о судьбе Галиции.

В «Виктории» мы встретили несколько знакомых нам офицеров, из которых некоторые только что вернулись из-под Ярослава. Они охотно поделились с нами своими впечатлениями. По их рассказам, австрийцы защищали Ярослав крайне слабо. Наша тяжелая артиллерия сделала только один выстрел. При первом натиске пехоты австрийцы бежали из своих великолепно оборудованных фортов. Едва ли мы потеряли больше 40–50 человек.

Все отзывались очень хорошо о том приеме, какой оказывало нашим войскам местное население. Здесь вовсе не было того поголовного бегства жителей из деревень, как в Восточной Пруссии. В селениях почти все оставались у себя в домах, и «русины» охотно продавали нам местные продукты по самым добросовестным ценам. В некоторых местах русских солдат встречали как избавителей, потому что австрийская армия, отступая, предавалась, даже в Галиции, великим бесчинствам, — жгла, грабила, насиловала женщин...

Пришлось слышать о великом разгроме австрийской армии под Красником. Разбитые австрийцы бежали буквально в паническом страхе. Некоторые части, спасаясь от преследования, в день успевали пройти — вернее, пробежать — до 45-ти верст. Русские солдаты досадливо говорили, что за ними не угнаться. Даже кавалерия не успевала за бегущими. Дороги были завалены брошенными орудиями, ружьями, всякой военной амуницией. До сих пор в Люблине, в парке, лежат огромные груды доставшейся нам добычи, которую решительно нет времени разобрать.

Беседа затянулась до полуночи, тем более что поминутно прибывали новые собеседники из других частей армии, также проходивших чрез Люблин. В общем настроении была особая уверенность, которую дает победа. Это — совершенно особое чувство, которое всем, от высших генералов до последнего солдата, вливает в душу изумительную бодрость, готовность переносить любые труды, неодолимое желание идти вперед, все дальше, преследуя разбитого врага.

Мы вышли на улицу. Ночь была холодная. Почти полная луна освещала черную блестящую колонну Люблинской унии и, дальше, успокоенные германские пушки с вензелем императора Вильгельма. Город спал, но чувствовалось, что этот сон исполнен страшной энергии и могучей силы. То отдыхала русская армия, удачно завершившая дело веков: собиране Руси. И хотелось скорее-скорее спешить по ее следам.

Люблин, 14-го сентября

Безработица в Польше **(От нашего корреспондента)**

Одним из самых грозных спутников войны в Польше является безработица. Некоторый экономический кризис, неизбежно связанный с войной, сказался, конечно, во всей России. Но Польше приходится испытать особо полную чашу испытаний. Так,

например, население Калиша или Млавы лишилось поистине «всего» — и своего дома, и заработка, и всякой возможности иметь кусок хлеба.

С самого начала войны в польских городах организовались «обывательские комитеты», поставившие себе целью заботу о местном населении. Из их представителей в Варшаве возник (уже разрешенный администрацией) «Центральный обывательский комитет», распространивший свою деятельность на все Царство Польское. Этот «Центральный комитет» принял на себя заботу о безработных варшавского генерал-губернаторства. В комитете работают (разумеется, бесплатно) видные общественные деятели; средства составляются из пожертвований, поступающих довольно обильно. Но что может сделать одно местное учреждение, когда перед ним — целая армия нуждающихся в помощи!

Комитет делится на несколько секций: 1) труда, 2) сбора пожертвований, 3) информации, 4) прессы, 5) юридической помощи, 6) врачебной помощи, 7) женской и т. п. О помощи безработным заботится преимущественно секция труда. Она учредила с этой целью в разных частях Варшавы пять «бирж труда», распределенных по мере возможности по роду занятий: на одну приходят чернорабочие, на другую — техники, на третью — ищущие труда конторского и т. п. Здесь записывают их имена и стараются подыскать им занятий. На само собой понятно, что нуждающихся гораздо больше, чем мест. Каждый день на каждой бирже регистрируются сотни новых заявлений, устроить же удастся едва ли несколько десятков человек.

Надо присутствовать на одной из этих бирж в час приема, чтобы видеть, почувствовать всю тяжесть положения. Большой цирк, например, уступленный под биржу чернорабочих, бывает весь заполнен толпой ожидающих; многие, не поместившись в здании, стоят на подъезде, на улице. Здесь и мужчины, изголодавшиеся и исхудалые, и женщины с детьми на руках, и подростки, уже научившиеся содержать сами себя, — все обычные типы безработных. Появление каждого нового человека вызывает в этой толпе тревожное движение: может быть, это — подрядчик, пришедший нанимать рабочих! Так они ждут часами, потому что здесь, на бирже, все-таки можно чего-то ждать.

За полтора месяца существования этих бирж (с 1-го (14-го) августа) устроено комитетом около 4000 человек: 1500 чернорабочих, 1000 ремесленников, 1000 земледельцев, 500 женщин (цифры круглые). Но это — «капля в море», потому что число нуждающихся вдесятеро больше и потому что многие были взяты на работы временные, на несколько недель, так что скоро вновь окажутся в армии безработных. При этом рабочие, несколько более зажиточные, пока еще медлят и стыдятся обратиться за помощью. Они живут, тратя свои скудные сбережения или продавая «лишнее» из своего имущества, в смутной надежде, что та фабрика или тот завод, где они работали, откроются вновь. Тем временем приближается <зима>, когда жизнь становится дороже, когда надо заботиться об отоплении, освещении, теплой одежде и т. п.

Комитет хлопочет прежде всего о том, чтобы рабочим разрешен был даровой или льготный проезд по железным дорогам. Пока такой даровой проезд разрешен лишь для двух категорий: для углекопов, направляющихся в Донецкий бассейн, и для жителей города и уезда Калиша; ожидается льготный проезд (по переселенческому тарифу) для рабочих на свеклосахарных заводах. Между тем отсутствие дарового

проезда часто лишает возможности устроить целые тысячи нуждающихся. В день моего посещения на бирже чернорабочих был представитель одного большого имения в Курской губернии. Он согласен был взять на работу 3000 человек, гарантируя им заработок в 1 р. — 1 р. 25 коп. в день. Но проезд от Варшавы до Курской губернии стоит свыше 6-ти рублей. В оба конца для 3000 человек это составляет свыше 36 000 руб. — сумма, которую ни владелец имения не соглашался принять на свой счет, ни комитет не имел возможность уплатить. Особенно тяжело положение евреев. Вследствие известного антагонизма, местные предприятия неохотно принимают их в число рабочих, для отправления же их в более отдаленные местности нет средств, таким образом, безработным евреям комитет ничем не может помочь.

Тяжело также положение интеллигентных безработных, которых весьма много. Среди них — учителя закрывшихся школ, высшие конторские служащие, бухгалтеры, музыканты и т. п. Комитет надеется, что некоторым из них найдется работа во внутренней России. Учителя могли бы преподавать польский язык, столь мало распространенный среди русских. Музыканты могли бы организовать оркестры, которые познакомили бы Россию с польской музыкой. Можно было бы найти лекторов, которые прочли бы в России ряд публичных лекций о польской литературе, о польском народе и т. д. Но для организации всего этого, конечно, нужно содействие русского общества.

«Мы надеемся на это содействие, — говорил мне г-н ***, показывая одну из бирж труда. — Эта война не местное польское дело, и бедствия, вызванные войной, — не только местные бедствия. Россия ведет войну ради великих задач своей государственной жизни, и, вы видите, мы, поляки, по мере сил, участвуем в этой войне, несем для нее свои жертвы. Но есть задачи для Польши непосильные: таковы и борьба с безработицей, созданной в Польше войной. Где же нам и искать помощи, как не в империи».

Из газет мне известно, что в Москве польский комитет уже озабочен помощью польским безработным, прибывшим в Москву. Но надо помнить, что за этими первыми пришельцами стоит целая армия нуждающихся, которая тоже с надеждой обращает взор «на империю». Может быть, и есть возможности до некоторой степени оправдать эти надежды. Г-н *** был прав, говоря, что война — не местное польское дело. Вся Россия, а не отдельные области ее, принимает участие в помощи раненым. Не являются ли безработные такими же жертвами войны, как и раненые? Не должна ли вся Россия придти к ним на помощь путем всенародного сбора пожертвований или в какой-либо другой форме? Будет с неизменной решимостью продолжать борьбу с врагом, чтобы довести ее до успешного конца, но постарается облегчить ее тяготы друг другу.

Варшава, 10-го сентября

Из Варшавы в Ярослав **II. В разоренной стране**

Дважды австрийцы угрожали Люблину. В первый раз они были отбиты со значительным уроном в 20-х числах августа. После того они сосредоточили на юге

Люблинской губернии огромные силы, подкрепленные двумя корпусами прусских войск. Эта армия, в которой считали не меньше миллиона солдат, была сокрушена в великой галицийской битве — многодневном сражении, не имеющем себе равного в истории. Точнее говоря, происходило два отдельных сражения, каждое с фронтом в 70–80 верст: одно — на левом берегу Вепржа, где были сосредоточены австро-германские силы, тяготевшие к Люблину, другие — <на> правом берегу этой реки, где оперировала армия, пытавшаяся прорваться к Холму. Поражение обеих армий было беспримерное. Австрийцы на левом фланге после кратковременного успеха, подавшего повод императору Вильгельму послать его известную поздравительную телеграмму Францу-Иосифу, были, что называется, «разбиты на голову». В паническом страхе они бежали с обеих позиций тайно, ночью, не предупредив даже о своем отступлении союзные войска пруссаков, которые после того и были почти истреблены («Мы этого предательства не простим австрийцам никогда», — говорил нам один пленный пруссак). Наша армия преследовала австрийцев до Янова, где они тщетно пытались задержаться, и до переправы через реку Сан, где нанесла им новое поражение. В конце концов австрийцы отступили под защиту своих крепостей, предоставив нам почти всю Галицию, до самых Карпат.

Пребывание австрийцев в Люблинской губернии и многочисленные бои в ее пределах тяжко отразились на состоянии края. Проехав всего несколько верст на юг Люблина, уже встречаешь разоренные и сожженные деревни. В иных осталось не больше трети домов; прочие представляют собой бесформенные развалины, груды кирпичей и обгорелых балок, среди которых все еще бродят бывшие хозяева дома (а может быть, и случайные мародеры), выкапывающие из-под углей и пепла все, что сколько-нибудь уцелело от огня. Крестьяне, с которыми мы говорили, с ужасом рассказывали нам о неистовствах австрийцев: они грабили наступая и грабили отступая, жгли, когда бежали от преследующих их казаков. Особенно все жаловались на те насилия, которые чинились австрийцами над женщинами. «Женская повинность» была возведена у австрийцев чуть ли не в систему. Офицеры прямо приказывали: привести в такую-то часть войска столько-то женщин. Не исполнить подобного приказа было невозможно: заслушание полагался расстрел. После этого понятно, что местные жители, когда была хоть малейшая возможность, бежали из деревень при приближении германских отрядов и прятались по лесам, где жили в норах и на деревьях. Не успевшие бежать зарывали в землю свое добро, прикидывались помешанными и т. п. Одна старуха сделалась популярной в округе (да, вероятно, и нажилась), продавая особое питье, которое будто бы предохраняло женщин от последствий пребывания с австрийцами.

— Как же у вас относятся к девушкам, которые побывали у австрийцев? — спросили мы одного крестьянина.

— Что же делать? — угрюмо отвечает тот. — Все у них побывали, все одинаковы!

В настоящее время жители вернулись на родное пепелище. Деревни опять наполнились. Все разместились кто как мог. Иные из погорельцев нашли приют в уцелевших домах, у родственников и «соседей». Другие сколотили себе временные бараки или просто построили шалаши и выкопали землянки. Во всяком случае, сельские работы возобновлены. Женщины, согнув спины, бродят в потоптанных полях ку-

курузы, выбирая сохранившиеся головки. Подрезают хмель, растущий здесь на высоких жердях, сажени в две высоты. В поле, где еще недавно горел кровавый бой, крестьяне идут за бороной, засыпая свежеразбросанные зерна. Война проходит над странами, как ураган, как стихийное бедствие, а древний, вечный, исконный труд земледела продолжается из года в год, из тысячелетия в тысячелетие. Глядя на эти усердные работы на местах битв, я невольно вспомнил свои стихи:

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой.
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

Сейчас же за Люблином начинают встречаться в лесах и в поле окопы. Некоторые из них — маленькие ямки, наскоро вырытые «перебегавшими» солдатами. Другие — солидные сооружения, глубокие траншеи, из которых можно было стрелять стоя. Иные имеют «прикрытие» из досок. Иногда окопы расположены в два, три, четыре «яруса», т. е. составляют несколько параллельных полос. В лесу окопы усилены баррикадами из срубленных деревьев и наваленных сучьев: это — засады. Везде, вокруг окопов, валяется множество расстрелянных и нерасстрелянных патронов, крышки шрапнелей, разные мелкие части военного снаряжения и амуниции. Мы нашли там же обломки ружей: должно быть, они были раздроблены в руках солдат слишком метко угодившими ядрами. Совсем недавно, как нам говорили, валялись здесь же, в полях, австрийские винтовки, тесаки, лопаты и разные ценные предметы, брошенные во время бегства; теперь все это убрано. На многих деревьях — следы артиллерийских снарядов. Есть огромные сосны, расщепленные гранатами. Есть великаны-вязы словно срубленные у самого корня. Некоторые стволы унижены ружейными пулями. Тоненькие деревца, пробитые посредине, висят, жалостно перегнувшись.

Бой не пощадил и придорожных крестов, которых так много в Польше. Некоторые, каменные, разбиты вдребезги снарядами; другие, деревянные, повалены. Мы видели один с отбитой половиной перекладины: трогательный символ над местом кровавого боя. Но вместо разрушенных крестов здесь выросли другие: кресты над братскими могилами. Мы посетили несколько таких могил. Есть над ними кресты безмолвные, без всякой надписи. Есть с кратким перечнем погребенных под ними незаметных героев, положивших душу свою за братьев. На общем кресте не без волнения мы прочли кем-то тщательно выведенные простые слова: «Прощайте, товарищи!»

По дороге, вдоль шоссе, кое-где еще остались зарядные ящики, передки орудий, поломанные повозки. Всего этого было так много, что не достало рук прибрать все. Наши склады в местных городах завалены отнятой и подобранной добычей. Там — целые амбары австрийских ружей, сабель, ранцев, шинелей; целые парки австрийских орудий, из которых можно организовать несколько батарей, тем более, что для них имеется и вполне достойное число снарядов, тоже брошенных отступавшей армией... Очень много в канавах вдоль дороги трупов лошадей. Число их, впрочем, постоянно пополняется обозными лошадьми, не выносящими трудностей долгого пути. Тяжелое впечатление производят эти лошадиные тела с безобразно раскинутыми ногами, с раздувшимися животами, с оскаленными мордами и зака-

тившимися глазами. Говорят, что мародеры ночью сдирают с них шкуры. Мы видели только один пример этого: труп лошади с содранной шкурой. Но один офицер в Замостье рассказывал нам, что однажды он задержал целый воз, нагруженный лошадиными шкурами, воровски содранными на полях битв и вдоль дорог.

Первый большой город, встретившийся нам на пути, был Красностав, верстах в 50-ти от Люблина. Во время последних боев он несколько раз переходил из рук в руки. Дважды Красностав был центром «артиллерийской дуэли». Все кварталы города, прилегающие к реке, окончательно разрушены. Торчат трубы развалившегося строения, стоит одинокая стена исчезнувшего дома, маленькая хибара вся закрыта своей железной крышей, свалившейся до самой земли, словно мальчишка большим картузом, опустившимся на подбородок. Везде груды железа. Кирпича и мусора, все еще дымящегося слабым белым паром. Закопченные, сломанные наполовину вывески глядят о несуществующих больше магазинах и учреждениях. Местами плиты тротуаров выворочены страшной силой снарядов, и превращены в беспорядочно изрытые ямы.

Мост через Вепрж был разрушен австрийцами. Теперь наведен новый, и странно смотреть с него на две стороны города. Одинаково разрушенные боем, представляющие уступы руин, зубцы стен, выступы каких-то башен. Мы проезжали через Красностав ночью. Та же почти полная луна, что и в Люблине, смотрела на нас через глазницы пустых окон, заливала белым светом угольники стен, за которыми не было уже домов, нежной зыбью серебрилась на волнах широкой и мирной реки. Думалось о тех днях, когда вся эта ныне безмолвная картина была оглушена ревом и свистом летящих гранат, озарена языками пламени и заревами бесчисленных пожаров; когда каждый выступ, каждый угол служил прикрытием, прячась за которое, люди перебегали вперед под дождем пуль все ближе и ближе к врагу; когда на улицах дрались грудь с грудью, коля штыками, рубя шашками, и когда окровавленные воды Вепржа крутили и влекли мертвые тела, завалившие его берега... А теперь там и сям в отдельных окнах светились тихие огоньки. Люди, узнав, что миновала грозная опасность, вернулись в свои насиженные гнезда, разобрались в своей полуразграбленной, полусожженной обстановке, кое-как наладили жизнь и вот среди развалин мирно ужинают, шутят, беседуя и вспоминая пережитые горести, строят планы будущего, может быть, целуются и шепчут друг другу перед ликом вечной свидетельницы, луны, любовные речи...

Ночевали мы в Замостье, откуда уже всего верст 40 до нашей бывшей границы с Австрией. Замостье пострадало сравнительно меньше, чем Красностав, хотя и здесь оказалось несколько разрушенных кварталов. Зато средняя лучшая часть города уцелела. В Замостье уже вполне возобновилась обычная жизнь, и две большие гостиницы, «Виктория» и «Европейская», делают хорошие дела в наши дни великого передвижения человеческих масс. Утром мы видели открытые магазины и кафе, работающие городские учреждения, гуляющую по улицам публику. Замостье — город довольно большой; в нем есть хорошие улицы, магазины с высокими зеркальными стеклами, красивые старинные костелы, ряды многоэтажных домов, напоминающих любой европейский центр. Разрушение прошло стороной, и внешний облик города не изменился.

Австрийцы одно время думали обосноваться в Замостье прочно. Было учреждено особое городское управление, изданы «правила» для населения, по улицам для

поддержания порядка поставлены часовые и т. д. Жители полны воспоминаниями об этой поре владычества немцев. Те, которые не успели бежать, одно время пытались продолжать свои привычные занятия. Скоро, однако, выяснилось, что это почти невозможно. Не только соблюдать, но даже запомнить всевозможные предписания, изданные австрийцами, было немислимо. Между тем за несоблюдение их виновных арестовывали, сажали под стражу, даже грозили им расстрелом. Сами австрийцы, разграбив общественное имущество, стали грабить честных людей, врываются под разными предлогами в квартиры, обыскивали их и уносили ценные вещи, в том числе дамские украшения, часы, шубы... Тогда обыватели начали прятаться, делали вид, что квартира совершенно пуста, проводили дни и ночи в сараях, погребах, ван-ных комнатах. На улицу отваживались выходить лишь самые смелые.

Впрочем, и австрийцам, как кажется, жилось в Замостье не сладко. Все запасы съестного, которые нашлись в городе, были быстро истреблены. Подвоза никакого не было; булочки разбежались и хлеба не пекли. Обозы к армии почему-то не подходили. Служанка того дома, где мы нашли себе приют, рассказывала нам, что к ней на кухню пришел австрийский офицер и требовал еды, угрожая револьвером. Она дала ему хлеба и колбасы, и он набросился на эту подачку, как человек изголодавшийся, здесь же на кухне.

— Он так и не вошел в комнаты? — спросили мы.

— Чтобы я позволила австрийцу войти в комнаты пана! Да никогда! — с негодованием возразила эта простая женщина.

В Замостье оказалась возможность пополнить наши запасы. Мы купили хлеба, консервов, шофер достал бензина, «по справедливой цене», как сказал он. Проезжая по улицам, мы видели, что у дверей лавок распаковывались новые тюки, что покупатели и покупательницы заходили в модные и галантерейные магазины, в «складах ветчин» висели свежие окорока, парикмахер с бритвой в руке наклонялся где-то за окном к своему клиенту, завернутому в белый балахон. Жизнь вернулась в город, и если бы не обгорелые стены домов на окраинах, было бы трудно сказать, что и здесь так недавно совершались ужасы войны, что эти торгующие, покупающие, запасающиеся ветчиной, бредущие обыватели так недавно прятались по погребам и ванным комнатам, с часа на час ожидая своей последней минуты.

Было ясное, светлое, чуть-чуть свежее утро. Наш автомобиль обгонял бесконечные ряды обозов, порой тянувшихся на несколько верст. Опять мелькали по сторонам окопы, расщепленные снарядами деревья, брошенные зарядные ящики, трупы лошадей в канавах. Оставалось проехать Томашовский уезд, за которым уже начинается таинственная Галиция, ныне властно призываемая к новой жизни.

Ярослав, 16-го сентября

Из Варшавы в Ярослав

III. По Галиции

Томашовский уезд еще представляет картину полного разорения. Везде — сожженные деревни и потоптанные поля. Значительно пострадал и сам Томашов, близ которого находился центр боя. Теперь Томашов — центральное место, где собрана

наша военная добыча. Склады пока еще переполнены оружием и амуницией австрийской армии; парки — австрийскими батареями. Под городом, в обширном здании, устроен лазарет для раненых и больных австрийцев; в нем работают пленные австрийские врачи. Вскоре после Томашова нам встретились по дороге партии пленных. Австрийцы в своих защитно-синих мундирах, с высокими кепи и венгры в своей яркой кричащей форме покорно шли под конвоем небольшого числа наших солдат. На лицах пленных было полное безразличие; никто не казался удрученным или хотя бы смущенным своим положением. Мы предложили нашим солдатам папирос, но тотчас к нам потянулись с просьбой десятки других рук. Тесня друг друга, пленные австрийцы окружили нас, выпрашивая папироску. Все сбились в кучу, почти насильно вырывали у нас из рук коробки, бросали нам с бесконечностью: «Danke schön»* и радостно затягивались табачным дымом. Конвойные добродушно восстанавливали порядок: в их отношениях к пленным не было никакой суровости, а скорее дружеская снисходительность. Наши солдаты смотрели на конвоируемых австрийцев как на взрослых детей.

С некоторыми из пленных мы разговаривали. На наши вопросы, как они попали в плен, австрийцы пожимали плечами и отвечали небрежно: «Что делать, судьба!»

— Будет, будет! Марш вперед!

Пленные со вздохом поправили шинели, построились рядами и послушно зашагали по дороге дальше.

Последнее селение на нашей стороне перед бывшей границей — Белжиц. Оно также жестоко пострадало во время боев. Целые улицы обратились в ряды обгорелых столбов. Здание таможни сравнено с землей. Пограничный столб еще стоит, но с него сорвана надпись, означающая прежде, что на одну сторону находится Россия, на другую — Австрия. Уцелели в селении лишь отдельные строения. На площади, ставшей пепелищем, одиноко высится колонна с каким-то святым или рыцарем наверху. Тотчас за городом — красивый готический костел, не тронутый ядрами. На его фронтоне крупная надпись, которая видна издали. С места кровавой битвы она громко гласит всей округе:

*Gloria in excelsis Deo**.*

За Белжицем уже начинается Галиция. Первое время пейзаж остается таким же, как в томашовском районе. Но чем дальше мы подвигаемся, тем разительнее меняется обстановка. Местность становится более холмистой; кое-где к самой дороге подступают знаменитые галицийские леса, густые, темные. С мачтовыми стволами. В полях — гораздо меньше окопов, и, где они встречаются, это — маленькие, наскоро вырытые прикрития, имевшие назначение задержать преследователя на несколько минут. Большинство деревень не тронуты вовсе; нивы и кукурузные поля не потоптаны. Наступая, австрийцы щадили свою страну, а отступая, вернее, убегая от нашей армии, шедшей по пятам, думали лишь об одном: скорее укрыться за укреплениями Ярослава и Перемышля. Русские же войска здесь, как и везде, отнеслись бережно и заботливо к местному населению и его добру.

Мы проехали ряд маленьких городков, — Блазив, Цеханов, Олешницы и др. Те из них, в которых происходил бой, сильно повреждены. В Цеханове уничтожен весь

* большое спасибо, сердечная благодарность (нем.)

** благая весть (лат.)

центр города. Там и сям на стенах, где были правительственные учреждения, мелькает австрийский орел. Вот красивое здание с вывеской «К.К. Post». Оно полуразрушено и теперь заколочено. Рядом в скромном домике приютилась «русская почта». Большинство вывесок на двух языках: польском и русинском. Так как русины пользуются нашим русским алфавитом, то по внешнему виду эти вывески совершенно сходны с теми, какие видишь в русской Польше. Жители уже вернулись во все эти городки, и жизнь идет в них полным ходом.

По внешности галичане действительно напоминают наших малороссов. Но есть что-то особенно скорбное в облике галичан. У многих из них длинные бледные лица с пристальными глазами. Выражение — не то наивно-простоватое, не то уныло-покорное. Мужчины одеты как польские крестьяне или в белые свитки; как курьез можно отметить, что на многих — австрийские шинели, в которых теперь часто щеголяют возчики, пастухи, пахари. Женщины в каких-то длинных белых платках или балахонах, что издали придает им вид привидений. Местный язык, сколько можно судить по беглым наблюдениям, почти украинский, но галичане говорят с особым выговором, благодаря чему их речь более понятна русскому, чем речь малоросса. Я, по крайней мере, лучше понимаю галичан, чем понимал украинцев. Сами галичане легко понимают русский разговорный язык, и мы без труда могли вести беседу со встречными крестьянами.

К нам, русским, галичане относились с поразительным добродушием и, так сказать, доверием. Не было ни тени негодования на победителей, недоброжелательства к завоевателям. Напротив, все обращались с нами чуть ли <не> как со «своими», с «родными». Крестьяне-галичане отзывались об австрийской армии, в которой служили их братья и сыновья, в таком тоне, словно бы она была для них столь же чужой и враждебной, как для нас. Все говорили: «австрийцы», «австрийские солдаты», а не «мы», «наши солдаты». Одна женщина просила нас разузнать и дать ей сведения об ее сыне, взятом в плен русскими под Люблином. Имя этого галичанина — Антоний Войцик, но мы ничего не могли узнать о его судьбе. Поведение наших солдат все хвалили в один голос и, кажется, искренно. Русские не грабили, не жгли, не насиловали женщин, за все взятое платили. Напротив, многие жаловались на «австрийцев», главным образом за то, что они принуждали окрестных жителей работать по усилению укреплений Ярослава, Пшемьсла и других крепостей. Галичан гнали на эти работы силой, на целые недели отрывали всех жителей деревни от полевых работ и заставляли трудиться с раннего утра до поздней ночи.

В Олешницах нам встретился русский священник, прибывший сюда с лазаретом Красного Креста. Батюшка был из Москвы, и мы разговорились, как «земляки». Он рассказал нам, что австрийцы, уходя из города, «заковали» и увезли с собой местных униатских священников. Но теперь церкви опять открыты. К православной обедне стекается множество народа. Униаты также считают себя православными, подходят под благословение, просят исповедать их. О галичанах батюшка отзывался даже с какой-то трогательной нежностью. «Хороший, добрый и благочестивый народ», — говорил он.

От Олешниц всего верст 30 до Ярослава. Приблизительно верст за 10 от Ярослава уже начинаются его укрепления и линия фортов. По ним можно судить, с какой

старательностью была организована оборона города. Будь в австрийской армии иной дух, больше решимости, больше уверенности в себе, она могла бы защищать Ярослав очень долго и держаться против значительно превосходящих ее сил. На деле же австрийцы не выдержали самого короткого артиллерийского боя; при первой атаке они бросились бежать и объявили, что сдаются. Выше я приводил слова одного офицера, что наша тяжелая артиллерия под Ярославом дала лишь один залп. В нашей армии готовились принять в походные госпитали тысячи раненых, а их оказалось всего 40–50 человек.

Весь город обнесен кругом высокой изгородью из колючей проволоки, тянущейся в округности, я думаю, не менее, как на 30 верст. Дороги, около которых изгородь прерывается, были заставлены баррикадами из огромных пней и стволов столетних вязов. Теперь эти великаны лесов свалены вдоль дороги, и на них, играя, пляшут маленькие дети. Все деревья вокруг всего города, на громадном пространстве, были порублены; вдоль шоссе теперь тянутся в два ряда исполинские пни. Все было приготовлено для артиллерийского обстрела наступающих и для свободного сражения на открытом поле — но сражение не состоялось, и артиллерия не сумела или не посмела проявить свое действие.

Внутри изгороди, охватывающей город, на небольших расстояниях один от другого, расположены блиндированные форты. Всех их, кажется, около 30-ти. Некоторые соединены между собою траншеями и проходами, защищенными изгородью из колючей проволоки. Между фортами, в разных местах, выкопаны глубокие волчьи ямы. Каждый пригорок, каждый бугорок использован, чтобы служить прикрытием и опорой для войск и для артиллерии. В общем, если укрепления Ярослава и не могут быть признаны «крепостью 1-го разряда» (те, сколько я знаю, сооружаются из бетона), то все же являются укреплениями большой силы, способными при надлежащем составе занимающей их армии оказать величайшее сопротивление неприятелю.

Устройство всех фортов единообразно, и они различаются лишь своей величиной и своим расстоянием от города. Каждый форт также обнесен кругом изгородью из колючей проволоки. За ней идет глубокий ров, в котором на кольях, поставленных в три ряда, натянута целая паутина той же колючей проволоки. За этим труднопреодолимым препятствием высятся самые форты, насыпанные из земли со стальными блиндажами; верх вала весь обложен мешками с песком. В отдельных углублениях, сделанных в валу, со стальным потолком и соломенным полом, устроены приспособления для обзора окрестностей: стальное окошечко, задвигающееся стальной ставней. Для артиллерийских орудий приспособлены особые помещения, дающие возможность поворачивать дуло во все стороны и в то же время надежно защищающие артиллеристов. Для ружейной стрельбы имеются особые переносные оконца. Внутри форты разделены проходами, как бы улочками, на отдельные укрепления, одни выше, другие ниже. В каждом форте — свой колодец для воды, своя кухонка с кирпичной печью, свои магазины для склада припасов, оружия и снарядов. Одним словом, каждый форт — маленькая крепость, способная выдержать долговременную осаду.

Когда мы имели случай посетить эти форты, они, конечно, уже были прибраны. Из них были вынесены тела убитых, большие орудия, оружие, большинство вещей.

И все же так велика была добыча, оставленная нам австрийцами, что еще очень многое осталось в фортах и до дня нашего прихода. Не говоря уже о том, что везде были разбросаны груды расстрелянных патронов и сотни верхушек от шрапнелей. Но, кроме того, в большом числе валялись пачки патронов не расстрелянных; местами, как град, были рассыпаны пули без патронов; часто попадались зарядные ящики и сотни мешочков с порохом. В одном месте были сложены, вероятно уже нашими солдатами, длинные ряды бризантных гранат и шрапнелей. В другом — стояли вполне целые зарядные ящики, в которых аккуратно размещены в особых ячейках готовые к употреблению гранаты. Было почти жутко смотреть на эти страшные орудия разрушения, таившие в себе смерть тысяч и тысяч, а теперь как бы позабытые в углу покинутого форта. Достаточно было неосторожного толчка, чтобы последовал чудовищный взрыв, после которого не только от нас, любопытствующих зрителей, но, может быть, и от самого форта, где мы стояли, не осталось бы ничего, кроме бесформенной груды разорванных тел, взметенной земли, обломков дерева и стали.

Австрийцы оставили в фортах не только артиллерию и заряды, но и громадные запасы провианта. В самом городе также были найдены нашими войсками богатые склады военного снаряжения и провианта. Из австрийских зарядных ящиков теперь сложены целые горы. Заготовленной амуниции оказалось так много, что в нее можно было бы одеть чуть не полный корпус. В частных складах и магазинах было запасено всего вдоволь.

Несомненно, жители Ярослава ожидали, что им придется выдерживать долгую осаду, может быть в течение нескольких месяцев. Уверения австрийского генерального штаба, будто Ярослав сдан «по стратегическим соображениям» и будто очищение его входило с самого начала в план кампании, противоречат фактам. Чтобы заготовить запасы, собранные в городе, и возвести укрепления, которыми он окружен, надо было потратить много энергии и много времени. Одно обнесение всего города, включая и форты, выдвинутые от него на 5–10 верст, изгородью из колючей проволоки, должно было потребовать огромного числа рабочих рук. Уже после поражения под Томашовым австрийцы все еще продолжали с лихорадочной поспешностью усиливать форты Ярослава. Принудительный труд на этих сооружениях вызывал ропот в местном населении. Неужели же это все делалось ради одной «демонстрации»?

Уходя из Ярослава, австрийцы успели взорвать мост через реку Сан. Теперь переправа совершается по нескольким понтонным мостам, наведенным нашими саперами. Широкий Сан невозмутимо отражает в своих быстро мчащихся водах и серое небо, предвещающее долгожданный дождь, и понтонные мосты с медленно движущимися по ним телегами и грузовиками, и пестрые толпы на берегах. Так отражал он несколько дней назад беспорядочные колонны австрийцев, спешно, под натиском русских, покидавших город, который они не сумели защитить. Так, в другом месте немного раньше отражал он страшную картину гибели арьергарда [...] австрийской армии, который самоотверженно прикрывал торопливое отступление ее главных сил. Он отражает теперь бодрые лица победителей, чувствующих себя хозяевами в этой стране, как отражал вспышки разрывающихся шрапнелей, клубы дыма и искаженные лица сраженных в бою, которые бессильно падали в его водное лоно... А там, на другом берегу, весь в кудрявой зелени, подымаясь

уступами и вознося к небу верхи и кресты православных церквей и старинных костелов, стоит завоеванный нами, возвращенный России, старый русский город Ярослав.

Замостье, 16 сентября

Из Варшавы в Ярослав

IV. Ярослав

Непривычное и странное чувство — гулять по улицам только что завоеванного города. К городам полуопустелым я уже привык в Польше, посещал те уезды, где побывали германцы. Закрытые магазины, запертые двери гостиниц и кафе, на улицах — преобладание военных мундиров, в массе которых тонут отдельные фигуры обывателей; почти полное отсутствие женщин, кроме тех, которые слишком нарумяненными щеками явно выдают свою профессию; все это — картины, к которым мои глаза присмотрелись. После переезда через Люблинскую губернию не новы стали для меня и картины полного разрушения, выгоревших кварталов, обрушившихся домов, разбитых снарядами стен — городов, превращенных шествием войны в пепелище. Но во внешнем облике Ярослава сразу сказалось нечто совершенно новое, еще нигде и никогда не виданное, нечто характерно особенное, что только и можно определить словами: «завоеванный город».

После недолгого артиллерийского обстрела фортов самый Ярослав был сдан без боя. Поэтому город не пострадал вовсе. Мы не мстили на нем австрийцам за разрушение Красностава, Замостья, Томашова, — не мстили, может быть, и потому, что уже считали Ярослав своим. В городе нет не только сожженных кварталов, но даже просто поврежденных зданий: все нетронуто и цело, и, кажется, нет ни одного разбитого стекла в окнах. Наши войска вступили в Ярослав так же мирно, как они входят в Москву, в Смоленск, в Варшаву, — в любой русский город. Ярослав, т. е. его строения, его улицы, — все в нем осталось таким же, каким было при владычестве австрийцев. Гуляя по Ярославу, невольно любишь этим одним из красивейших городов Галиции. В нем — несколько широких, прекрасно мощенных улиц, обставленных многоэтажными домами. С большими зеркальными стеклами магазинов; лучшая улица, Краковская (она же Грюнвальдовская), очень напоминает Георгиевский проспект в Вильне. Великолепное здание ратуши сделало бы честь любому городу Австрии или Германии. Горный характер города придает особую красоту некоторым его перспективам: так, забываем вид на своеобразный красочный собор, расположенный на склоне к реке Сан, — напоминающий собор св. Марка в Венеции.

Когда я бродил по улицам Ярослава, — через несколько дней после его занятия нашей армией, — город еще не вполне вернулся к обычной жизни. Еще много магазинов на главных улицах было закрыто, — закрыто основательно, прочными железными жалюзи. Вывески «*Restauratia*» манили напрасно, так как двери оказывались прочно запертыми. Шли по улицам почти исключительно наши офицеры и солдаты. Лица интеллигентного круга, в «штатском», встречались крайне редко; совсем не было среди них женщин. Обывателей из «простых» встречалось несрав-

ненно больше; судя по внешнему виду, — рабочие, ремесленники, мелкие купцы, торговки, приказчики, кассирши. Порядок поддерживался на улицах австрийскими полицейскими. В своей обычной форме они стояли на своих обычных местах, зорко озирали прохожих, поспешно старались уладить всякое уличное недоразумение, охотно и любезно отвечали на вопросы, например указывая дорогу и отдавая честь проходящим мимо русским офицерам. Сменилось начальство, но служба осталась та же.

Однако в то же время жизнь явно уже начинала вливаться в этот завоеванный город. Его можно было сравнить с больным, очнувшимся от внезапного обморока и медленно обретающим вновь способность управлять своими членами. В разных местах кафе были открыты; в них девушки-служанки, державшие себя очень скромно, разносили по требованию тарелки с супом, шницель и бифштекс, кофе, лимонад. Торговали отдельные магазины: книжные и письменных принадлежностей, скобяные и белья, готового платья, мелочные лавочки, даже ювелиры и часовщики. Торговля везде шла бойко. Офицеры запасались бельем, покупали разные поизносившиеся у них части туалета, бумагу, чернила, одеколон; брали вещи «на память» об Ярославле или на подарок близким. Огромный спрос был на «открытки» с видами Ярославля, но они в первый же день были здесь распроданы: при нас оставалась лишь одна серия с видом на собор, которую тоже брали нарасхват. Лично я в одной книжной лавке купил «на память» подержанный экземпляр третьей части «Дядюшкин рассказы» Мицкевича и несколько местных изданий.

Много покупали и наши солдаты — в лавочках, на рынке и у торговцев вразнос. Большой успех имели у солдат местные вязаные изделия, с которыми приставали к прохожим на углах бабы. Какой-то изворотливый мужичок, поместившись в темной аркаде на рынке, бойко распродавал солдатам вещи, резанные из дерева, точь-в-точь наши «сергиевские» изделия. Всего больше соблазняли солдат деревянные ложки. «Четыре копейки штука!» — громко выкрикивал по-русски торговец, и солдаты, теснясь вокруг него, сыпали ему русские копейки, забирая австрийские ложки. При этом нигде, ни на рынке, ни в маленьких лавчонках, — никому не приходило в голову, что можно взять что-нибудь без денег. Мы много слышали о том, как обирали австрийцы купцов и жителей в занятых городах. Русская армия в австрийском Ярославле расплачивалась за все. Солдаты жаловались на «дороговью» (т. е. на дороговизну, что было несправедливо, так как цены везде были дешевые), усердно торговались, порой отказывались из-за цены от понравившейся вещи, но, взяв что-нибудь, всегда платили. Я, по крайней мере, иных примеров в Ярославле не видел, и даже не слышал о них.

Платили русскими деньгами. В магазинах, в гостиницах, в кафе охотно брали и русское серебро, и русские бумажки. По привычке счет вели на кроны, но тотчас переводили цену на рубли и копейки. Крону при этом ценили в 30 коп. «Стоит 3 ½ кроны», — объявил мне приказчик, предлагая вязаный шарф, и, подсчитав на бумажке, добавил: «Один рубль пять копеек». При таком добросовестном подсчете цены получались иногда странные. Так, например, за три чашки кофе с нас взяли 27 коп. (по 30-ти геллеров за чашку). У некоторых офицеров были австрийские деньги; мне показалось, что их принимали с меньшим удовольствием, чем русское сере-

бро. Разменной мелкой монеты не хватало, но это служило только поводом навязать покупателю несколько лишних вещей. Местные торговцы делали это с большим искусством и с пониманием психологии русского покупателя, так что большинство магазинов должно было сделать хорошие дела.

— Ого! Да вы поторговали как следует! — сказал я хозяину бельского магазина, выбиравшему при мне из кассы дневную выручку.

— Вот господа офицеры немного помогли, а то совсем были плохие дела, — ответил мне торговец с обычной купеческой скромностью. При этом он укладывал в карман толстые пачки десятирублевки и трехрублевки. По-видимому, для многих в Ярославе вступление в него русской армии было тоже «поправкой плохих дел». В то время как немцы грабят взятые ими города и разоряют контрибуциями, мы обогащаем занятую нами Галицию.

Объясняться в Ярославе можно было большей частью прямо по-русски. В больших магазинах приказчики прекрасно понимали русскую речь; говорили по-русски они хуже, примешивая польские слова и немецкие выражения, но в общем понять их было можно. Женщины, т. е. приказчицы, и девушки, служащие в кафе, русского языка не знали. С ними русские посетители объяснялись на особом волапуке, составленном из простейших слов трех языков.

— Прошу, пани, ein Halstuch.

— Четырнадцать копеек.

— Еще носки.

— Зараз?

— Да, вместе. Заверните, пожалуйста.

— Дзенкуем. Danke schön.

Простой народ говорил на своем языке, т. е. по-украински. Но, как я уже указывал, благодаря, должно быть, выговору, этот язык был достаточно понятен даже для наших солдат из внутренних губерний. Во всяком случае, солдаты превосходно договаривались с местными жителями.

Гуляя по городу, интересно было наблюдать отдельные сцены, свидетельствовавшие, что город после краткого оцепенения воскресает для новой жизни. Вот около одного из закрытых кинематографов хлопочут двое рабочих: что-то пилят, приспособливают какие-то доски. Вступаю в разговор, и оказывается, что хозяин собирается открыть свой электротheater; кажется, уже получил разрешение военного начальства. Но ведь чтобы пустить в ход кинематограф, нужна электрическая энергия, нужна типография, которая отпечатала бы афиши, нужно многое, что возможно только в городе, живущем полной жизнью.

Вот по большой дороге в город въезжает крестьянская телега. В телеге — парень с простоватым лицом, свирепая старуха в национальном галицийском балахоне и корова. В первый раз вижу, что корову везут в телеге, вместо того чтобы вести ее сзади, привязав за рога. Пытаюсь побеседовать с парнем, но он не понимает по-русски, ни по-польски, ни по-немецки:

— Не, не разумеем.

Все-таки понимаю из его объяснений, что он с матерью «утекал» от битвы. Теперь, узнав, что «российские» никому не делают вреда, они возвращаются к себе.

У них на окраине города — торговля портновским прикладом, бумагой, нитками, иголками. Город, видимо, заселяется вновь.

Варшава, 22-го сентября

На позициях¹ (От нашего корреспондента)

Прекрасный осенний день. Сосновый бор вокруг нас дышит смолой. Наш автомобиль легко пожирает версты гладкого шоссе. Но мы забыли любоваться красотой природы. Привстав, мы впились глазами в небо. Там, далеко перед нами, в синеве, кое-где занавешенной белыми облачками, — две серые точки. Мы знаем, что это — немецкие аэропланы. Глаз не может оторваться от них, а в ушах стучит неотступный вопрос: неужели они уйдут безнаказанно?

Чу! Как будто сухой треск вдали. Что это? Ружейная стрельба? Дай Бог, чтобы так было. Видно, как один аэроплан забирает все выше; он явно уходит. Но вот другой как-то колыхнулся, почти ковырнулся в воздухе, словно делая мертвую петлю. Он падает или нет? Но верхушки леса безнадежно скрывают от нас горизонт. Мы больше ничего не видим.

Автомобиль продолжает лететь по гладкому шоссе. Через четверть часа подъезжаем к небольшому городку, вернее — местечку. На берегу озера — толпа радостно возбужденных солдат. Все громко говорят, жестикулируют...

— Видели, братцы, немецкие аэропланы?

— Мы-то? А кто же его снял? Мы и сняли.

— Упал?

— Вестимо, упал, — там, за лесом. Наши подберут.

Из разговоров узнаём, что намного раньше здесь же был подстрелен еще один немецкий аэроплан. Тот упал в противоположном направлении, также в лесу.

— Там наш секрет есть, объясняют нам. — Тоже не уйдут немцы.

— А, значит, близко они, если они так разлетались? — говорим мы.

— Для того мы и здесь, что немцы близко, бодро отвечает один солдатик.

Другой добавляет:

— Немцев бояться — в лес не ходить!

Все хохочут. Всем почти весело. А между тем им, может быть, сегодня же предстоит бой. Передовые немецкие разезды всего в нескольких верстах отсюда.

Мне пришлось видеть много немецких аэропланов во время моей поездки по северу Плоцкой губернии перед вторжением в нее германцев (ныне уже вытесненных оттуда). Там неприятельские аэропланы были привычным явлением. Местные жители перестали обращать на них внимание. Только маленькие дети в усадьбах выбегали полюбоваться, как <на> игрушки, реющие на высоте стальными птицами. Семи-восьмилетние мальчики так умели отличить германские аэропланы от русских и важно рассуждали о преимуществах той или другой системы.

Видел я немецкий аэроплан и над улицами Варшавы. В городе все заняты, у всех свое дело. Прохожие на несколько минут останавливались на углу или собирались

¹ По понятным причинам я не называю городов и описываемой местности. Редакции названия известны.

в группе, рассматривали летающее серое чудовище, обменивались друг с другом отрывистыми фразами, а потом шли дальше — каждый по своему делу. В этом отношении к залетевшему в город неприятельскому аэроплану не было не только тревоги, но даже мало любопытства. Между тем этот самый аэроплан бросил тогда в районе Петроградского вокзала бомбу, которой — если не ошибаюсь — была ранена девочка и убито несколько человек.

Здесь, в маленьком местечке, отношение к аэропланам совершенно иное. Здесь они — новинка. Хотя давно уже оба аэроплана исчезли из виду, — весь город на улице. Все продолжают обсуждать недавнее событие. Многие упорно смотрят в небо, все ждут, не появится ли новая стальная птица. Очень возможно, что так все будут стоять до вечера, взволнованные, потрясенные виденным.

Но автомобиль уже мчит нас дальше. Еще через четверть часа перед нами — другой большой городок. Отсюда уже только версты три до наших передовых позиций и, следовательно, верст шесть до передовых позиций неприятеля. Здесь уже непосредственно веет войной. В двери почтовой конторы, занятой штабом, поминутно входят и выходят офицеры и солдаты. Полевой телеграф, на низеньких столбиках, бежит через поле; надо думать, он работает безостановочно. Скачут вестовые; приходят и уходят отряды солдат.

Все население городка — тоже на улицах. Говорят о подстреленных аэропланах. Откуда-то известно, что на одном из них захватили двух немецких летчиков: одного — тяжелораненым, другого — в обмороке. Говорят о стычке, бывшей рано утром. Наши, засев в засаду, пропустили передовых всадников, а потом открыли жестокий огонь по главной массе отряда. Почти все немцы были перебиты, — ускакали немские ноги. За забором одного из домов лежит взятая в этом бою добыча: седла, ранцы, винтовки, пики.

Примечательно, что лавочки в городе торгуют. Я зашел в одну купить «открыток» с местными видами. Мне продали охотно, но по тройной цене. Тройную же цену при мне спросили с солдата, хотевшего купить себе чернильницу. Должно быть, торговец желал использовать последние часы, пока можно наживать деньги. Напротив, в маленьком ресторанчике, куда мы зашли позавтракать, нам уступили крайне дешево, накормили нас хорошими зразами и напоили чаем. Сидя в обычной обстановке ресторана, как-то трудно было верить, что в 4–5-ти верстах отсюда люди, может быть, уже бьются грудь с грудью насмерть.

Мы имели случай проехать и те три версты, что отделяли нас от «передовых позиций». Если бы немцы пожелали показаться, их можно было бы увидеть простым глазом, без бинокля. Во всяком случае, за лесом была видна крыша того здания, где поместился их штаб. Мы были на самой границе, где сейчас кончалась область, остающаяся в нашей власти, и начинались места, занятые неприятелем.

На позициях настроение серьезное, сосредоточенное. Дела много. Одни разрушают мосты на шоссе, сжигают деревянные, взрывают каменные. Другие роют окопы и укрывают в них блиндажи из досок. Свежевырытые окопы представляют собой почти изящные сооружения: глубокие канавы, почти в рост человека, с гладкими стенами, местами — деревянные крыши, со стороны поля — поперечные траншеи. Будь я маленьким мальчиком, как мне захотелось бы бегать и играть в этих красивых

тоннелях! Но не для игры устроены они. Вдали, на холме, видны земляные валы, прикрывающие жерла орудий. Кругом на кольях натянута колючая проволока. Скоро страшные голоса заговорят здесь!

Мы предложили офицеру, заведовавшему работой, свежие газеты. Сначала он взял было их с радостью, но потом, подумав, хмуро засунул в карман.

— Здесь нам некогда читать!

В среде солдат, с которыми нам удалось поговорить, тоже меньше смеха и шуток. Все понимают, что наступает время для серьезного дела. Впрочем, обычная бодрость не покидает наших солдат и на позициях. Один, выражая, наверное, чувства всех товарищей, погрозил, смеясь, кулаком в ту сторону, где расположились немцы, и произнес громко:

— Пусть-ка сунутся — мы им покажем!

Другие одобрительно кивнули головой.

Эти солдаты были «новички», которым еще в первый раз предстоял бой. Они завидовали славе других полков, уже «показавших» немцам силу русского оружия. И нельзя было сомневаться, глядя на спокойные, строгие лица солдат, что они свое обещание сдержат. Немцы и здесь встретят суровый отпор, такой же, как везде, как там, где, по общим отзывам начальников, наши войска «выказали особое геройство и присущую им доблесть» (слова из донесения Верховного Главнокомандующего от 22-го сентября).

Конечно, мы, частные лица со скромным поручением, были лишние около этих окопов. Но не хотелось покидать их. Хотелось самому принять участие в этой черновой работе, рыть канавы для прикрытия стрелков, ломать мосты, чтобы затруднить движение неприятеля, натягивать на кольца колючую проволоку. Далеко по всему полю мелькали фигуры работающих солдат. На громадном протяжении быстро выростала сильная защитная линия, о которую должен будет разбиться натиск немцев. Как большие кроты, выкидывали солдаты своими лопатами рыхлую землю, и мирная нива превращалась в ряд грозных фортов и редутов.

Однако долго задерживаться на позициях нам не приходилось. Наше поручение исполнено, и мы должны уезжать: мы знали это. Раздав солдатам папиросы (скудный дар героям, готовым отдать свою жизнь!), пожелав им удачи, а каждому в отдельности — не подвернуться под пулю, мы распрощались.

Автомобиль опять пожирает версты, обгоняя еврейские фуры, в которых набиты беглецы из соседних местечек. Но наши мысли не здесь, а с теми, работающими на окопах. Да охранит вас Бог, безвестные герои! Несколько минут я подышал вашей жизнью. И мне почти стыдно возвращаться к нашей мирной городской жизни. Истинное дело России сейчас — там, «на передовых позициях».

27-го сентября

Из Варшавы в Ярослав

V. Обратный путь

Когда мы въезжали в Ярослав, нас несколько волновала мысль, как мы устроимся в нем, где найдем себе приют. Хотя раньше в разных местечках и деревнях Галиции

мы нигде не встречали враждебности к себе, в Ярославле можно было ожидать другого. Городское население, более осведомленное, чем простые крестьяне, читающее газеты, могло смотреть на русских как на завоевателей, поработителей родной страны. Вообразим, например, что немцы заняли бы Москву, вряд ли в таком случае немецкие туристы могли бы рассчитывать на любезный прием в московских гостиницах и ресторанах. А мы являлись в Ярославль, занятый русскими войсками, именно как русские туристы.

Наши опасения оказались напрасными. Правда, в больших отелях нам отказали, но лишь потому, что все комнаты были заполнены: это было совершенно правдой. Зато в маленькой гостинице «Виктория», на окраине города, нас встретили как желанных гостей. Хозяйка, простая пожилая женщина, быстро договорившись с нами о плате («три пана — три рубля»), стала хлопотать о наших удобствах с таким радушием, словно мы были не случайные постояльцы, а близкие ей люди. Она сама сделала для нас постели, достала свеч (предмет — редкий в Ярославле), постоянно осведомляясь, не нужно ли нам еще чего. Дочери хозяйки тоже приняли в нас участие и, узнав, что мы устали с дороги, сами вызвались приготовить нам чай, хотя в городе почти не было угля и кипячение воды было сопряжено с какими-то особенными трудностями.

Скоро мы уже были с хозяйкой почти в дружеских отношениях. На ломаном полурусском-полупольском языке она рассказала нам свою жизнь, пожаловалась, что и у нее «австрийцы угнали» на войну сына, и даже принесла нам показать фотографии и этого своего сына, и других родственников. Вечером к хозяйке пришел ее брат и тотчас, под благовидным предлогом, постарался познакомиться с приезжими из Петрограда и Москвы. Мы его угостили коньяком, бывшим с нами, а он взамен принес нам в подарок полную тарелку великолепных груш.

Я не раз беседовал с беглецами из городов и селений, где побывали и похозяйничали немцы или австрийцы. Трудно представить себе большую ненависть, чем та, которая скапливалась у этих людей ко всем германцам вообще. Для жителей не только Калиша, Млавы или Ченстохова, но даже Радома или Красностава названия «германец», немец», «австрияк» стали синонимом всего отвратительного — ужасного и гнусного. Люди состоятельные, равно как и простые рабочие (которых я много видел в Варшаве в «Швейцарской долине», — приюте всех «беженцев»), говорили о германцах с содроганием. Они, конечно, не стали бы ради «трех рублей» показывать приезжим немцам фотографии своих близких или угощать австрийских туристов грушами. Я уверен, что, если бы русская армия вела себя в городах Галиции так же, как немцы — в польских городах, никакая «симпатия душ» двух народов не заставила бы хозяйку ярославской гостиницы радушно встречать трех русских туристов.

В Ярославле я нарочно пользовался всяким случаем, чтобы побеседовать с местными жителями. Я заговаривал с владельцами магазинов, где что-либо покупал, с девушками, прислуживающими в кафе, с простолюдинами, толпившимися на рынке. Везде и во всех я встречал полную готовность беседовать со мной; все говорили со мною так просто, как если бы мы встретились при наилучших обстоятельствах, и никто не намекнул, что мы — представители двух враждующих государств. В кафе мне удалось поговорить еще с одним полуинтеллигентным юношей, постоянным

жителем Ярослава — вероятно, мелким конторским служащим. Узнав, что я — русский, он стал расспрашивать меня о Петрограде, Москве и Киеве, уверяя, что непременно хочет побывать в России. Он тоже, говоря об австрийской армии, называл ее именно «австрийской» и ни разу не обмолвился по отношению к ней словом «мы». Как ни случайны эти наблюдения, за ними остается то значение, что среди них не было ни одного исключения.

Мы прожили в Ярославле два дня. По разным причинам нам надо было торопиться, хотя я с удовольствием остался бы дольше в этом городе, который мне сразу понравился. Мы воспользовались этим временем, чтобы побывать на фортах. Несомненно, Ярослав был опоясан кругом мощных укреплений. Будем надеяться, что в русских руках эти укрепления сыграют лучшую роль, нежели в руках австрийцев.

Пока мы жили в Ярославле, постоянно приходили известия из-под Перемышля. Говорили, что несколько важных фортов уже занято нами и что падения крепости надо ждать со дня на день. Со своей стороны, мы сделали попытку проехать ближе к Перемышлю, но это оказалось невозможным для простых туристов. Издали, стоя в лесу, мы слушали глухие звуки артиллерийских залпов, но оттуда пришлось повернуть обратно. Долго нас преследовал ухающий гул орудий, воображение рисовало грозные картины бомбардировки... Быть ее очевидцами нам не было суждено.

К вечеру погода испортилась. Полил проливной дождь, и порывами стал налетать ледяной ветер. Это заставило нас еще более поспешить с отъездом. Можно было опасаться, что шоссе делается непроезжим для автомобиля.

За ночь, однако, дождь стих. Было хорошее, хотя и холодное утро, когда мы покидали Ярослав. Дождь временно стих, но нависшие тучи грозили новым ливнем. По улицам города шло почти нормальное движение. Опять попадались навстречу телеги, нагруженные домашним скарбом: беглецы все возвращались в Ярослав. Из-за горизонта длинной змеей опять тянулись обозы, подвозившие все необходимое для русской армии.

Пока мы дожидались переправы через реку, около нас произошла маленькая характерная сценка. Обозный возчик стал торговать у солдата его военную добычу: ярко-синий мундир австрийского гусара. После недолгого торга возчик за целковый стал обладателем мундира.

— На что он тебе? — спросили мы.

— Носить буду, ишь какой теплый.

— А ты сам откуда будешь?

— Мы-то из-под Киева. Второй месяц провиант армии возим.

В Галиции сейчас не редкость видеть пастуха, пасущего стадо в мундире австрийского офицера. Но можно себе представить эффект, который произведет киевский возчик, появившись среди своих односельчан в синей куртке австрийского гусара!

Полюбовавшись в последний раз красивой панорамой Ярослава, мы помчались назад, на север. Опять замелькали уже знакомые виды: опустелые форты, глубокие окопы, линия военного телеграфа, лошадиные трупы в канавах, сожженные и разрушенные здания. На одном повороте нас остановил офицер, сопровождавший с конвоем обоз, и спросил нас, кто мы такие. Мы объяснили.

— А вы не австрийцы? — спросил нас офицер.

— Нет, мы не австрийцы, — ответили мы.

Это было единственное приключение на нашем пути.

Мы очень торопились и, отдохнув немного в Красноставе, решили продолжать путь в темноте, так как наш шофер прекрасно знал дорогу. В Люблин мы приехали поздней ночью. Гостиницы были еще более переполнены, чем в наш первый приезд (особенно прибывшими из Келец и Келецкой губернии). В люблинской «Виктории» нам позволили приютиться лишь в ресторане. Здесь мы и провели всю ночь вместе с такими же неудачниками, как мы, не получившими ночлега.

Первая половина ночи прошла в оживленном разговоре. Когда мы рассказали, что едем из Галиции, один из присутствующих спросил нас, были ли мы в Перемышле. Кто-то из нас ответил, что это было невозможно, так как Перемышль еще не взят.

— Перемышль взят три дня назад! — решительно возразил спрашивавший.

Мы не стали спорить, так как наш собеседник заявил, что он «это знает наверняка». Впрочем, день спустя один господин в Варшаве столь же решительно уверял нас, что Ярослав уже три дня как взят австрийцами обратно.

Люблином, собственно говоря, наше путешествие кончалось. Дальше шли места, не испытывавшие тягот и ужасов войны. Уже за нами оставался край, принявший на себя первые удары врага и тем давший нам возможность не только отразить нападение, но и перенести борьбу в неприятельские пределы. Уже за нами оставались разрушенные города Люблинской губернии, которые были искупительной жертвой за русскую Галицию, ныне возвращаемую России.

Варшава, 27-го сентября

Тревожные дни в Варшаве **(От нашего корреспондента)**

«28-го сентября на левом берегу Вислы, на путях к Ивангороду и Варшаве, начались бои». Это краткое сообщение Верховного Главнокомандующего миллионному населению Варшавы говорило многое...

До самого последнего времени Варшава жила спокойно, несмотря на то что гром войны гремел вокруг нее. Относясь с полным доверием к силам русской армии, население не допускало и мысли, что немцы могут вступить в Варшаву. Объявление варшавского губернатора, извещавшее, что городу не угрожает никакой опасности, успокаивало наиболее нервных. Более осведомленные указывали, что немцы не могут идти на Варшаву, оставляя в своем тылу Ивангород. В течение всего сентября варшавяне не изменяли привычкам своей жизни. Как всегда, нарядная толпа заполняла большие улицы и кафе. Многочисленные театры не жаловались на сборы. Филармонические концерты устраивались по два в день, правда, по уменьшенным ценам. Смотря на сцене «Эльзас» или «В немецких когтях», слушая Монюшка, Чайковского, Сибелиуса, ужиная в кафе «Empire» или «Европейской», варшавяне обсуждали движение германских войск не с большим волнением, чем москвичи.

Впервые тревогу в Варшаве заронили немецкие летчики. Однажды утром стало известно, что на исходе ночи (в 5 час.) побывал над Варшавой цеппелин. Цеппе-

лин был обстрелян и захвачен неподалеку от Варшавы, но появление его показалось всем дурным предзнаменованием. Заговорили, что цеппелины всегда летают над тем городом, куда немцы намерены войти...

Не забуду того энтузиазма, который охватил толпу, когда однажды всем показалось, что немецкий аэроплан подстрелен и упал в черте города... Несколько немецких летчиков было действительно подстрелено и захвачено нами в окрестностях Варшавы.

В середине 20-х чисел сентября в городе стало известно, что немцы надвигаются на Варшаву со стороны Гройц и Горы-Кальварии... Я побывал там. При мне в этом районе было «сбито» ружейным обстрелом два немецких аэроплана...

Своевременно были приняты энергичные меры. Надо отдать справедливость варшавскому губернатору, сумевшему успокоить волнение населения... Спектакли и концерты не были отменены. Понемногу обыватели, видя, что жизнь течет нормально, успокоились.

Бой отходил от Варшавы, и немцы отступали. Вечером пришло известие, что наши войска ценой геройских усилий на всех пунктах оттеснили врага. Варшава опять вздохнула спокойнее.

30-го сентября 1914 г.

Немцы над Варшавой **(От нашего корреспондента)**

Прошло то время, когда жители Варшавы с простым любопытством следили за полетом над городом немецких аэропланов. Теперь, едва в высоте над Варшавой означаются резкие очертания стальной птицы, прохожие торопливо бросаются врассыпную. Одни укрываются под воротами, другие входят в магазины, в кафе, в знакомые дома. И тревога не напрасна.

— Трах!

Оглушительный удар, и брошенная с неба бомба разбивается на тысячи осколков. Иногда бомба попадает в крышу дома, иногда падает на улице среди не успевших спрятаться горожан. Осколки бомбы и пули, которыми она начинена, убивают, увечат, ранят. Слышны крики, стоны, топот бегущих ног. Гудят залпы с варшавских фортов, обстреливающих воздушного врага. Но тот старается держаться как можно выше, над перистыми облаками, оставаясь недосягаемым для выстрелов.

Уже заметили, что обыкновенно у каждого немецкого летчика бывает пять бомб и он старается использовать их все. Появление двух вражеских аэропланов означает десять брошенных бомб. Но бывали дни, что над городом пролетело и три немецких «голубя» (Таубе). Правда, некоторые из них расплатились за свое покушение: аппараты были сбиты огнем наших мортир и летчики захвачены. Но достаточно ли наказание для воздушных разбойников — стать военнопленными?

Воздушную бомбардировку Варшавы нельзя назвать иначе, как новой немецкой гнусностью. Вполне понятно употребление аэропланов на войне для разведок. Должно признать и право воюющих сторон пользоваться летательными аппаратами для нападения. Хотя и имеется противоположное постановление международной

конференции, оно может считаться утратившим силу. Развитие авиации сделало за последние годы такие исполинские шаги вперед, что «беллигеренты» просто обязаны были использовать ее в своих целях.

Но нападать можно только на тех, кто способен защищаться; вести войну можно только с военной силой; это — азбучная истина. Пусть вражеский аэроплан нападет со своими бомбами на силы нашей армии, на позиции наших войск, на крепости и т. п. Горестно думать о таком нападении, но там по крайней мере враг встретит себе отпор. Против него будут направлены ружья, пушки, мортиры; за ним погонят наши летчики. Там будет борьба — страшная, воздушная, небывалая, но борьба.

Есть ли, однако, хоть какая-либо доля права в нападении с высоты в 1500 метров на мирное население города, на гуляющую по улицам публику? Все ее «вооружение» состоит в тростях и зонтах — плохая защита против бомб, швыряемых из-за облаков! Сразить безоружного — не очень славная победа; это, вероятно, понятно и зулусам.

Несколько немецких бомб были брошены в варшавские вокзалы. Допустим, что в этом была хоть тень «военных действий». Но три дня тому назад отважный пруссак метнул бомбу на Холодной улице, <v> торговом центре, где нет никого, кроме приказчиков и покупателей: это ли называется ведением войны? На другой день было брошено три бомбы в Саксонском саду, любимом месте детских игр. Сад был полон детворой, резвившейся на кругу у фонтана и на открытых дорожках. Какая страшная трагедия могла произойти, если бы не счастливая случайность: одна бомба упала в маленький пруд, другая глубоко зарылась в клумбу для цветов.

Нет, сознание отказывается признать таких бомбометателей воинами; оно называет их разбойниками.

И пусть немцы не оправдываются тем, что их бомбы предназначены для взрыва общественных зданий. Бомбы с таким назначением должны быть начинены каким-либо взрывчатым веществом. Немецкие бомбы начинены пулями, единственное назначение которых — убивать людей. Я сам видел эти свинцовые шарики величиной с орех, которые можно было собирать горстями после разрыва одной из бомб. Вместе с тем немецкие бомбы обладают весьма значительной силой.

Может быть, немцы хотят своим бомбометанием, повторяющимся каждый день, терроризировать население Варшавы, навеять на него панику? Это, по-видимому, им не удастся. К чести варшавян надо отнести, что они встречают воздушное разбойничество хотя и с негодованием, но хладнокровно и мужественно. Прохожие, конечно, прячутся от аэропланов, несущих смерть, но дух жителей не падает и не падает их вера в русскую армию.

Я уехал из Варшавы неделю назад, в «тревожные дни», когда немцы начинали свое упорное наступление на средней Висле. Где-то поблизости раздавалась канонада, по улицам беспрерывно проходили войска, немецкие летчики уже кружили над городом. Однако начавшееся было некоторое волнение в населении очень быстро стихло. Все как-то поняли, что особенно тревожиться еще нет причин. В самый день моего отъезда (29-го сентября) Варшава имела к вечеру вполне обычный вид.

Шесть дней я провел частью в Белостоке, частью на северо-востоке Ломжинской губернии. За это время Варшаве пришлось пережить после дней «тревожных» дни

поистине «грозные». Канонада не умолкала ни днем, ни ночью, гремя без отдыха 24 часа в сутки. От пальбы все стекла в домах безостановочно звенели жалобным звоном. Разносились противоречивые слухи. Но варшавяне в громадном большинстве продолжали верить в свою безопасность. Объявление генерал-губернатора говорило им, что город не будет уступлен неприятелю, пока не будут исчерпаны все средства обороны, — и эти слова успокаивали всякую тревогу. Обычная городская жизнь продолжалась как всегда, только приспособляясь кое в чем к новым обстоятельствам.

Вернуться в Варшаву мне пришлось в самый разгар «бомбометания». Но, осматриваясь кругом, я вижу все ту же знакомую мне Варшаву, веселую, несколько беспечную, — маленький северный Париж. Стало из-за немецких аэропланов небезопасно гулять днем? Так что же? Варшавяне перенесли свои прогулки на вечер, когда темнота загоняет вражеских летчиков в их убежища, — вот и всё! И, едва наступают осенние сумерки, все та же «нарядная толпа» заливают варшавские улицы и цукерни.

Когда я пишу эти строки, гул пальбы, уже отдалившейся, еще сотрясает стекла моего окна. Сегодня еще были сброшены очередные бомбы над городом (по счастью, без особого вреда). Но лица, пережившие в Варшаве «грозные» дни, говорят мне, что теперь они дышат уже без тревоги. Самый гул упорной канонады успокаивает варшавян: он служит знаком, что русские солдаты грудью отстаивают столицу Польши.

Варшава, 7-го октября

На северном фронте¹

Трудно найти впечатления более различные, чем те, какие получаешь, посещая два отдельных фронта наших военных действий: северный — на границе с Пруссией и южный — на границе с Австро-Венгрией. Можно даже сказать, что эти впечатления во всем одни другим противоположны. Что обычно, естественно на одном фронте, составляет исключение на другом; к чему привыкаешь на юге, представляется странным на севере. Приближаясь к пределам Пруссии, начинаешь дышать как бы иной атмосферой, чем в Люблинской губернии и в Галиции.

На юге всех окрыляет победа. Она дает спокойствие духа и уверенность в себе. Участники подвига, уже свершенного, — разгрома австрийской армии — исполнены, быть может не отдавая себе в том отчета, гордым сознанием своей силы. Все в нашей южной армии, как солдаты, так и офицеры, чувствуют себя сильными среди слабых. Отсюда в их отношениях к другим сказывается какое-то снисходительное благодушие. Офицеры и солдаты к каждому подходят с открытой душой, заранее готовы видеть во встречном человеке друга, готовы помочь, оказать услугу. Это чувство еще усиливается тем отношением, какое наши войска встречают в местном насе-

¹ Статья написана на основании личных впечатлений. В направлении к югу на нашем театре военных действий я имел случай посетить пограничные уезды Люблинской губернии и часть Галиции до Ярослава; в противоположном направлении — северные уезды губерний Плоцкой и Ломжинской, районы Млавы, Хоржеле, Остроленки, Осовца и порубежные местности Восточной Пруссии. Поездки эти были мною совершены в разное время, на протяжении почти всех двух месяцев войны.

лении Галиции. Все то темное, грозное, что всплывает в душах в дни беспощадной, кровавой борьбы, рассеивается и тает, сталкиваясь с тихой покорностью, а иногда и с дружелюбным радушием галичан.

Совершенно иная психология нашей армии на севере, где приходится вести борьбу упорную и жестокую. Победы здесь сменяются временными неудачами; немцы упрямо отстаивают каждую пядь земли, воюют яростно и озлобленно, не брезгуя никакими средствами, чтобы нанести ущерб врагу. Это вызывает в ответ известную суровость и даже некоторое ожесточение. Недостойные приемы, к которым нередко прибегают пруссаки (обстрел Красного Креста, предательское пользование белым флагом, низменное шпионство и т. п.), раздражают, возбуждают негодование. К этому присоединяется коварное поведение местных жителей, которые почти везде ведут партизанскую войну, подают своим войскам тайные сигналы, сообщаются с армией по телефонам, скрытым в погребах; стреляют из-за угла и из окон. Естественно, что в среде нашей северной армии развивается крайняя осторожность, переходящая временами в подозрительность. Офицеры и солдаты чувствуют себя окруженными врагами со всех сторон и в каждом склонны скорее предполагать врага, чем друга.

Уже внешние картины, окружающие наблюдателя на юге и на севере, говорят, насколько различен характер войны на двух разных фронтах — южном и северном.

Нет сомнений, что и там, и здесь война отразилась на стране страшными опустошениями, от которых Польше придется оправляться долго и с трудом. Но опустошения австрийцев — это последствие или сражений, или буйства бесчинных солдат, которых командиры не хотели и не умели удержать. Опустошения пруссаков, напротив, — результат систематического уничтожения, произведенного под руководством старших офицеров. Австрийцы разрушали дома артиллерийским огнем во время боя, окопами перерывали нивы, топтали конницей поля кукурузы. Пруссаки сознательно сравнивали с землей населенные места, машинами собирали в полях картофель, уносили и увозили из городов все, что только можно было взять. На юге Люблинской губернии видишь города, поврежденные боем, но быстро оживающие, возвращающиеся к обычной жизни. На севере Плоцкой и Ломжинской губерний есть города, сожженные дотла; население других ограблено до нитки; крестьяне разбежались из деревень и попрятались в лесах, как дикие звери. Пруссаки в опустошение занятых ими местностей внесли строгую методичность и довели начатое дело до последнего конца.

Так была разрушена пруссаками Млава — место, ставшее историческим, потому что около него впервые начались военные действия. То был довольно значительный городок, в котором насчитывался целый ряд учебных заведений, — оживленный, обустроенный по европейскому образцу. В настоящее время Млава еще занята немцами, так что видеть ее лично мне не пришлось. Но, проезжая близко, я слышал рассказы местных обывателей, которым удавалось тайно пробраться в свои бывшие дома и видеть, что осталось от города. Кроме новых укреплений, возведенных немцами, все остальное кажется сплошным обширным пожарищем. Среди гигантского частоты из обгорелых труб одиноко высятся случайно сохранившиеся здания. Многие дома разрушены не во время боя, но расстреляны пушками с близкого расстояния

под предлогом репрессии. Такие строения превращены в высокий холм кирпича и мусора; свалена снарядами даже печная труба — последнее, что остается после пожара. Уничтожение достигнуто полное, и то место, где прежде стояла Млава, больше не имеет права называться городом.

Не лучше, однако, состояние городов, которые по каким-либо соображениям были пруссаками пощажены. В вагоне около Оссовца я разговорился с одним из постоянных жителей Сувалок, пережившим в городе дни владычества немцев. Если десятая доля того, что мне рассказывал мой собеседник, правда (я допускаю, что под влиянием волнения и негодования он мог иное преувеличить), этого достаточно, чтобы навсегда запятнать имя пруссаков. Не говорю уже о всем известном, так сказать «официальном» грабеже, выразившемся в наложении контрибуции, отобраении запасов в общественных складах и т. п. Немцы придумали кроме того еще особую форму грабежа с издевательством. Офицеры группами входили в магазины, которые все под угрозой крупного штрафа были открыты, и начинали выбирать подходящие им вещи. Один из офицеров при этом усердно торговался, предлагая за вещь, оцененную за 10 марок, 1½ марки и т. п. (счет было приказано вести на марки). Когда же торговец, не смея спорить с покупателями-победителями, соглашался на все предложенные ему цены, офицеры с хохотом забирали понравившиеся вещи и уносили их, не оставляя в уплату даже пресловутых «квитанций» с расчетом в Варшаве или Петрограде... Продолжая забавляться таким образом, офицеры ходили из магазина в магазин, везде выбирая все, что им нужно. Одна группа собирала теплые вещи, другая — белье, третья — бинокли, четвертая опустошала аптеки и т. д. Все совершалось хотя и с милой шуткой, но методически и в короткое время город был разграблен дочиста.

Так поступили немцы в Сувалках, главном городе области, которую они уже считали своей, дав ей даже новое название: Neu Deutschland*. Понятно, что они еще менее стеснялись в городах, которые не надеялись удержать в своих руках. В том же вагоне, где я встретился с жителем Сувалок, ехало много лиц из Граева, возвращавшихся в свой город, тогда только что освобожденный от немцев. Кругом меня всех мучило одно и то же беспокойство: найдут ли они у себя дома хоть что-нибудь. Я попытался их успокоить, указав, что нельзя же опустошить целый город, так как известно, что сожжен он не был. На это мне возразили с горечью, что я, очевидно, не знаю немецких приемов. Те, кто уже успели раньше побывать в Граеве, принесли оттуда самые плачевные известия. Немцы, взломав частные квартиры, выбрали из них все сколько-нибудь ценное: серебро, меха, даже мебель. Все это было сложено на подводы и увезено в Пруссию. А то, что осталось, немцы намеренно испортили: порвали обои на стенах, порубили ножки у диванов, разбили хрусталь... Ряд подобных рассказов был похож на кошмар; наперекор всем свидетельствам, не хотелось верить такому поистине «варварству».

Наконец, владелец одного имения у самой границы, где мне случилось побывать перед нашествием немцев, рассказал мне, во что превратилась его усадьба после «постоя» в ней неприятеля. Я хорошо помню небольшой, но милый деревенский дом, где на всем была видна любовная рука заботливых хозяев. Помню изящные

* Новая Германия (нем.)

занавески на окнах, пушистые ковры по полу, тщательно развешенные по стенам картины и фотографии, фарфоровые безделушки на этажерке. Помню простенький, но со вкусом убранный цветник в саду, скромные бюсты писателей в зелени, обгороженные камешками и посыпанные песком дорожки... Мне казалось, что самое изыщество этого уголка должно было защитить его от всякого покушения. Между тем немецкий отряд, поместившийся в усадьбе, не удовольствовался тем, что разграбил в ней все ценное, перерезал коров, перебил домашнюю птицу, увел лошадей, взял подводы. Немцы, кроме того, безжалостно изорвали занавески и ковры, исковеркали мебель, саблями изрубили картины (не представляющие никакой художественной ценности), вытоптали цветник, с корнем вырвали старый хмель, обивавший балконы, и т. п. Они пошли дальше в своем издевательстве. Хозяин, вернувшись в усадьбу, нашел, что его кабинет обращен в отхожее место, что суповые миски употреблялись для другого назначения, что ночная посуда поставлена на столах и т. п. В этом есть уже какое-то извращение чувств, что-то патологическое.

Но, возбуждая против себя понятное негодование подобными поступками (примеры которых я мог бы умножить до любого числа), пруссаки в то же время внушают к себе что-то вроде уважения, как к достойным противникам на войне. Теперь, после двухмесячного опыта, все в нашей армии признают, что прусские солдаты обладают превосходными боевыми качествами. Они стойки в бою, грудью идут против артиллерийского огня, на штыковой удар готовы ответить штыками же; они не способны на ту панику, которая овладевает в случае поражения солдатами австрийскими. В бою под Красником, когда австрийцы тайно бежали, покинув два корпуса пруссаков, пришедших к ним на помощь, они продолжали упорно сопротивляться, несмотря на огромное неравенство сил, и были почти все перебиты. Тогда как австрийцы зачастую сдаются целыми полками, пруссаки кладут оружие лишь при самых крайних условиях. Смерть они предпочитают поражению и плену.

Мне удалось беседовать с некоторыми участниками знаменитой обороны Осовца. Все признавали, что прусская армия вела осаду с энергией. Она прямо засыпала форты крепости снарядами; говорят, что по одному форту их было выпущено до полутора тысяч. Потребовалось все мужество, вся доблесть наших солдат, чтобы противостоять этому страшному обстрелу. Наши саперы под ожесточенным огнем должны были непрерывно работать над исправлением поврежденных укреплений. Не довольствуясь артиллерийским обстрелом, пруссаки стали готовиться к общему штурму крепости. Частичные столкновения гарнизона с осаждающими уже показали, что такой штурм мог стать очень тяжелым делом, и к отражению его готовились всеми силами... Как известно, до штурма, однако, дело не дошло. Наши пехотные части выбили пруссаков из позиций и принудили снять осаду¹.

Мне пришлось также видеть как партии пленных австрийцев, так и пленных пруссаков. Австрийцы подчинялись случайностям войны, не видя в том особой трагедии. Почти беспечно они маршировали под конвоем нескольких казаков, и те относились к вверенным им пленным со свойственным русскому человеку доброду-

¹ В Осовце господствует убеждение, будто во время одного из боев под крепостью нами едва не был захвачен в плен император Вильгельм. Этот рассказ мне повторяло несколько лиц. Несомненно, однако, что здесь какое-то недоразумение.

шим. По-видимому, конвойные видели в пленных австрийцах таких же «несчастных», как сибиряки в каторжниках. «Помалкивай!» — это было самым грубым окриком, с каким обращались казаки к конвоируемому, когда те слишком увлекались шумным разговором, порой прерываемым веселым смехом. Иной вид имели пленные пруссаки. Прежде всего, почти все они (из числа тех, которых я видел) были серьезно ранены. Они шли угрюмо, опустив голову, и нисколько не склонны были вступать в беседу ни между собой, ни со встречными. «Verstehe nicht», — «не понимаю», это все, что можно было от них добиться. Иным было и отношение к ним конвоирующих солдат: строгое, сосредоточенное. Конвойные были постоянно на страже и зорко следили за каждым движением пленных, зная, что пруссаки способны воспользоваться любым случаем, чтобы вырвать из рук стражей оружие, начать отчаянную борьбу, бежать.

Добавим к этому, что прусская армия снабжена всеми новейшими техническими средствами для ведения войны. В распоряжении офицерского состава — великолепнейшие карты, на которые нанесены малейшие особенности местности. Для выполнения любого предприятия имеются особые механические приспособления, вплоть до жестянок, брызгающих керосином, и плиток конденсированного бензина для поджигания домов. При каждой войсковой части чуть ли не целый парк автомобилей для самых разнообразных надобностей. Есть, например, автомобили-кухни, снабжающие армию во время марша горячим бульоном и кофе. Во Франции, говорят, был и автомобиль-типография, где печаталась походная газета. В прусской артиллерии, как известно, находятся совершеннейшие орудия разрушения. Русской армии еще не пришлось столкнуться с пресловутыми 42-хсантиметровыми орудиями, приведшими к падению Намюр и Антверпен. Но все же немецкие орудия, выставленные против Осовца, обладали страшной разрушительной силой. Огонь немецкой артиллерии был меток и губителен, и наши артиллеристы отдают пруссакам честь, как достойным противникам.

Богато оборудована прусская армия и воздушными силами. До войны считалось, что Германия занимает далеко не первое место по размерам своего воздушного флота; теперь это мнение необходимо изменить. Несмотря на то что немцы почти ежедневно терпят урон в воздушных боях, теряют десятками аэропланы и насчитывают уже немало подбитых и захваченных цеппелинов, — немецкие летчики продолжают кружить над всеми неприятельскими позициями. Словно на место одного сраженного воздушного чудовища у них вырастает два других. Когда я совершал поездку по северу Плоцкой губернии (перед самым занятием ее германцами), немецкие аэропланы летали стаями. Их каждый день появлялось так много, что местное население перестало обращать на них внимание. Я сам, случайный проезжий, уже не подымал головы, заслышав над своим экипажем характерное жужжание пропеллера. В Варшаве в дни, когда немцы вели энергичное наступление на столицу нашей Польши, немецкие летчики тоже были самыми заурядными гостями. Многие из них, из непрошенных гостей с воздуха, превратились после меткого обстрела с варшавских фортов в пленных, но число аэропланов, реющих над городом, от этого не уменьшалось. Также беспрерывно парили немецкие летчики над Осовцом, над Сувалками, над всеми городами, которые пруссаки надеялись занять.

Замечу здесь кстати, что меня всегда поражало различие в эволюциях немецких и русских летчиков. Немецкий аэронавт вносит и в свое дело прусскую методичность. Он летит прямо, ровно, неспешно; при обстреле медленно поднимается выше. Видно, что, неуклонно описывая над городом круг за кругом, он с точностью выполняет данное ему поручение. Русский летчик, напротив, бросается ввысь стремительно, взлетает как пущенная стрела и как ястреб гонится за врагом. Немец, заметив погоню, спокойно поворачивает и начинает уходить как будто неторопливо, но развивая все большую и большую скорость... Таков же характер эволюций и «воздушных кораблей». Я видел цеппелин над Варшавой. Сверкая в утренних лучах металлической чешуей, он плыл в воздухе, как огромная военная шлюпка под мерными взмахами весел. Можно было подумать, что он явился на смотр, чтобы демонстрировать красоту своих движений, и было странно узнать впоследствии, что где-то в городе он бросил бомбу, кого-то убил, что-то разрушил. Совершенно иначе двигался русский дирижабль, который я наблюдал во время одной из своих поездок. Он подвигался как-то порывисто, поворачивался нервно, даже клубы пара выбрасывал с какой-то торопливостью; в нем чувствовалась не столько машина, сколько живой дух людей. В воздушном состязании между пруссаками и русскими сказываются различные психологии двух армий...

Самую деятельную поддержку прусским войскам оказывает немецкое население пограничных районов. В этом проявляется какая-то слепая племенная ненависть. Не только мужчины, но даже женщины и дети становятся добровольными шпионами, выслеживают каждый шаг русских и обо всем доносят всеми доступными средствами своей армии. Кажется, ни один немец не упускает случая причинить вред русским; ему все равно — сбить с толку ложными показаниями, завести на неверную дорогу, угнать у офицера лошадь или прямо убить ненавистного врага, выстрелить ему в спину, отравив предлагаемое молоко, зарезав спящего. Мне рассказывали о чудовищных поступках в этом роде, совершенных немецкими девушками с кроткими голубыми глазами и подростками, маленькими Фрицами и Генрихами. Те же из немцев, которые не чувствуют себя в силах вредить неприятелю, убегают. При приближении русских войск города и деревни Восточной Пруссии пустели. Люди обрекали себя на полуголодное существование бездомных бродяг, только бы не быть под властью русских.

Прямо против Граева, на прусской территории, стоит городок Просткен (Простки). Как только выяснилось, что германская армия вынуждена отступить, этот городок тотчас вымер. Бежали поголовно все, стар и млад, богатые и бедняки. В происшедшем затем артиллерийском бою Просткен был сильно поврежден. Теперь он представляет странное зрелище большого нежилого поселка. Одни дома лежат в развалинах, другие, уцелевшие, пусты. Признаки жизни есть только в тех зданиях, которые заняты нашими офицерами. Не открыто ни одной лавчонки; на улицах буквально ни одного «вольного» человека, только наши солдатские и офицерские шинели. Конечно, такое поголовное бегство оказывалось невозможным из более населенных центров. Мне передавали, что в Лыке часть местных жителей, немцев, осталась. Но все поневоле оставшиеся в городе первоначально попрятались в погреба и сараи и вышли на свет только под угрозой голода, убедившись, что ухода русских им не дожидаться.

Таковы тяжелые условия войны на нашем северном фронте. Там перед нами — сильная и мужественная армия, богато снаряженная средствами нападения и обороны, одушевленная духом ненависти к противнику, неразборчивая в приемах борьбы, поддерживаемая местным населением. Она не довольствуется нанесением вреда воюющим силам, но стремится еще запугать мирных жителей, всячески их оскорбляет, хочет навести на них ужас. Такого противника не довольно «разбить», его необходимо «уничтожить», т. е. лишить возможности возобновить нападение.

Не будем из ложного опасения быть пристрастными закрывать глаза на возмутительное поведение пруссаков. Факты вопиют, и их слишком много, чтобы в них сомневаться. «Немецкие зверства» — не выдумка сочинителей трогательных фильмов для кинематографа, а горестная действительность. Мы вправе презирать пруссаков за все, совершенное ими, от разгрома реймского собора до расстрела детей в польских городах. Но не будем закрывать глаза и на страшную силу, представляемую прусской армией. Немцы в военном деле поистине не потеряли сорока лет, прошедших со времен франко-прусской войны. Они создали войско, равного которому по дисциплине, по способности преодолевать трудности, по стойкости в деле еще не бывало в Западной Европе. Прусская армия, может быть, — самый опасный противник, какого когда-либо имела перед собой Россия.

Воздавая должное прусской армии, мы тем самым по справедливости оцениваем и доблесть наших войск, успешно борющихся с ней. Чем сильнее и опаснее враг, тем славнее победа над ним. На нашем северном фронте нам не были суждены такие громкие успехи, как разгром австрийской армии в великой галицийской битве, стремительное занятие Львова и Ярослава, переход через Карпаты, вторжение в Венгерскую равнину. Но, нисколько не преуменьшая заслуг нашей южной армии, свершившей длинный ряд трудных и славных подвигов, мы можем сказать, что наравне с ними достойны стать и успехи нашей северной армии, с виду, может быть, не столь блестящие. Отважный набег генерала Ренненкампа на Восточную Пруссию, победа на Немане и в Августовских лесах, оборона Осовца, двоекратное занятие Лыка и Бялы, наступление в области Мазурских озер, — это все действия, которые будут высоко оценены военной историей. Масштаб событий здесь менее грандиозен, чем на границах Австро-Венгрии, где от наших ударов рушатся целые государства, но в борьбе с Пруссией нами проявлена, может быть, еще бо́льшая энергия. Мы присутствуем здесь при том же ходе дел, как в северной Франции, где результатом многодневных тяжелых боев бывает возможность продвинуться вперед на 3–4 километра.

Случайный проезжий, почти «турист», каким был я, совершая свои маленькие поездки в тылу наших армий, встречает различное к себе отношение на юге и на севере. Но меня не обманывало это внешнее различие, и я знал, что за видимой суровостью нашей северной армии таится та же простая, приветливая душа русского солдата, которая так непобедимо влекла к себе на юге. В конце концов борьба русской армии с прусским нашествием есть борьба *живой силы с мертвым механизмом*. Немцы всего более полагаются на свою *технику*. Как методически летают их аэропланы, так систематически направляют свои действия их стратеги и тактики; даже опустошают и грабят немцы по системе. Мы противопоставляем им живую волю человека — армию, не оживленную слепой дисциплиной и темной ненавистью, но

одушевленную сознанием долга и верой в правоту своего дела. В этом — залог нашего успеха. Человек *должен* победить машину, душа — технику. И потому, как ни сильна и грозна прусская армия, мы можем верить в наше конечное торжество.

Белосток, 5-го октября

После победы

I. Поле битвы

Мы — в 3–4-х верстах от Прушкова, небольшого городка, лежащего в 17-ти верстах от Варшавы. Сзади нас — деревня, в которой ряд домов разбит артиллерийскими снарядами. Впереди — кирпичный завод, также пострадавший от обстрела, и линии узкоколейной железной дороги. Кругом — равнина с чуть заметными повышениями: сначала поля, засаженные репой и капустой, потом болотистые луга, затопленные недавними дождями. Это — место одного из ожесточеннейших боев за обладание Варшавой.

Вся равнина — как и другие поля под Варшавой, мимо которых мы проезжали, — изрезана окопами. Через потоптанные гряды репы, через ряды поломанных кочанов капусты, в пожелтелой осенней траве, и по грунту из липкой глины тянутся изгибающиеся линии глубоких канав, то ровных, с гладкими стенками, то вырытых наскоро, нервно, при стремительном наступлении. Почти через каждые сто шагов — новый окоп. Одни были заготовлены заранее, снабжены блиндажами из досок, соломы и дерна, представляют надежные прикрития. Другие — простые ямки, сделанные наспех, в 3–4 взмаха лопаты, и дают только-только возможность укрыть голову от летящих вперегонку пуль. Опытный глаз солдата сразу различает особенности окопов: «Это — наши, а те — немецкие». Но для нас все окопы сливаются в одну запутанную сеть ходов и переходов, и кажется, что тысячи гигантских кротов работали здесь над сооружением огромного подземного дворца.

Глубь окопов и края их засыпаны картонами от патронов и самими патронами. Все поле также усеяно расстрелянными патронами. Их числа, а следовательно, и числа сделанных выстрелов не сосчитать. Можно было бы сгребать лопатами эти полые медные цилиндрики. Когда выглядывает из-за туч солнце и луч его ударяет в этот медный посев, — все поле сверкает точно золотое. Тут же валяются осколки шрапнельных гранат, а местами — целые «стаканы» и их блестящие «головки». Тут же — разорванные ранцы и сумки, погнутые походные фляжки, ременные пояса, фуражки, записные книжки, размокшие от дождя... Недавно еще все это кому-то принадлежало, кто-то говорил об этом ранце: «Он — мой», надевал ту фуражку как «свою». Сегодня это все — ничье, это — грандиозный, еще не подметенный сор битвы.

А вот одна за другой широкие воронки в земле, развороченной, разметанной вокруг громадными клоками дерна. Это — места, куда ударяли гранаты. На дне воронки, где теперь скопилась дождевая вода, можно разыскать разбитый «стакан» из мощной стали и толстые стальные куски; шрапнель разлетелась на сотни шагов кругом. Подобные ямы *за* нашим окопом означают «перелеты»; *перед* окопом — недолеты. Но иногда видишь, что воронка врезалась в самый окоп, грозно его углубила, обрушила его края... О силе удара можно судить по тому, что в одном таком

месте мы нашли разбитую гранатой винтовку; приклада и ствола не осталось вовсе, а стальное дуло было согнуто, свернуто как тонкая проволока, почти завязано в узел.

Делаем несколько шагов в сторону, и перед нами — человеческое тело: солдат пруссак, которого еще не успели похоронить. Он лежит, раскинув руки, ничком; одет в походную форму, но сапоги с него кем-то сняты, и видно, что на ногах у него — вязаные шерстяные носки. У левой лопатки, на спине, мундир разорван и залит потемневшей кровью. Лица нельзя рассмотреть, но под правой рукой лежит письмо, смятое, измоченное дождем. Наши глаза невольно читают адрес, выведенный старательным почерком на самом конверте: *Feldpostbrief, «Landwehrmann H...B..., 1 Kampf. Landwehr Rg. II, 5-te gemischte Inf Brigade»**... Какая трагедия, быть может, разыгрывалась здесь, на этом клочке земли, когда умирающий, брошенный товарищами, доставал в последние минуты из своего ранца и сжимал холодеющей рукой дорогое ему письмо из родной Германии!

Немного далее, за кирпичным заводом, — уже десятки трупов. Все — немецкие солдаты, так как наших санитары хоронят в первую очередь. Убитые частью положены в ряд, для погребения в общей могиле, частью остались на тех местах, где их застигла смерть. Здесь есть юноши лет по 20-ти, как будто улыбающиеся; есть brave, усатые пруссаки, есть простые мужичьи лица. Вероятно, в ранце каждого из них тоже можно было бы найти письмо от матери, жены или невесты... В другом месте поля, за стогом сена, — группа убитых шрапнелью лошадей. Зрелище чудовищное: оскаленные зубы, закатившиеся глаза, разорванные животы, дико поднятые вверх и так окоченевшие ноги. У одной лошади снарядом оторвана голова и далеко отброшена в сторону... Около самого города — такие же тела коров, застигнутых артиллерийским огнем. При нашем приближении от падали с карканьем поднялись вороны.

Там и здесь мы читаем краткие, торопливой рукой сделанные надписи на белом дереве свежих крестов, что водружены под невысокими холмиками рыхлой земли: «Начальник -аго батальона и 17 солдат, убитые одним снарядом»; «Четырнадцать нижних чинов» (перечислены имена); «Поручик», — ничего не добавлено к этим сухим показаниям. Но никакие многоречивые эпитафии на роскошных кладбищах, установленных художественными мраморными и пышными мавзолеями, не волнуют так, как эти простые, суровые слова на деревянных крестах, затерянных в поле. Перед этими могилами наших безвестных героев, рассеянными на пространстве от Балтийского моря до Карпат, должно благоговейно обнажать голову и преклонить колени. Здесь спят люди, отдавшие свою жизнь за то светлое будущее Европы, которое ей обещает «великая война» наших дней.

Возвращаемся назад, на кирпичный завод. Там — маленький склад наших боевых трофеев. Много уже увезено. В бою при полотне железной дороги нами была взята целая батарея, кажется, из 12-ти орудий; они теперь в Варшаве. Но все же вдоль стены расставлены немецкие винтовки; кучками и горками сложены на полу сабли и каски с медным орлом; зарядные ящики стоят один на другом, как ящики с консервами в гастрономическом магазине; наши солдаты заботливо свертывают и убирают пулеметные ленты, отнятые у неприятеля. На других полях трофеев еще

* Полевая почта, «рядовой ландвера <ополченец> Х... Б..., 1-е подразделение 2-го полка ополчения, 5-я смешанная пехотная бригада» (нем.).

больше. В Пясечной прусские каски навалены грудами, а прусскими ранцами набит полный сарайчик. Зная упорство пруссаков в бою, можно быть уверенным, что они понесли поражение серьезное, если оставили столько военных трофеев в руках противника. Глядя на оружие и на вещи с прусским клеймом, охраняемые русскими часовыми, начинаешь *чувствовать* нашу победу. Со вздохом облегчения сознаешь, что не напрасно выросли в полях белые кресты и недаром были принесены тяжелые жертвы.

Осмотрев трофеи, мы медленно двигаемся по направлению к городу. Характер поля не меняется: те же окопы, тот же золотой посев патронов, вещи, брошенные врагом при отступлении, свежие кресты над братскими могилами. Сколько хватает глаз, вдали, за линией железной дороги, — то же самое. Мелкий дождь, морозящий уже несколько дней, обратил окопы в наполненные водой, грязно-скользкие ямы. Дует пронизывающий ветер. При такой же погоде приходится биться и солдатам, стоя по колени в холодной воде, перебегая и переползая по липкой, расплывающейся под ногами глине. Кругом — ни деревца; даже те, что стояли вдоль дороги, порублены и повалены, чтобы затруднить движение врага. Сражались на открытом месте, лицом к лицу.

С нами были два солдата, которых мы взяли с собой на автомобиле к Гродиску, куда перешел их полк. Оба оказались людьми толковыми и понимающими свое ремесло. Один из них «проделал» вся японскую кампанию, а в эту войну уже побывал со своим полком в Восточной Пруссии, пройдя до Инстербурга. Оба участвовали именно в бою под Прушковом. Они подробно разъяснили нам весь ход боя, указали, где стояла артиллерия, как продвигалась пехота, какие здания служили для прицела и т. д. Признаться, я мало вникал в эти объяснения. Военный историк, в свое время, обстоятельно расскажет все отдельные эпизоды боев под Варшавой. Меня больше интересовала та картина, которая была перед моими глазами сейчас, в эту самую минуту.

Да, передо мною было «поле битвы». Я видел воочию тот страшный, «завтрашний» день боя, о котором столько раз читал, в стихах и в прозе. Для полноты картины недоставало только раненых. Но их я много видел накануне в Варшаве. Тяжелораненых, с землистыми лицами, несли на носилках или перевозили в закрытых каретах. Легкораненые, с перевязанной рукой или головой, ехали в особых вагонах трамвая, радостные, счастливые одержанной победой. С некоторыми я говорил, и они показывали мне, с гордостью, свои военные трофеи, взятые у сраженного врага: прекрасные бинокли, сабли с золотыми вензелями, изящные дорожные сумки — с зеркалом, гребенкой и фляжечкой коньяку. Теперь я видел кресты над менее счастливыми товарищами этих победителей; видел их врагов, еще лежащих на земле в лужах своей крови; видел следы отступающей немецкой армии, в виде брошенных ранцев, поясов, фуражек, записных книжек; видел, наконец, самый «театр действия», это поле, изрытое окопами, укрываясь в которых, наши, шаг за шагом, теснили врага. Здесь, в сокращении, на одном характерном примере, передо мной была вся техника современного сражения.

Бой под Прушковом — небольшой эпизод упорной борьбы за обладание Варшавой. Эта борьба, считая от первых кавалерийских столкновений, длилась две недели

и еще не может считаться вполне законченной. Фронт тех немецких сил, которые непосредственно угрожали Варшаве, тянулся почти на 100 верст (если считать действия против Ивангорода отдельной операцией). В прежнее время, полстолетия назад, это считалось бы громадным боем, генеральным сражением. Но масштаб современной войны так велик, что все движение немцев на Варшаву оказывается лишь одним эпизодом в наступлении германской армии на центральную Польшу. Бой при Прушкове с такой точки зрения кажется ничтожной пылинкой, почти незначительным явлением в кругу великих событий.

Мы вправе, однако, отказаться от такой, слишком громадной для нашего воображения меры, при которой исчезает всякая ценность не только отдельных личностей, но даже десятков тысяч людей, целых городов и целых областей. Мы вправе смотреть с более близкой точки зрения, с которой видно, что этот бой при Прушкове, как и одновременные с ним бои при Блони, при Пясечной, на пути в Тарчин и Гройцы, вокруг Горы-Кальварии и др., спас Варшаву от нашествия германцев. Немцы, бесспорно, хотели во что бы то ни стало овладеть столицей нашей Польши; им это было нужно, чтобы произвести впечатление в Европе, чтобы воспользоваться громадными запасами всякого рода, собранными в Варшаве, чтобы зазимовать в богатом и благоустроенном городе. Они сосредоточили на путях к Варшаве силы весьма значительные (опять-таки, еще недавно сказали бы «огромные»), пустили в ход все средства, вплоть до наводнения города шпионами и предателями и запугивания жителей метанием бомб с аэропланов. Но все усилия разбились о спокойную твердость русского солдата и мужественную лояльность местного населения. Немцы, захватывая города Варшавской губернии и даже Варшавского уезда, докатились лавиной почти до самых предместий Варшавы, но здесь встретили решительный отпор. После 14-дневных боев, стоивших жизни тысячам и тысячи выведших из строя, немцы теперь выбиты изо всех своих укрепленных позиций и отброшены за 70–80 верст от города. Пусть стратеги расценивают этот успех как второстепенный. Миллионное население Варшавы видит в нем свое спасение от того стыда и ужаса, которое пережил Брюссель, и новый подвиг русской армии относят к числу ее лучших заслуг в эту войну.

Нужно самому пережить угрозу неприятельского нашествия, чтобы понять, с каким чувством мы, жители Варшавы, глядим теперь на поля битв вокруг нее.

Варшава, 10-го октября

После победы

II. Основа наших побед

За два дня мы (я с двумя товарищами) объехали все важнейшие пункты боев под Варшавой. Всюду была одна и та же картина: несчетные окопы в полях и вдоль шоссе; вновь сооруженные форты для артиллерии, окруженные колючей проволокой; миллионы расстрелянных патронов, засыпавших почву, словно выпавший медный град; разрушенные или поврежденные снарядами строения; срубленные и поваленные деревья; трупы лошадей, а иногда и человеческие тела, ждущие погребения; ряды свежих крестов над братскими могилами. Все свидетельствовало, что везде борьба была одинаково жестокой и упорной.

По тем же дорогам мне случалось проезжать недели две назад, при самом начале наступления немцев. Новые земляные сооружения местами совершенно изменили пейзаж. Прежние однообразные гряды или нивы заменились странно изрытыми, словно изрезанными полями. Можно было только удивляться той энергии и тому напряжению, которые могли в короткое время выкопать все эти каналы, возвести все эти валы, укрепить все эти склоны. Думалось о том, что сейчас миллионы рук роют землю от Балтийского моря до Карпат и от Атлантического океана до Альп и что для человечества, если бы оно в мирное время дружно работало с таким же усердием, предприятия вроде прорытия Панамского канала были бы нетрудным делом нескольких месяцев.

Ехать нам пришлось под дождем, льющим последние дни над Варшавой не переставая. Поэтому мы на личном опыте могли убедиться, какие затруднения преодолевали немцы в своем наступлении. По шоссе наш автомобиль подвигался еще довольно успешно. Но как только мы сворачивали на проселочные дороги, колеса безнадежно завязали в глубокой грязи. Не раз мы должны были выходить и собственными руками выволакивать погрязший экипаж. Между тем в Бельгии и в Пруссии германская армия всю свою артиллерию перевозила на автомобилях. На автомобилях же следуют обычно за немецкими войсками различные припасы, походные кухни и т. п.

На первых верстах мы постоянно обгоняли фуры и телеги «беженцев», возвращавшихся в свои освобожденные города. Преимущественно то были евреи, составляющие большинство городского населения в центральной Польше. Из окошек старинных фургонов и с высоты телег, перегруженных сундуками, корзинами и узлами, смотрели на нас измученные лица с выражением какого-то тупого безразличия. Женщины, охватив руками свой жалкий скарб, бессмысленно уставляли глаза перед собой, словно не видя ничего. Старики-евреи с таким же равнодушием сидели в глубине фур, как деревянные статуи пророков. Казалось, всем было все равно, куда ехать и сколько времени длиться путь. Жизнь столько их мыкала, что они более не ощущали ее толчков. Даже возчики не обращали внимания на гудки нашего автомобиля и не сворачивали в сторону. Только черноволосые ребятишки испуганно, но с любопытством оглядывали и нас, и все окружающее.

Жизнь уже выработала в Польше определенные приемы для «беженцев». При известии о приближении немцев к городу жители укладывают по-дорожному все наиболее ценное и необходимое, прячут остальное в укромных местах, собирают все экипажи, какие только можно достать, набиваются в них со своими вещами сверх меры и едут «куда глаза глядят», верст за 50–70 в сторону. Одни находят приют в соседнем городе у родных или знакомых. Других принимают разные благотворительные учреждения. Третьи, наконец, располагаются табором в первом попавшемся лесу. Таборяне учреждают свое временное управление, выставляют стражу, дежурящую день и ночь, выбирают старост, распределяющих провизию между всеми поровну, на коммунальных началах и т. п. Потом, узнав, что их город вновь стал «вольным», беженцы вновь укладывают имущество на повозки и тянутся на родное пепелище. Есть местечки, которые по два и по три раза пережили такое выселение.

Навстречу нам по пути к Варшаве шли партии пленных пруссаков. Раненых везли поодиночке в каких-то одноколках. Пруссаки, бледные, угрюмые, ехали не поднимая глаз: казалось, им было мучительно стыдно своего положения. Пешие шли группами по 8–10 человек под конвоем наших солдат. Мы пробовали заговаривать с пленными (конечно, по-немецки), но они отвечали крайне неохотно, а то и вовсе не отвечали. Моим товарищам хотелось приобрести на память прусские каски. Но долгое время никто не соглашался на такой торг. Один молодой пруссак с интеллигентным лицом обидчиво возразил: «мне моя каска нужна самому!» и отказался от дальнейших разговоров. Наконец нашлось два солдата, решившихся на продажу. Они уступили нам по рублю две каски с медным орлом, разноцветными кокардами по бокам и надписью: «Mit Gott für Kaiser und Vaterland»*. Оба эти солдата сдались добровольно. Они отбились от своей части, проблуждали целый день по незнакомой местности и, видя, что им не пробраться сквозь ряды русских войск, пошли в ближайшую деревню, где попросили накормить себя и сдать русским.

Параллельно с нами подвигались бесконечные цепи обозов и новые колонны наших полков. На привалах невольно завязывались беседы с офицерами, которые еще продолжали жить исключительно впечатлениями недавнего боя. Ни о чем другом им не хотелось ни думать, ни говорить. Напряжение, пережитое ими, было так велико, что даже не было желания отдохнуть от него, перенесая мысль к другим вопросам. Солдаты, напротив, охотно болтали о чем-нибудь постороннем и увлекались рассказами о бое лишь после того, когда мы их начинали расспрашивать. С несколькими солдатами нам пришлось провести довольно долгое время вместе. То были «одиночки», догонявшие свой полк и просившие их подвести. Такие просьбы мы, конечно, исполняли с истинным удовольствием, тем более что бесхитростные рассказы солдат всегда очень живо представляли нам недавние события.

Не могу не упомянуть здесь одного солдата, проехавшего с нами почти от самой Варшавы до Прушкава. То был простой крестьянин Могилевской губернии, но он с большой вдумчивостью оценивал все, что было им пережито во время войны. В свое время он «проделал» всю японскую кампанию, а теперь, прежде чем попасть под Варшаву, уже побывал со своим полком в Пруссии, пройдя до самого Инстербурга.

Разумеется, чаще наши разговоры вращались около недавних боев. Нам пришлось опять выслушать много рассказов и от офицеров, и от солдат, о коварстве пруссаков, о злоупотреблении белым флагом, обстреле Красного Креста и т. д. Об этом все говорили с негодованием, но как о чем-то общеизвестном, не требующем доказательств. Много рассказывали нам и о подвигах, находчивости и мужестве отдельных лиц. Но эта война дала нам уже столько примеров личной отваги, что, чтобы собрать их все, потребовалось бы писать целые тома. В свое время, занесенные в семейные записки и мемуары, они станут общим достоянием и любимым чтением юношества.

В один голос все наши собеседники констатировали неуспех немецкой артиллерии. В пределах Польши немецкие орудия оказались гораздо менее опасными, нежели «у себя дома». В Восточной Пруссии все расстояния были немцами заранее измерены; два года подряд они устраивали там большие маневры и изучили малей-

* С Богом за кайзера и отечество! (нем.)

шие детали местности; огромный штат шпионов-профессионалов и добровольцев помогал армии и регулировал стрельбу батарей. Поэтому в Пруссии немецкий артиллерийский огонь отличался убийственной меткостью, и немцы прослыли за превосходных артиллеристов. В Польше эта слава значительно померкла.

Доехав до полей битв, мы везде встречали следы артиллерийского боя. Деревья, строения, ограды — все носили на себе свежие раны, нанесенные сталемечущими чудовищами. Везде виделись сокрушенные балки, обрушенные кирпичи, пробитое железо или страшные царапины по камню и по металлу, словно от когтей небывало огромного зверя. Лес неподалеку от Хойнова весь искалечен артиллерийским обстрелом. Громадные стволы расщеплены гранатами; с лесных гигантов снарядами, словно кожа, содрана кора на аршин и больше; дубы и вязы просверлены пулеметными иглами; молодняки как будто перерублены пополам.

Другим признаком артиллерийских боев были срубленные деревья. Они мешали свободному обстрелу, и их безжалостно уничтожили. Грустно было ехать по дороге, по обеим сторонам которой стоят, на равных промежутках, словно толстые тумбы, величавые пни. Еще недавно здесь была тенистая аллея, одна из тех, что придают особую прелесть пейзажам Западного края. Теперь дорога сразу обезличилась, не то облысела, не то ослепла. Потребуется целое столетие времени, чтобы вновь придать ей прежний вид. Можно мечтать о воссоздании реймского собора, но человеческая воля и все наши труды не властны воссоздать столетние вязы, дававшие тень нескольким поколениям путников.

В другом месте были срублены и повалены на дорогу обрамлявшие ее высокие ветлы. Словно гигантский хворост лежат они, перекинувшись с одного края на другой. Прежде путь шел здесь, словно в густой заросли, между двумя зелеными стенами, с одним отдаленным просветом впереди. Теперь слева и справа открылись тонкие болотистые низины. Дорога стала плоской и скучной... Зато цель была достигнута, и немцам не удалось провезти здесь свои тяжелые орудия на помощь к обстреливаемой нами батарее.

«Артиллерийские дуэли» заполняли всю первую половину боев под Варшавой. Противники стояли так далеко друг от друга, что целиться приходилось по картам и по компасу. Боролись ожесточенно, не видя один другого. То были именно те дни, когда варшавяне, выйдя за заставу, с тревогой наблюдали, как в темном небе, кое-где освещенном заревами, вспыхивают розоватые и синие огни лопающихся шрапнелей и гранат. За «артиллерийскими дуэлями», заставившими немцев отойти от самой Варшавы, начался ружейный обстрел. В течение нескольких дней надо было стрелять, медленно передвигаясь из окопа в окоп, опять не видя врага в лицо. наших солдат раздражал такой бой «втемную». Рассказывая о пережитом, они жаловались только на эти томительные часы в ожидании «настоящего» боя, когда лишь одни старшие офицеры знали, что именно происходит. Слушая эти наивные жалобы, я невольно вспоминал героя лермонтовского «Бородино», который тоже негодовал:

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?

.....

Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?

Суворовская традиция оказалась живой в нашей армии, и наши солдаты до сих пор «пуле-дуре» предпочитают «штык-молодец».

— Офицеры, ваше благородие, не пускают, а то бы мы их (т. е. немцев) живо прочили! — говорил мне на передовых позициях один солдат еще в первые дни боев.

И бывали случаи, не дожидаясь команды, увлекая друг друга оглушительным «ура», бросались вперед, добегали под огнем, сражавшим направо и налево, до неприятельской позиции или даже батареи и действительно «выбивали» немцев. В штыки несколько раз переходили при Пясечной. Штыками были взяты обратно Тарчин и Гройцы, в Гройцах бились врукопашную даже на улице (единственной в городе) и в домах, где немцы пытались забаррикадироваться столами и скамейками.

— И колешь, и вместе стреляешь, — рассказывал мне с восторгом один молодой солдат, но в словах его не было никакой жестокости: его увлекало не самое убийство, а возможность проявить, наконец, личную храбрость и силу.

Только внимательно осмотрев поля битв, можно представить, с какой тщательной обдуманностью действовали немцы. План всех их окопов в Варшавской губернии был бы, вероятно, весьма поучителен для военного техника. Многие сооружения возведены словно напоказ: геометрически правильно выровнены края окопов, прочно, как бы на долгие годы, устроены прикрития; с суровым вкусом обрезаны углы фортов. Можно любоваться этой солидной и по-своему красивой работой. Вместе с тем окопы были рассчитаны так, что давали возможность под прикритиями и подвигаться вперед и отступать. При таких условиях, постоянно под охраной блиндажей и при поддержке артиллерии, совершился, например, отход немецких сил от Прушко-ва к Блоням. Наконец, внимательно были использованы немцами все находившиеся в районе строения: конюшни, обращенные в форты с бойницами, ограды, сделанные крепостными стенами, мельницы и т. д.

Ничто, однако, не спасло немцев от поражения. Наши передовые отряды, несмотря на значительное численное неравенство, задержали наступление до подхода главных сил. Вновь прибывшие войска, проводившие иногда несколько суток в переполненных вагонах и совершившие трудный ночной переход под дождем, являлись на поле битвы бодрыми и готовыми на любой подвиг. Солдаты покорно выжидали свое время, под огнем, на позициях, вели перестрелку, стоя по колени в холодной воде, и в конце концов решили борьбу «штыковым ударом».

Воздадим должное вождям нашей армии: наша стратегия нашла себе высокую оценку у западных авторитетов, во Франции и в Англии. Но признаём, что главной основой наших побед все же был *русский солдат*. Германское нашествие на Варшаву разбилось об его выносливость и мужество, об его веру в свое дело и готовность за него умереть.

Варшава, 11 октября

После победы

III. На полях битв под Варшавой

В течение двух недель центральная часть Варшавской губернии была театром военных действий. В местечках и деревнях то стояли русские полки, то хозяйничали немцы, то происходили тяжелые и упорные бои. У всех поляков при мысли об этом сжималось сердце; перед всеми вставал вопрос: что же случилось с этим богатым краем, где люди привыкли жить в довольстве, а иногда и в роскоши?

Первые дни наступления немцев вызывали самые горестные ожидания. Беглецы являлись в Варшаву тысячами. Заставы были запружены телегами и фурами, набитыми всяким домашним скарбом и людьми, не знавшими, куда им деваться. Многие здесь же, в варшавских предместьях, — на Воле, например, — располагались станом и на все вопросы, что они намерены делать, бессмысленно отвечали, что останутся здесь, что им идти некуда. Плакали женщины, ревели дети; мужчины угрюмо стояли у своих телег, дойдя до того состояния отчаяния, когда уже «руки не поднимаются», чтобы что-нибудь сделать.

Город принял деятельное участие в «беженцах», распределил их, сколько мог, по разным учреждениям, возникшим за последние месяцы в Варшаве, дал бездомным кров, кормил голодных. На попечении Варшавы уже были тысячи беглецов, ушедших раньше из более отдаленных местностей, начиная с Калиша.

Первые дни боев еще более удручили общее настроение. По вечерам на горизонте, в разных местах, отчетливо выступали зарева. Все знали, что это горят города, деревни и отдельные усадьбы. Постепенно приходили вести о разгроме того или другого местечка. Грохот непрерывной канонады заставлял думать, что все пощаженное немцами будет разрушено артиллерийским огнем.

Сами варшавяне сносили беду бодрее, чем можно было ожидать. Тревога в городе быстро улеглась и никогда не доходила до паники. Не вызывали особого волнения даже подозрительные субъекты, которые, в эти «грозные дни», внезапно появлялись в толпе, начинали шепотом сообщать, как очевидцы, будто передовые немецкие отряды подошли к какой-то заставе или уже вступили в такое-то предместье. Несмотря на выезд из города правительственных учреждений и другие зловещие признаки, население продолжало верить, что русская армия оборонит его от немецкого нашествия.

Труднее было положение «беженцев», которые своими глазами видели пожар родных домов и, следовательно, гибель всего своего достояния. Сначала в рядах этих злополучных поминутно слышались рыдания. Ко всем они обращались с жалобами на свою судьбу. Потом наступило тупое оцепенение. В «Швейцарской долине», в цирке, в городских скверах, отведенных им под жилье, беженцы целыми часами сидели неподвижно, не обмениваясь между собой ни словом. По вечерам холодное отчаяние влекло их за заставу, где они упрямо вперяли взор в зарево пожаров и в огоньки далеких шрапнелей, бороздивших небо, с думой о своих разрушенных жилищах.

Невольно вспоминались сцены классической древности. Так, вероятно, всматривались в пылающее небо жители Аттики, собранные Периклом в Афинах, когда Агесилай, вторгнувшись в их землю, предал огню и мечу окрестные деревни, виноградники и масличные рощи... Так же озирали с ужасом даль беглецы из Кампаньи,

приютившиеся в Риме, когда Ганнибал, подступив к вечному городу, жег все кругом. Как верно передал эту картину в одной терцине сонета Ж.-М. Эредиа:

И каждый вечер вновь в поля на акведуки
Сонм женщин и детей спешит, ломая руки,
На зарево глядеть и плакать в тишине...

Позднее, когда немцы начали отступать, пришли более утешительные известия. Говорили, что на этот раз немцы оказались милостивее, чем обыкновенно. Они не поджигали городов преднамеренно, как в Бельгии, и не позарились на скудное имущество жителей местечек вроде Прушкова, Гройц, Пясечной... Кроме того, пребывание немцев в Варшавской губернии было слишком непродолжительно, чтобы они могли причинить краю серьезный вред. Не было времени приступить, как, например, в Домброве, к систематической эксплуатации местных естественных богатств или, как в Сувалках и многих других городах, вывезти за границу все наиболее ценное на подводах. Луч надежды засветился в душах «беженцев». Все же, выезжая для осмотра полей недавних битв, мы с тревогой ожидали, что встретим картины такого же страшного опустошения, какое видели на юге Люблинской губернии и в пограничных районах Галиции.

По счастью, наши опасения оказались преувеличенными. Само собой разумеется, что проход неприятеля и многодневные артиллерийские бои оставили на крае глубокие следы. Но я, по крайней мере, ожидал опустошения гораздо более жестокого и, как ни тяжело сейчас положение местного населения, думаю, что оно должно благодарить Бога и русскую армию, спасших их от полного разорения.

Сильно пострадали поля. Они все перерыты окопами, которые достигают местами глубины $2\frac{1}{2}$ аршин. Нелегко будет залечивать эти раны плугом и бороной. Засеянные пашни и засаженные огороды потоптаны. Под Варшавой — сотни десятин, занятых картофелем, репой, свекловицей, капустой. По ним не раз и не два прошли взад и вперед русские и немецкие полки и проскакали батальоны кавалерии. Капустные кочаны, оторванные от своих корней, катаются теперь по полям, как отрубленные головы. Вырванные репы свалены на огородах гниющими кучами. Картофельные поля под копытами лошадей превратились в какие-то манежи для верховой езды.

И все же даже на полях многое уцелело. То там, то здесь, видишь пашни или гряды, сохраненные счастливым случаем. Уже бабы и мужики бродят по своим клочкам земли и подбирают все, что может быть использовано, подправляют несломанные кочаны, откладывают в сторону неиспорченные овощи, копают оставшиеся картофелины. Я видел мужика, заново бороновавшего свое поле. Несомненно, будущий год скажется в польской деревне тяжким недостатком во всем, но при своевременной помощи дело еще можно поправить — земля не опустошена так, чтобы явился соблазн ее кинуть.

Непоправима, конечно, здесь убыль деревьев. Тенистые аллеи обратились в голые дороги, по которым летом будут носиться тучи пыли. Надо будет сажать деревья вновь и ждать долгие годы, пока опять встанут вдоль проезжих путей развесистые вязы и приветливые ветлы. Но и по дорожным аллеям военная гроза прошла какой-то стороной. Многие, и притом лучшие, сохранились в целостности, — например,

по шоссе от Варшавы к Прушкову, часть — по пути на Гройцы и т. д. Леса в громадном большинстве уцелели (вырубить их было бы слишком продолжительной работой) и только изъязвлены снарядами. Весеннее солнце и весенние дожди, летний зной и летние грозы залечат раны лесных великанов, и на расчищенном просторе живее взбегут ввысь молодые поросли.

В деревнях, близ которых происходил артиллерийский бой, обычно повреждено, судя на глаз, около трети или четверти домов. Издали такие деревни кажутся пощажеными войной и вовсе не производят того впечатления сплошного пожарища, как иные селения в Люблинской губернии. Только входя в самую деревню, различаешь следы жестокого разгрома отдельных строений. Снаряды словно выбирали свою жертву: в некоторые дома их ударило несколько, в другие, стоящие рядом, — ни одного.

Есть дома-неудачники, совершенно обрушившиеся под ударами гранат. Крыша придавила строение, и рухнувшие балки сокрушили все внутреннее убранство. Люди, еще чуть не вчера зажиточные, сегодня сознают себя бедняками. Я видел одного старика-бобыля, который ни за что не хотел уходить от своего развалившегося домишки и упорно копался в грудке мусора и обломков, выбирая какие-то жалкие обломки вещей. Соседи горько попрекали старика:

— Стыдно тебе так убиваться. Ты — один, проживешь как-нибудь. Каково тем, которые целой семьей остались ни с чем!

Действительно есть семьи, у которых в огне погиб и дом, и все имущество. В той же деревне, где жил бобыль, семья из семи человек лишилась крова, скота, сбережений, всего своего достояния и остались только в той одежде, в которой все бежали в лес, укрываясь от боя. Но эти люди обнаруживали неожиданную бодрость, не пали духом и строили планы новой жизни.

— Пойду служить в город, — говорил отец, жена тоже наймется куда-нибудь, и старшая дочь, а малышей рассую по добрым людям.

Впрочем, такая твердость — исключение. Громадное большинство тех, кто оставался в деревнях в дни боя, спрятавшись в погребах или укрывшись в ближайшем лесу, совершенно потрясено пережитым. Видно, что их нервы расстроены до последней степени. Многие говорят про себя, что теперь они решительно не могут спать: им все слышится грозный грохот артиллерии. Мы встретили одну женщину, которая беспрерывно дрожала всем телом, словно охваченная пляской св. Витта. Весь день боя она просидела под каменной оградой фабрики. Во многих местах стена была разрушена снарядами, кругом сыпались кирпичи, гранаты задевали каменную кладку и рикошетом летели разрываться в поле... Вынеся такую пытку, женщина почти потеряла рассудок. Дрожа, она повторяет теперь одно слово: «ад», «пекло», и это — все описание боя, которое она может дать.

Трагические сцены разыгрываются среди возвращающихся «беженцев». Некоторые на месте своего дома, к которому они так спешили, находят груды развалин. Одни рыдают, другие в недоумении глядят на то, что еще недавно было их жильем, старательно убраным по вкусу хозяев... Зато сколько бывает радости, когда вернувшиеся находят свой дом нетронутым! Самый факт, что стоят его стены, радует их, как драгоценная находка. Но некоторые строения сохранились действительно целехонькими, как если бы бой и не бушевал вокруг них. Войдя внутрь, видишь все

на своих местах: даже картинки и фотографии остались висеть на стенах и не разбилась посуда на этажерках! В других домах только лопнули от сотрясения стекла да расколосось несколько тарелок.

Война не пощадила и храмов. Под Пясечной один костел не только разгромлен, но и осквернен немцами, которые вообще не считаются с религиозным чувством населения. Еще допустимо, что в самом костеле немцами был устроен лазарет; об этом свидетельствуют оставшиеся кровати. Но чувство негодования возбуждает во всех то, что нижняя часть храма была отведена под кухню. Предметы богослужения поломаны, священные изображения намеренно попорчены, у статуй Мадонны отбита голова и т. д. Рассказывают и о костелах, в которых немцами были устроены конюшни.

Красивый высокий костел под Прушковом имеет сейчас трагический вид. Внешний облик здания сохранился; по-прежнему он возносит к небу иглы двух готических башен. Но кирпичная облицовка стен во многих местах обвалилась. Остались одни железные рельсы и балки, на которых стены и крыша были утверждены. Если смотреть сбоку, то видишь как бы скелет собора. Солнечные лучи свободно проходят через решетку его остова. И кажется, что это — тело, обглоданное хищными птицами.

Всех разрушений, которые пришлось видеть в деревнях и в поле, не перечислить. Вот, мельница-ветрянка, подрезанная у самого основания. Она повалилась, как стояла, и лежит на земле, точно огромная игрушка, опрокинутая ребенком. Так и хочется взять ее двумя пальцами и поставить на место... Вот фабричная труба, просверленная снарядом, так что можно смотреть в круглое отверстие как в подзорную трубу... Действие тяжелых гранат и шрапнелей ужасно. Они дробят кирпичную кладку; разрезают крыши пополам; пробивают насквозь чугунные ворота; ненароком царапают толстые камни, как зверь когтями — мясо. Гранаты сокрушают деревянные строения, как дуновение — карточный домик, и громят каменные, как сильный удар палки разломал бы игрушечную избу из дощечек.

Города пострадали сравнительно меньше. В Пясечной есть одна полусгоревшая улица. В Прушкове разрушены стоящие поблизости строения. Местные газеты насчитывают в других городках где 50, где 70, где 100 поврежденных и сожженных домов. Но в общем городки Варшавского уезда могут теперь же возобновить обычную жизнь. Необходим только немедленный подвоз съестных припасов, так как немцы забрали все, что можно есть и пить. Ни в одном городе мы не могли достать ни кусочка колбасы, ни бутылки содовой воды; нет соли, сахару, сигар, папирос, табаку, спичек и т. п. В одной мелочной лавочке, в которую я зашел, весь товар состоял из дюжины конфет, корзины вновь накопанного картофеля и нескольких бутылок уксуса, очевидно не понадобившегося немцам. Разгромлены также магазины белья. Уверяют (сам я этого не видел), будто немцы для ускорения «покупок» не давали себе труда входить в магазин через двери, а разбивали оконные стекла и брали вещи прямо «с выставки».

Страшных рассказов о событиях грозных дней так много, что всех не перескажешь. В одном местечке был лазарет, где лежало много раненых пруссаков. При приближении немецких войск они с угрозами набросились на русских сестер милосердия, самоотверженно ухаживавших за ними, и стали требовать оружие, желая

присоединиться к своим. Только вступление в местечко казаков спасло сестер от расправы со стороны их пациентов. Другое местечко немцы, отступая, подожгли с четырех концов, чтобы преградить путь преследующим их русским. Впрочем, и здесь помощь подоспела вовремя, и пожар был потушен. Запомнился мне еще рассказ об одном мальчишке-еврее. Немцы потребовали от него, чтобы он указал им безопасную дорогу для отступления, на которой нет русских. Мальчик, напротив, сознательно повел немцев на наши позиции. Немцы были частью истреблены, частью взяты в плен, но успели в последнюю минуту зарубить маленького патриота-еврея.

В настоящее время и деревни, и города заселяются вновь. Возвращается администрация, возвращаются бежавшие жители. Я уверен, что через какую-нибудь неделю прежний ход жизни возобновится. Крестьяне постараются собрать что можно с опустошенных полей, разыщут разбежавшуюся скотину, починят поврежденные дома, а более счастливые приютят потерявших родной кров. Общее несчастье сближает, и сейчас во всех заметна готовность помочь соседу и односельчанину. В городах откроются магазины, чиновники пойдут на службу, дети вернутся в школы. Велика и тяжела будет нужда многих, но привычные формы жизни восторжествуют над временным потрясением. Давний навык заставит во что бы то ни стало восстановить прежнее. Люди так свыклись с определенным укладом жизни, что иного не могут себе представить, и наперекор всему будут стараться вести прежнюю жизнь или хотя бы делать вид, что ведут ее. И незаметно сотрутся следы страшных дней, и все опять войдет в свою глубокую, веками проторенную колею.

То, что сейчас в маленьком виде можно наблюдать вокруг Варшавы, в большом масштабе совершается во всей Европе. Навыки закономерной жизни преодолевают временное беззаконие войны. Население городов и деревень разбегается при громе орудий, под дождем шрапнели; но, едва является тому возможность, спешит вернуться в насиженные гнезда и вновь начать привычный труд, привычное дело. Похоже на то, что удар молнии разбивает какой-то огромный шар на тысячи осколков, но тотчас же миллионы рук протягиваются к этим осколкам, подбирают их и снова склеивают в одно целое... Война, длящаяся несколько месяцев, не в силах сокрушить то, что строилось целыми столетиями. В борьбе хаоса войны с культурным строем жизни культура выходит победительницей.

Варшава 13-го октября

P.S. Посещение мест недавних битв стало теперь для жителей Варшавы любимым отдыхом. В воскресенье целые толпы горожан заполняли поля под Пясечной, Блонами, Прушковом и др., осматривали наши и немецкие позиции, лазили по окопам, собирали оставшиеся «реликвии». Предприимчивые люди тут же бойко торговали немецкими касками, ранцами, обломками шрапнелей, горстями патронов. Администрация железной дороги на Прушков даже принуждена была приостановить пассажирское движение из-за чрезмерного наплыва любопытных.

В.Б.

В Лодзи

(От нашего корреспондента)

Мне удалось посетить Лодзь на третий день после ухода из нее германских войск, в субботу, 18 октября. Немцы начали было выступать из Лодзи еще в понедельник, 13 октября, когда выяснилась полная неудача их движения на Варшаву. Во вторник, однако, прибыли в Лодзь с запада две дивизии подкреплений, и выступление было приостановлено. В четверг оно опять возобновилось. С 4-х часов дня до 2-х часов ночи немецкие войска шли из Лодзи непрерывными колоннами, увозя всю свою артиллерию и обозы. Любопытно, что утром в пятницу местные газеты вышли с объявлением, напечатанным по приказанию немецкого «губернатора» города, о воспрещении продавать в Лодзи газеты, издаваемые в России. Продавая издания с этим объявлением, газетчики в то же время свободно и весело выкрикивали названия газет петроградских, московских и варшавских, так как в Лодзи не оставалось ни одного неприятельского солдата.

На этот раз немцы хозяйничали в Лодзи три недели. За это время они держали себя, по единогласному отзыву всех, вполне корректно. На город не было наложено никакой контрибуции; не было со стороны немцев ни грабежей, ни насилий над мирными жителями. За все, взятое в магазинах, немцы расплачивались большею частью наличными деньгами (немецкими марками), но иногда и «квитанциями», с уплатой в Берлине через два месяца. Некоторые эксцессы были допущены в самые последние дни пребывания немцев, перед их выступлением. Порядок в городе поддерживался милицией, во главе которой стоял Л.Л. Громан, человек очень энергичный. Он заявил немцам, что сохранит свой пост лишь при том условии, если ему предоставят полную независимость действий. После некоторого колебания немцы согласились на такое условие, и в течение всех трех недель милиционерам действительно удалось сохранять внешний порядок в городе. Отчасти способствовал этому и второй из назначенных немцами «губернаторов» Лодзи, генерал Либерт, известный путешественник по Африке. Он строго и решительно воспрещал своим солдатам всякие враждебные выступления против населения. Видно было, что немцы своим поведением сознательно стараются загладить впечатление от разгрома Калиша, Ченстохова и других польских городов.

В общем, жизнь в Лодзи при немцах текла почти нормально. Магазины торговали; были открыты кинематографы и даже некоторые театры. Запрещено было только выходить на улицу после 9-ти часов вечера и приказано ночью освещать окна. Цены на хлеб и другие предметы первой необходимости сильно поднялись, но особого недостатка Лодзь ни в чем не испытывала. Несмотря на то жители крайне тяготились пребыванием в городе неприятельской армии и страстно ждали избавления. Немцы настойчиво называли Лодзь немецким городом и повторяли, что она присоединена к Германии навсегда. Однако подавляющее большинство населения ни на минуту не сомневалось, что Лодзь скоро будет освобождена русской армией. В день тезоименитства Наследника Цесаревича домовладельцы сделали попытку разукрасить город русскими флагами. Уход немцев был всеми встречен с ликованием. Те два дня, что я провел в Лодзи (суббота и воскресенье), город имел еще вполне праздничный вид. На многих домах были вывешены флаги. Церкви, в которых совершалось бла-

годарственное молебствие по поводу избавления от врага, были переполнены молящимися. Встречаясь на улице, знакомые и даже малознакомые поздравляли друг друга. Наших солдат население при каждом подходящем случае продолжало восторженно приветствовать.

Немцы, по слухам, отступают поспешно и, желая уклониться от боя, в один день сделали переход более чем в 40 верст. Одна немецкая колонна, отступая, потерпела сильный урон под Пабианицами. Пленные пруссаки, привозимые в Лодзь, имеют вид крайне измученный. На все вопросы они отвечают «Ich bin müde»* Лошади немецкой кавалерии тысячами падают от усталости. Напротив, наши солдаты — те, с которыми мне приходилось беседовать, в пути и в городе, — настроены, как и всегда, в высшей степени бодро. Об усталости нет и речи. Все разговоры обычно кончаются тем, что солдат высказывает желание скорее догнать немцев и еще раз нанести им удар. «Когда нас охраняют такие войска, — говорили мне жители Лодзи, — мы можем спокойно вернуться к нашей обычной жизни».

Подробности сообщу отдельным письмом.

19 октября

Германия на двадцать дней **I. Впечатления от поездки в Лодзь**

— In Deutschland handelt man nicht! В Германии не торгуются!

Так заявил мальчишка-приказчик в одном магазине в Лодзи во время пребывания в ней немцев. Барышне-покупательнице, привыкшей, что в этом магазине всегда запрашивают вдвое, оставалось только пожать плечами и уйти из лавки, внезапно превратившейся в немецкую.

Другой даме необходимо было поехать из Лодзи в Берлин, где оставался ее муж, и она обратилась в канцелярию немецкого губернатора за разрешением. В канцелярии дама получила характерный ответ:

— Чтобы переезжать из одного города Германии в другой, не надо особых разрешений.

Один немецкий офицер зашел в Лодзи в писчебумажный магазин и спросил открытых писем с видами Берлина. В магазине ответили, что таких открыток нет. Офицер рассердился:

— Стыдно в Германии не иметь видов Берлина!

Часы в Лодзи были поставлены по средневропейскому времени. На улицах газетчики продавали «Berliner Tageblatt», «Lokal Anzeiger» и другие немецкие газеты. Немецкий чин на вокзале, когда ожидался приезд какой-то высокопоставленной особы, властно командовал публике: «Links! Rechts!»** Немецкие офицеры ежедневно приходили в избранное каждым из них кафе, садились на одно и то же место, требовали, чтобы кельнер знал их привычки, подавал излюбленные ими журналы, и сидели часами, медленно потягивая пиво, — совсем как любом немецком городке!

* Я устал (нем.).

** Налево! Направо! (нем.)

Немцы сделали все от них зависящее, чтобы превратить Лодзь в немецкий город или по крайней мере убедить жителей Лодзи, будто они уже находятся в Германии.

Перед вступлением немцев в Лодзь (вторичным, в конце сентября) население ее было встревожено. У всех на памяти был Калиш, Ченстохов и другие польские города, разоренные и разграбленные германской армией. Страхи оказались если не напрасными, то сильно преувеличенными. На примере Лодзи немцы захотели показать полякам, что умеют вести себя корректно. К тому же немцы готовились занять Варшаву и желали задобрить в свою пользу местное население.

Вступив в Лодзь, немцы расположились в ней с такой уверенностью, как если бы она уже давно была в их руках. Всем частям войск заранее были назначены подходящие для них помещения. Офицеры прямо ехали в определенные дома и заявляли у подъезда: «Здесь, во втором этаже, есть свободная квартира, не угодно ли вам ее открыть?» или: «В квартире № 5 я беру две комнаты, выходящие на улицу». Все указания такого рода были безошибочны. «Дислокация» войск в городе была выработана с прусской точностью и прусской методичностью. Через час по вступлении в Лодзь германская армия уже разместилась там вполне «у себя».

По-видимому, немцы с самого начала решили не чинить никаких притеснений населению. Против обыкновения они не издали длинного списка своих «обязательных постановлений». Было только запрещено выходить на улицу после 9-ти часов вечера и приказано освещать ночью окна фасадов. Последнее распоряжение было явно нелепым. Оно имело смысл в маленьких городках, где отсутствует уличное освещение. В Лодзи на улицах электрическое освещение, и не было никакой надобности усиливать его огнями из окон. Но здесь сказалась уже прусская методичность: если такое распоряжение было отдано во всех других городах, его должно было отдать и в Лодзи. И лодзяне за отсутствием свеч и керосина жгли всю ночь на окнах какие-то жалкие плоски.

Поддержание порядка в Лодзи немцы предоставили городской милиции.

Милиция была организована в Лодзи задолго до вступления в город неприятеля. Во главе ее с надлежащего утверждения стоял некто Лев Людовикович Громан, еще молодой человек, образование получивший в Германии и свободно говорящий по-немецки. Вот как он рассказывает сам о своих сношениях с немцами.

В первый же день немецкого господства его позвали к командиру германских войск, который предложил ему сохранить свой пост. Громан заявил, что согласится на это только под тем условием, что ему предоставят распоряжаться самостоятельно, независимо от военной власти немцев.

— Поддерживать порядок в городе мы будем, — сказал он, — но распоряжаться будем сами, а не по вашим указаниям.

— Это невозможно. Здесь все должно подчиняться нам.

— Как вам угодно. Тогда мы сложим свои полномочия, и я распушу милицию. Поддерживайте порядок сами.

Немцы задумались. Сохранять порядок в городе с населением в 500 000 человек не так легко. После колебания они согласились на поставленное им условие.

Впоследствии, довольные распорядительностью Громана, немцы решили повысить его в чине. Новый немецкий губернатор города Либерт (кстати сказать, из-

вестный путешественник по Африке) опять призвал к себе Громана и предложил ему пост обер-бургмейстера Лодзи (президента, главы города). Громан решительно отказался.

— Но если я вам приказываю. Я представляю здесь особу императора, и вы обязаны мне повиноваться.

— Простите, я — русский подданный и не считаю себя обязанным повиноваться вам. Если после войны по мирному договору Лодзь отойдет к Германии, дело будет другое. Пока же назначьте кого-либо из своих.

— Но через неделю мы будем в Варшаве, а владеть Варшавой — значит владеть всем Царством Польским. Россия должна будет просить мира, и неужели вы думаете, что Германия отдаст назад завоеванные области?

— Вот когда вы будете владеть Варшавой, а Россия должна будет просить мира, мы и поговорим.

Насколько точно запомнил сам Громан свои разговоры с немецким губернатором, я, конечно, не берусь судить, но тон речей этого последнего кажется мне правдивым. Немцы упорно держали себя в Лодзи и всей западной Польше не как во временно занятой области, но как в своей стране. Между прочим они хотели приступить к взиманию податей с населения и советовались об этом с тем же Громаном. Он опять ответил, что как русский подданный не считает возможным даже обсуждать такой вопрос, но указал, что население разорено, что в одной Лодзи 120 тысяч безработных и платить жители не могут ничего. Немцы от своего проекта отказались.

В населении немцы усердно распространяли слухи о немецких победах. Немецкие газеты, приходившие из Берлина, были полны хвастливыми репортажами об удачных действиях германских армий и флота на всех фронтах и на всех океанах. Газеты, выходящие в России, были строжайше воспрещены; хотя какими-то путями они и попадали в Лодзь, ознакомиться с ними было нелегко: за одно «прочтение» вносили по рублю и дороже. Местные издания были подчинены беспощаднейшей военной цензуре. Любопытен в этом отношении первый, вышедший под немецкой цензурой, номер лодзинской газеты «Rozwoj»: на двух страницах, из которых состоит газета, помещено едва две-три коротеньких телеграммы: все остальное представляет белые столбцы, по которым сверху вниз напечатано одно слово: «konfiskowano».

Позднее, уже «при немцах», лодзинские газеты принуждены были печатать порой самые невероятные известия. Так, например, лодзяне однажды утром могли читать в местных изданиях такое сообщение: «Сегодня, вечером, германские войска войдут в Варшаву. Завтра ожидается приезд двух высокопоставленных особ, которые провозгласят акт высокой важности». Под высокопоставленными особами должно было разуметь императора Вильгельма и императора Франца-Иосифа; под актом высокой важности — объявление автономии русской Польши (но отнюдь не автономии польских областей Германии и Австрии). То обстоятельство, что такие сообщения не оправдывались, смущало немцев мало; на другой день они принуждали редакторов печатать известия еще более сенсационные.

В разговорах немцы, конечно, стеснялись еще меньше. Они говорили не только о Варшаве, но и Смоленске, и о Вильно как о городах, обреченных им на добычу. Многие открыто хвастались, что на 18 октября (новый стиль) в доме генерал-губернато-

ра в Варшаве назначен большой бал для немецкого офицерства. И действительно, приглашения на этот бал находили потом в карманах убитых немецких офицеров.

Вообще, самомнение немцев не знало пределов. Офицеры привезли с собою в Лодзь парадные мундиры и в специальных чемоданах лакированные сапоги. Целые повозки были нагружены принадлежностями туалета: новенькими касками, блестящими ремнями, позолоченным оружием и т. д. Немецкое офицерство надеялось щегольнуть при торжественном вступлении германской армии в Варшаву. Впрочем, и в самой Лодзи офицеры одевались с пышностью, вовсе не подходящей к походной жизни. Достаточно было зайти в «Grand-Hôtel», где помещался германский штаб, чтобы увидеть затянутых в талию прусских «юнкеров», золото, яркие лампасы, даже ордена и ленты.

Двадцать дней длилась эта «игра в Германию», кончившаяся плачевным разгромом германской армии. Однако и после неудач на Висле немцы ни за что не хотели признаваться в своем поражении. Уходя из Лодзи, они повторяли, что отступают по стратегическим соображениям.

— Через две недели мы вернемся, — говорили они всем, — и тогда уже займем Лодзь навсегда.

Конечно, никого такие заявления не обманывали. Да и трудно было обмануться. Несчастный вид немецких пленных, которых скоро стали сотнями доставлять в Лодзь, красноречиво говорил о том, что свое дело германская армия проиграла безнадежно. Офицеры выезжали из Лодзи, красуясь в новеньких мундирах и блестящих касках; солдат вели назад чуть живых от усталости, голодных, с распухшими ногами, в изорванных сапогах. «Мы сделали все, что в человеческих силах, — угрюмо говорили пленные, — больше мы ничего не можем».

Варшава, 21 октября

Германия на двадцать дней

II. История и описание Лодзи

Лодзь — город скороспелка, без исторических воспоминаний. В начале XIX века это был небольшой поселок, в котором едва насчитывалось 400 человек жителей. Теперь это — огромный фабричный и заводской центр, с полумиллионным населением и сотнями миллионов рублей оборота в год. Между прочим, особенно много дел ведет Лодзь с Германией: в городе значительная часть жителей понимает по-немецки, на улицах не редкость — немецкие вывески, а в ресторанах и кафе — немецкие надписи.

Главная артерия Лодзи — длинная, на много верст тянущаяся улица; в своей средней, и лучшей, части она называется Петроковская; в других частях носит иные названия (Новомейская и т. п.). Эта улица обставлена высокими домами, «в берлинском вкусе», с громадными зеркальными витринами магазинов, с роскошными отелями, которые сделали бы честь Петрограду, с пышными кафе, с бесчисленными кинематографами. На Петроковской улице, словно на Невском, — постоянное оживление. Вереницы людей сплошным строем движутся в том и другом направлении: одни спешат по делу, другие просто «фланируют»; летят извозчики и автомобили.

Население Лодзи — сплошь люди деловые. Кроме целой армии фабричных рабочих (до 200 000), остальные — купцы, фабриканты, заводчики, служащие у них, комиссионеры, агенты, маклеры и т.п. По национальности население смешанное: поляки, немцы, русские, евреи, и это ведет к розни, распрям. Но в обычное время всех примиряет единый общий кумир: нажива. Деньги — вот истинная душа Лодзи, этого русского «американского города».

Понятно поэтому, какой удар нанесла Лодзи война и связанная с ней эвакуация города правительственными учреждениями. Согласно с общим планом кампании (дальновидность которого все имели возможность впоследствии оценить) Лодзь была временно очищена от наших войск. Из города выехали Государственный банк и судебные установления; была выведена полиция, закрыта биржа и т. д.; все привычные лодзянам формы жизни вокруг как бы распались. Лодзь была предоставлена собственным силам, и ей пришлось заново, с самого начала, организовывать весь строй своей жизни.

Была пора, когда жители Лодзи совершенно растерялись. Особенно удручало всех отсутствие денег. С выездом Государственного банка из обращения быстро исчезла не только разменная монета, но мелкие кредитки. На руках у людей состоятельных остались свидетельства на вклады и процентные бумаги, но нельзя же было в мелочных лавочках расплачиваться тысячерублевыми ассигнациями! В ресторанах не отпускали обеда, пока посетитель не заплатит вперед полутора рублей; а то он предложит в уплату сторублевою бумажку или, того хуже, акцию какого-нибудь банка. В магазинах отказывались давать сдачи, и покупатель должен был брать товара на всю ту ассигнацию, которую имел в своем распоряжении: на 3, на 5, на 10 рублей. Крайне тяжело было положение бедняков, которые не пользовались никаким кредитом и рассчитывали каждый лишний гривенник.

На помощь пришли высшие коммерческие учреждения: биржевой комитет, купеческое общество и банки («Торговый» и «Купеческий»). Они выпустили в обращение свои, лодзинские деньги, — особые «боны», ценностью в 1 руб., 50 коп. и 20 коп. «Боны» это — маленькие билетки, имеющие вид обыкновенных купонов. На каждом из них напечатано: «Нижепоименованные учреждения уплатят предъявителю столько-то (указана сумма) через три месяца после подписания договора о мире. Боны обеспечены более чем в двойном размере ценностями, хранящимися в банках» (следуют подписи). Эти боны выдавались только лицам, внесшим в банк обеспечение «более чем в двойном размере». Так, например, лицо, представившее процентных бумаг на 2000 руб., получило бонов на 900 руб. (половину за вычетом 10 %). Излишек предназначался на уплату контрибуции, которую могли потребовать с Лодзи немцы, и на общегородские расходы. Боны легко привились среди населения города, и привычное денежное обращение было восстановлено.

Другим источником тревоги для лодзян было отсутствие в городе полиции. Фабрикантам, заводчикам, вообще богатым людям казалось, что в Лодзи неминуемо начнутся грабежи всякого рода и бесчинства. Многие с ужасом ожидали полного разгрома своих домов и своего имущества. К этому присоединялось смущение от отсутствия в городе судебных установлений, растерянности от неизвестности, кто

поведет в эти трудные дни городское хозяйство и т. п. В этом отношении выручил «обывательский комитет» и организованная им «милиция».

Лодзинская милиция за тот период времени, что город оставался без властей, выросла в целую сеть учреждений, взявших в свои руки все функции городской жизни. Всего на службу в милиции (службу, конечно, безвозмездную) было привлечено до 10 000 человек. Они были разделены на ранги: рядовых милиционеров (или «милициантов», как говорили в Лодзи), начальников районов, членов комитетов и т. д. Отличительным знаком милиционеров были повязки на левой руке, смотря по занимаемому рангу: белая, синяя, желтая и зеленая с белым кругом. Город был разделен на 9 районов, и в каждом имелся свой штат милиции.

Рядовые милиционеры несли полицейскую службу. Они дежурили на улицах, регулируя движение экипажей и пешеходов, сторожили дома ночью, арестовывали подозрительных лиц и т. д. По общему признанию, милиция прекрасно справлялась со своей задачей. Порядок в городе все время сохранялся, а число преступлений даже уменьшилось (хотя на это могли влиять и другие причины). В первые дни своего существования милиция даже изловила 5–6 опасных бандитов, которые давно терроризировали окрестное население и за поимку которых была давно объявлена награда.

Комитеты милиции приняли на себя обязанности судейские. В порайонных комитетах разбирались дела мелкие: уличные кражи, буйства, нарушения постановления комитета и т. п. В центральном комитете — дела более важные, при решении которых надо было допрашивать свидетелей. Наказания, налагаемые комитетами, состояли в штрафах и тюремном заключении. Никакой апелляции на постановления не допускалось. Для разбора дел «гражданских» были учреждены особые «комитеты полюбовного раздела», каждый в составе четырех лиц: одного обывателя, одного рабочего, одного юриста и председателя данного порайонного комитета.

Далее были учреждены: комитет санитарный, два комитета по финансовым делам и комитет, ведающий тюрьмой. Последнему было особенно много дела. Администрация, выезжая из города, передала милиции несколько сот арестантов. Так как не было средств, чтобы кормить всех заключенных, часть их освободили, именно подследственных, обвинявшихся в незначительных проступках. Убыль однако скоро пополнилась арестованными вновь. Все время в лодзинской тюрьме содержалось от 250-ти до 300 арестантов.

Наконец, та же милиция вела все городское хозяйство. Между прочим надо было озаботиться положением безработных, которых, в виду закрытия фабрик и заводов, оказалось до 160 000 человек. На помощь им были обращены те 10 %, которые удерживались с получающих из банков боны. Комитеты милиции выдавали еженедельно: женатому — по 1 р. 50 коп., семейной женщине по 1 р. 30 коп., холостому — по 1 руб. кроме того была организована дешевая продажа хлеба и угля.

Немцы, вступив в Лодзь, санкционировали установившийся порядок вещей. Они назначили своего «губернатора», учредили «Kriegsgerichtstrath»*, несколько «комендатур» и т. п., в экстренных случаях высылали солдат на помощь милиционерам для поддержания порядка, но во внутреннюю жизнь города, в общем, не вмешивались. Разные комитеты милиции могли распоряжаться вполне самостоятельно.

* Военно-полевой суд (нем.).

Разумеется, все большие предприятия в городе были закрыты главным образом потому, что всякое сообщение с Лодзью прервалось. Но оставалось еще громадное количество мелких предприятий, обслуживающих местные городские нужды: магазины, рестораны, театры, газеты. Почти все они работали без перерыва и «перед немцами» (т. е. после эвакуации Лодзи) и «при немцах».

Так, были открыты почти все магазины. Торговали даже предметами роскоши: коврами, музыкальными инструментами, ювелирными изделиями. Много покупали и немцы, беря вино, фрукты, «деликатесы», запасаясь бельем, теплыми вещами. Первое время за все взятое они расплачивались немецкими деньгами. Первый немецкий «губернатор» Лодзи оценивал рубль в 1 марку 40 пфеннигов. Это повело к тому, что все магазины назначили цену вещам в марках. Генерал Либерт повысил курс до 2-х марок за рубль; гульден был оценен в 80 коп. Однако в последние дни немцы стали давать в уплату вместо денег — квитанции («квитки», как их называют в Лодзи); на них было означено, что оплачиваться они будут через 3 месяца в Берлине.

Точно так же торговали рестораны и кафе. Лодзинские цукерни полюбились немецким офицерам, и они проводили там целые дни за кружкой пива или чашкой кофе. Кинематографы, несмотря на ограниченный запас картин, усердно посещались немецкими солдатами. По настоянию немцев, были открыты и театры: один польский и два еврейских. Спектакли происходили в них от 5-ти до 8-ми часов вечера; афиши обязательно печатались на двух языках с немецким переводом. Пьесы выбирались, конечно, самые безобидные. В одном еврейском театре, например, каждый день шла пьеса «Николаевские солдаты».

Наконец, продолжали выходить и газеты; русская, «Лодзинский листок», польская, «Rozwoj», и две еврейских. За отсутствием телеграмм содержание их сводилось к тем сомнительным известиям, которые сообщались немцами, к хронике городских происшествий и к объявлениям комитетов милиции. Строжайшая немецкая цензура не пропускала никаких сообщений из остальной России. Тем не менее, редакторам удавалось иногда намекнуть между строк читателям на то, что общее положение дел далеко не таково, каким его стараются представить немцы.

Было бы далеко ошибочно думать, что жизнь в Лодзи «при немцах» текла безо всяких трений и терний. Напротив, и лодзянам довелось перенести немало невзгод. Если не хочется упоминать о них на первом месте, то только по сравнению с теми ужасами, каким подверглись калишане и жители Ченстохова.

Демонстративно проявляя свою корректность по отношению к самим лодзянам, немцы иначе держали себя в окрестностях города. Щадя частную собственность, они не церемонились с государственным и общественным имуществом. Здание Государственного банка было разгромлено и всячески «испакошено» (не нахожу другого выражения). Разгромлены были и помещения других банков, под тем предлогом, что где-то в них спрятан, в потаенном месте, миллион рублей. Разыскивая этот миллион, немцы отбивали штукатурку стен и ломали полы. Основательно была разрушена железная дорога. Ряд станций сожжен дотла. Обывательский комитет с трудом упробил немцев, чтобы здания станции Королев были не сожжены, а предоставлены ему на топливо, в котором город сильно нуждался. Под Лодзью было

беспощадно опустошено несколько прекрасных имений. Немцы вырубали вековые деревья, разрушали оранжереи, жгли мосты и постройки.

Если соединить в одно целое все те условия жизни, при которых пришлось лодзянам провести три недели «при немцах», станет понятным, почему о них вспоминают с настоящим ужасом. По улицам шеголяли надменные офицеры; они же заполняли кафе и рестораны. Немецкие газеты, продававшиеся на всех перекрестках, твердили о германских победах. На уличных столбах афиши с немецким переводом настойчиво напоминали о господстве в городе неприятеля. А в то же время в городе росла армия безработных, увеличивалась дороговизна, все ощутительнее становился недостаток необходимейших продуктов...

Некоторые лодзяне говорили мне, что в последнее время они предпочитали не выходить из дому. Вид родного города, занятого врагом, был им нестерпим. Одна барышня, с которой мне случилось беседовать, провела все 29 дней «при немцах» в своей комнате. Всегда людная Петроковская улица опустела, и на ней видны были почти исключительно немецкие мундиры. Лодзяне с каждым днем все томительнее и томительнее ждали своего избавления... Но этот час был недалек.

(Окончание следует.)

Варшава, 23-го октября

Немецкая цензура

(По рассказам сотрудников лодзинских газет)

Немцы вошли в Лодзь в четверг, 25 сентября, вечером. Редакторы местных газет, уже заготовившие утренние номера своих изданий, несколько смутились, узнав о вступлении неприятеля. Надо было остерегаться, как бы не раздражить немцев, временно ставших хозяевами города. Статьи, наиболее обидные для их самолюбия, были наскоро выкинуты из заготовленных к печати номеров. Все же утром в пятницу лодзинские газеты вышли в своем обычном виде, с телеграммами Верховного Главнокомандующего, с сообщениями о наших успехах в Галиции. Немцы, привыкшие к известиям совершенно иного рода, в изобилии поставляемым «Агентством Вольфа», читали эти сообщения с недоумением.

«Однако ловко вас обманывают», — говорили немецкие офицеры, упорно продолжая верить лстящей им лжи германского официоза.

В тот же день редакторы всех лодзинских газет были приглашены немецкими властями на совещание. В Лодзи в это время выходило семь газет: одна русская — «Лодзинский Листок» (при немцах появилось лишь несколько номеров), три польских — «Nowy Kurjer Łódzki», «Rozwoj» и «Nowa Gazeta Zódzka», две немецких — «Lodzier Zeitung» (в 1913 г. справившая 50-летний юбилей) и «Neu Lodzier Zeitung» и одна еврейская, на жаргоне, — «Lodzier Tageblatt» (другая еврейская газета, «N. Lodzier Morgenblatt», прекратилась еще до вступления немцев). От всех этих газет явились на совещание представители. Им было объявлено, что теперь устанавливается для газет в Лодзи немецкая военная цензура и что малейшее нарушение ее постановлений или попытка противодействовать германским властям повлекут за собой немедленно закрытие издания.

Первым немецким цензором был назначен ландштурмист с неожиданной фамилией Russland (т. е. Россия). Раньше он был инспектором учебного округа в Познани. Руссланд ни польского, ни русского (ни тем более еврейского) языка не знал. Поэтому редакторы пяти газет должны были, представляя в цензуру материал будущего номера, всё переводить от строки до строки. Первоначально перевод делался устно (впоследствии стали представлять письменный перевод), а так как газеты стали выходить два раза в день, то времени уходило на это очень много. К тому же Руссланд очень туго вникал в смысл излагаемых ему статей, постоянно просил повторить и все боялся, что его обманывают, сообщают ему неточный перевод.

Через несколько дней самому Руссланду надоело выслушивать переводы, и он потребовал, чтобы ему дали помощника, знающего польский язык. Назначен был какой-то «стрелец» из рядов «войска польского». Этот стрелец, бывший, может быть, прекрасным воином, в области журналистики оказался в достаточной мере неопытным. Он решительно не мог разобраться, что с немецкой точки зрения должно быть запрещено, что может быть пропущено. Иные из редакторов пользовались наивностью цензора, и в газетах с разрешения военной цензуры стали попадаться заметки, которые приводили высшее начальство в негодование. Оба цензора были отставлены, и на их место назначен штабной офицер Крато.

Крато в первый же день потребовал, чтобы утренний выпуск доставили ему в 6 часов вечера, а вечерний — в 11 часов утра. С трудом удалось уговорить цензора, что при таких условиях почти невозможно составлять номера газеты. Вычеркивал Крато беспощадно иногда по 200–300, а то и до 400 строк, что для маленьких провинциальных изданий составляет $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ всего материала (в обычном номере «Rozwoj»), например, вместе с объявлениями, едва 1000 строк). Сначала газеты оставляли белые столбцы, на которых было напечатано «konfiskowano», потом это было запрещено.

Одновременно с Крато (и после него) исполнял обязанности цензора известный польский писатель Юрий Жулавский, офицер одного из легионов «войска польского». Жулавский относился к немецкому делу с ревностью, какой не отличались и сами немцы. Одной газете он запретил, например, сообщить, что вся Варшава проникнута патриотическим духом. Другая газета хотела напечатать, что русскими сосредоточено под Варшавой много войска; и это было вычеркнуто. Та же газета («Nowy Kurjer Łódzki»), говоря о надвигающемся на Лодзь голоде, объясняла это тем, что город не успел получить от правительства обещанных в ссуду 350-ти тысяч рублей. Выкидывая эту статью, Жулавский сказал редактору:

— Такими рассуждениями вы поддерживаете мысль, что Лодзь еще имеет какую-то связь с русским правительством. От такой мысли надо раз навсегда отказаться! Здесь — Германия.

Гораздо больше терпимости проявил третий цензор — немец, также ландштурмист, бывший военный судья. Ему была представлена заметка, автор которой, говоря о переименовании немцами польских городов (Петроков — в Штольберг, Ченстохов — в Бендин и т. п.), объяснял это тем, что немцы хотят подчеркнуть присоединение части Польши к Германии навсегда. Судья-цензор заметку эту зачеркнул, но объяснил свой поступок совершенно неожиданными соображениями: «Согласно

с постановлениями Гаагской конференции, — сказал он, — воспрещается присоединять оккупированные области до окончательного заключения мира; немцы ведут войну, строго сообразуясь с ее законами, и не могут позволить себе такого грубого нарушения правил войны».

Этому судье-цензору редакторы указали между прочим на затруднительность своего положения: они обязаны подчиняться немецким властям, будучи русскими подданными. «Вы вправе отказываться печатать что-либо, что направлено против вашего Государя и родины, — ответил ученый немец, — и должны исполнять только наши законные требования». При этом во время разговора он несколько раз доставал томик, где были собраны постановления разных международных конференций, регулирующие права войны, и указывал то тот, то другой параграф.

Само собой разумеется, что собирать материал было редакторам лодзинских изданий крайне трудно. Сообщения с остальной Россией не было. Немцами были установлены и телеграф (через Сорадз с Бреславом), и телефон (с Петроковом), но они назначались исключительно для военных надобностей. Только изредка немцы сами сообщали редакторам кое-какие сведения о ходе войны, полученные по телеграфу, не принуждая, впрочем, непременно их печатать. Почти всегда то были известия о блестящих успехах германской армии на западном фронте; иногда же эти известия варьировались сообщениями о чудесных, чуть не сказочных подвигах «Эмдена» на водах всего мира. Однако немецкий телеграф часто портился; местное население пользовалось каждым удобным случаем, чтобы перерезать проволоку. В последние дни своего пребывания в Лодзи немцы вовсе перестали сообщать известия, получаемые ими по телеграфу.

Приходилось довольствоваться выдержками из берлинских газет, по которым все же можно было судить о том, что совершается в Европе. Немцы так старательно организовали доставку газет из Берлина, что в Лодзи они появлялись на второй день (впрочем, берлинские газеты часто помечают для провинции свои выпуски числом вперед). Читателей такие выдержки не очень интересовали уже потому, что на всех улицах Лодзи можно было купить номера тех же берлинских газет. Гораздо интереснее для лодзян были перепечатки из газет столичных и варшавских, но цензоры следили бдительно, чтобы таких перепечаток не появлялось. Самые газеты — петроградские, московские и варшавские — все же почти каждый день проникали в Лодзь. Кельнеры больших цукерен подавали постоянным посетителям вместе с чашкой кофе номер «Kurjer Poranny» или «Варшавской Мысли» «на прочет», получая за это лишних 40–50 копеек «на чай».

Свои объявления и извещения немцы также сдавали в местные газеты. При этом, в какое бы время объявление ни было доставлено, немцы требовали, чтобы оно было обязательно напечатано в ближайшем выпуске. Не раз приходилось уничтожать готовый набор и заново отливать четвертую страницу, чтобы вместить присланное немцами объявление о реквизиции лошадей или о воспрещении торговать газетами, издаваемыми в России.

Вообще немецкие цензоры и их помощники не церемонились с лодзинскими редакторами и не стеснялись в выражениях при объяснениях. Как-то раз один остроумец раздал во все газеты объявление, что он едет в Варшаву и принимает туда

поручения всякого рода. Большинство газет представило это объявление в цензуру, и оно было запрещено. Но одна немецкая газета напечатала его без цензуры. Цензор вызвал редактора для объяснений и раскричался на него. Тот оправдывался тем, что не знал, надо ли предоставлять в цензуру объявления.

— Разве вы не знаете, — кричал цензор, — что здесь — Германия и что ездить отсюда в Россию воспрещено? Разве вы не поняли, что объявление было составлено в насмешку?

— Не понял, не догадался, — отвечал редактор.

— Дурак! — коротко объявил цензор.

Выражения в том же духе, восклицания вроде «Heraus!» («Вон!») были не редкостью в устах бравых немецких цензоров. Сотрудник одной газеты, осмелившийся заметить цензору, который опоздал часа на три сравнительно с назначенным сроком, что при таких условиях невозможно издавать газету, получил классический ответ:

— Заметьте, что не я — для вас, а вы — для меня (Ich bin nicht für Sie, sondern Sie sind für mich!)

Когда немцы стали готовиться к выступлению из Лодзи, работа цензоров разладилась. Все чаще случалось редакторам напрасно дежурить по целым часам у дверей цензорского кабинета и, никого не дождавшись, выпускать газету без цензуры, за свой страх. Разумеется, писать против немцев еще никто не решался, и редакции сами цензуровали свои издания. В четверг, 16-го октября, вечерние выпуски лодзинских газет — впервые за три недели — вовсе не были представлены в немецкую цензуру. Утренние выпуски в пятницу, 17-го октября, уже заготовили другим языком. Последние колонны германской армии в ночной темноте еще проходили через город, а в типографиях уже стучали машины, печатая приветствия русской армии как освободительнице.

Варшава, 29-го октября

Из лодзинских впечатлений

Живя три недели в непосредственной близости к германской армии, лодзяне невольно присматривались к ее внутренней жизни. Блестящая по внешности прусская армия страдает, судя по этим рассказам, глубокими внутренними недугами.

Главный из этих недугов — страшная рознь, существующая между прусским офицерством и простыми солдатами. В германской армии офицеры совершенно чужды солдатам. Офицеры часто роскошествуют; солдаты бывают лишены самого необходимого. О ходе войны солдаты ничего не знают; их систематически обманывают, сообщая им нелепейшие известия с других фронтов вроде того, что немцами занят Париж или Киев, что в Варшаву нельзя вступить вследствие свирепствующей там холеры и т. д. Жестокое обращение прусских офицеров с нижними чинами, давно ставшее темой для сатирических листов, лодзяне могли видеть воочию. У пруссаков не хватило такта даже скрыть от жителей «завоеванного» города, что их офицеры охотно прибегают порой к кулачной расправе.

Бросилось еще в глаза лодзянам неудобство того вооружения, каким снабжена прусская кавалерия. Прусские уланы должны держать одной рукой пикю, на весу,

а другой — поводья; они поэтому стеснены в движениях, не могут действовать быстро, совершенно теряются при схватке с казаком. Прусские кирасиры сидят на огромных, статных лошадях, но эти лошади пригодны только для парадов; наших дорог и того корма, которым приходилось довольствоваться в России, они не переносят. Прусский кирасир в своем тяжелом вооружении неповоротлив и, как средневековый рыцарь, выбитый из седла, оказывается совершенно беспомощным. Не лучше вооружение и гусар. Вообще прусское кавалерийское вооружение, вопреки тому что можно было ожидать от немцев, крайне непрактично, — более красиво, чем пригодно для похода и для боя.

Первые известия о неудачах германской армии на Висле стали проникать в Лодзь уже с 5-го октября. Каждый день какими-нибудь путями приходили в город или варшавские газеты, или сведения, доставленные очевидцами. Немцы решительно опровергали все слухи о своих успехах, продолжали говорить о бале, назначенном в доме варшавского генерал-губернатора, уверяли, что и в Варшаве квартиры уже распределены, что каждый офицер уже получил приказ, ехать ли ему на Маршалковскую, на Новый Свет или еще куда. Но в то же время появились признаки подготавливаемого отступления. Были прекращены работы по укреплению некоторых пунктов восточнее Лодзи. Поспешно были минированы мосты на западе. Кроме того, немцы стали гораздо менее любезны в обращении с населением, перестали заискивать с ним, начали платить не деньгами, а своими «квитками» на Берлин.

В воскресенье, 12-го октября, вся Лодзь уже знала, что дело немцев на Висле безнадежно проиграно. Лодзяне скрывали свои чувства, чтобы не раздражать врагов. Немецкие офицеры тоже скрывали свое разочарование, старались казаться по-прежнему самоуверенными. Обе стороны притворялись друг перед другом.

Во вторник внезапно часть германских войск получила приказание выступить из города, но вернулась в тот же день с подкреплениями, подошедшими с запада. Однако в Лодзи немцы провели еще только один день. В четверг началось общее отступление. С утра офицеры укладывали свои вещи; солдаты собирались по полкам, вывозили артиллерию и обозы. Лодзяне с затаенной радостью смотрели на сборы неприятеля.

— Мы уходим временно, — говорили офицеры. — Нам надо выровнять фронт. Через две недели мы опять будем здесь. Не забывайте, что Лодзь — немецкий город.

Но никто не обращал внимания на эти заявления. Все видели, что немцы уходят, и уже не было сил таить свою радость. Люди высыпали из домов — смотреть на отступление германской армии. Уличные мальчишки кричали им ругательства, быстро прячась под ворота. В кофейнях рвали в клочки ненавистные немецкие газеты с лживыми реляциями.

Выступление началось в 4 часа дня и длилось до 2-х часов ночи. Германская армия шла непрерывно густыми колоннами, увозя артиллерию, обозы и багаж на реквизированных повозках. А вечером в тот же день лодзинские газеты вышли уже без немецкой цензуры, с телеграммами Верховного Главнокомандующего, полученные, конечно, «с оказией». Еще арьергард немцев двигался по улицам Лодзи, а мальчишки-газетчики, эти лодзинские «камло», уже громко кричали на Петроковской:

— «Варшавская мысль»! Продаю «Варшавскую мысль»! Не бойтесь никого!

В утренних изданиях газет был напечатан приказ генерала Либерта, грозивший смертью за повреждение телеграфа и телефона, проведенных немцами. А в 10 часов вечера те же мальчишки, как белки, взобрались на столбы и рвали немецкую проволоку. В это время под городом раздавались и первые выстрелы: подошли казацкие разъезды.

Утром в пятницу в Лодзь начали входить русские войска. Весь город, столпившись на улицах, кричал «ура». Солдатам раздавали хлеб, чай, фрукты, цветы и без счета коробки папирос. Каждому из толпы хотелось дать что-нибудь от себя солдату. Бедняки, которым самим было нечего есть, покупали булку и отдавали проходившему солдату. Около «Grand Hotel'я», в котором поместился штаб нашей армии, толпа устроила шумную манифестацию, пели гимн, кричали «ура».

В первый же день было захвачено много пленных. Немало немецких солдат осталось в городе. Их находили в домах, занятых под казармы, в помещениях клубов, в частных квартирах. Немцы объясняли, что проспали час выступления их полка, но больше вероятия, что они остались в Лодзи намеренно. Бесконечные переходы по тяжелым дорогам истомили пруссаков, и они предпочли сдаться в плен. Как анекдот рассказывают, что несколько немецких солдат поехали на пригородном трамвае (ходившем все время) навстречу русской армии, чтобы поскорее сдаться в плен.

Всю пятницу и все следующие дни привозили новые партии пленных, захваченных в боях на западе от Лодзи. Пленные имели вид людей крайне измученных, совершенно изможденных. Некоторые не могли ступить и, разувшись, несли сапоги в руках. «У меня ногти начали гнить от постоянных походов», — жаловался один из них. «Мы сделали все, что в человеческих силах, — говорил другой. — Больше мы ничего не можем. Нас постоянно обманывали, говорили, что войне — конец. Пусть же они кончают ее без нас».

Большинство пленных и вообще большинство прусских солдат, бывших в Лодзи, оказались привезенными с французского фронта. Переезды с одного конца Европы на другой влияли на солдат удручающим образом. Людям, уже привыкшим к условиям войны во Франции, приходилось приспособливаться к совершенно иным условиям в России. Еще более удручало солдат то, что обещания их начальства не исполнялись. Постоянно их уверяли, что им предстоит одно последнее испытание, что зиму они проведут в богатой, всем обильной Варшаве. Вместо того пришел приказ: отступать из Лодзи на запад; следовательно, опять биться, опять лежать в сырых окопах, может быть, опять ехать во Францию, в вагонах, битком набитых людьми. Психология простого человека не выдерживала такого потрясения. Пруссаки бросали оружие и сдавались в плен русским.

Армия, вышедшая из Лодзи, бесспорно, деморализована. Так же деморализована и армия, потерпевшая поражение на Висле. В арьергардных боях в западной Польше пруссаки уже не проявили своей прежней стойкости, своего прежнего упорства.

Варшава, 31-го октября

Фантастика войны

Кто из нас мальчиком, на школьной скамье, не зачитывался романами Фенимора Купера, капитана Майн Рида, Жюль Верна, Стивенсона, Райдера Хаггарда и их бес-

счетных последователей и подражателей? Как позабыть необычайные приключения отважных охотников в лесах Дальнего Запада, среди краснокожих индейцев, или в Центральной Африке, в стране людоедов и торговцев людьми? Подвиги изумительной отваги и сверхъестественной ловкости в борьбе кучки смельчаков с целым сонмом озлобленных и беспощадных врагов? Погоню неустрасливых моряков по разным морям за таинственным корсаром, грозным и неуловимым? Пленительные образы людей, не знающих страха, не теряющих надежды в самых безвыходных положениях, умеющих найти путь спасения, когда, казалось бы, остается только покориться своей гибельной участи? С этими образами полудиких искателей приключений смешивались в нашем юношеском воображении полуисторические фигуры героев Троянской войны, воспетых Гомером, благородных рыцарей, изображенных в романах Вальтера Скотта, беспечных гуляк-бойцов, подобных «Трем мушкетерам» Александра Дюма или «миньонам» Генриха Ш. И мы, просиживая ночи над заветным томом, мечтали о жизни, полной соблазнительных опасностей, чудесных сеплений обстоятельств и постоянного напряжения всех духовных и физических сил.

Однако каждый из нас, закрывая книгу, с тоской сознавал в глубине души, что все, чем он только что увлекался, — вымыслы писателя, которым нет места в действительной жизни, или, в лучшем случае, предания прошлого, исчезнувшего уже безвозвратно. А если юный мечтатель не додумывался до этого сам, его иллюзии грубо разбивали «взрослые» — отец, мать или старший брат, — говоря: «Охота тебе читать всякий вздор! Все это выдуманно, ничего такого не бывает и быть не может!» Склоняя голову, мы должны были согласиться, что в современном строе жизни геройские подвиги невозможны, что современному человеку негде проявить личное мужество, что прошла пора «топтателей прерий» и «пенителей морей». И грустно нам было думать, что никогда воочию не увидим мы никого, кто был бы подобен Ричарду Львиному Сердцу, «Следопыту», последнему из могикиан или хотя бы «Красному морскому разбойнику».

Но что же! Пришла великая война наших дней, и невозможное стало действительностью. Жизнь осуществила и превзошла фантазию романистов. «Необычайные приключения» стали повседневным явлением. Газеты — эти зеркала современности — показывают нам подвиги, до которых не могли додуматься сочинители. Вновь появились люди, способные на порывы той безудержной отваги, которая нужна была охотникам на львов и слонов в дебрях еще девственной Анголы. Вновь нашлись отчаянно-смелые моряки, готовые над морской пучиной вступить в бой с неприятелем, вдвое более сильным. И — что самое удивительное — в человеческих душах вновь проснулись силы, дарования и инстинкты, давно задремавшие, как казалось, смертным сном. Вновь проснулось бессознательное чутье опасности, умение разбираться в следах, оставленных прошедшим врагом на траве, способным бесшумно подползать к неприятелю, видеть в темноте, пробираться по непроходимым тропам, — все те темные дары природы, которые защищали человека в эпохи, когда вся его жизнь была непрерывной борьбой с неукротимыми стихиями, с подстерегающими всюду дикими зверями и с себе подобными.

Вот большая зала варшавского ресторана «Бристоль». Все залито ярким электрическим светом; роспись стен и цветных окон — с уклоном к модернизму; за столи-

ками — цвет столичного общества; звучит международная речь, где с русским смешиваются языки польский, французский, английский. И здесь же, в кругу офицеров, как-то совсем незаметно, сидит военный среднего роста, с энергичным, серьезным, но сразу ничем не поражающим лицом. Между тем это — ротмистр Б., человек, издевавший приключения, право, более фантастические, чем все измышления Майн Рида. А вот скромный номер варшавских меблированных комнат. Кружок приятелей пьет чай, курит, весело шутит, слушая рассказы какого-то юноши о пережитом им. Но этот юноша имеет право надеть несколько «георгиев» на грудь. Это — разведчик Т., совершивший чудеса отваги, до которых, право, далеко героям Райдера Хаггарда. Вот в Вильне несколько офицеров рассказывают случайному слушателю о своем сослуживце, поручике Р., — рассказывают любовно, просто. Но содержание их рассказов так чудесно, что в другое время никто не постеснялся бы счесть их за выдумку. На улицах, в кафе, в магазинах мы каждый день встречаем людей, видевших своими глазами подвиги беспредельного мужества и всю ту фантастику «войны будущего», о которой лишь мечтали Жюль Верн, Робидá, братья Рони. А газеты ежедневно приносят нам известия то о похождениях во Франции «пяти мушкетеров», более безрасудно-храбрых, чем их три прототипа, созданных фантазией романиста, то о погоне за «Эмденом» и «Кенигсбергом», более удивительной, чем все морские рассказы Купера, Марриэга и Стивенсона.

История ротмистра Б., вкратце пересказанная «Петроградским Телеграфным Агентством», уже стала общеизвестной, и нет надобности повторять ее здесь. Отрезанный со своим эскадром в 114 гусар от главных сил нашей армии и окруженный *полумиллионной* германской армией, ротмистр Б. пять недель держался в лесах, добывая своему отряду все средства к жизни, ускользая от настойчивых преследований австрийцев и нанося серьезный вред неприятелю, его обозам и артиллерийским паркам. Каждый день Б. и его сподвижникам приходилось рисковать жизнью, то сражаться с врагами, вчетверо более сильными, то пускать в ход всю человеческую изворотливость, чтобы не быть раздавленными несметными полчищами, но он выдержал это испытание и вышел из него победителем, сохранив свой маленький отряд и воссоединив его в конце концов с армией. Многие эпизоды из истории ротмистра Б., особенно в его собственном устном рассказе, производящем потрясающее впечатление своим безыскусственным драматизмом, живо напоминают характернейшие сцены разных «фантастических» романов.

Напомню, например, такой эпизод. Ротмистру Б. удается захватить в плен трех австрийских солдат с вахмистром. У них оказываются документы. В этих документах подробно излагается план поимки эскадрона Б., досаждающего австрийцам своими нападениями на их обозы. Б. сам читает, как его окружают в такой-то долине, где гусары действительно намеревались провести ночь. Тогда он ведет свой эскадрон на соседний холм. Залегшим там в густых зарослях гусарам видны «как на ладони» передвижения австрийцев. Те подвигаются медленно, осторожно; рассыпается цепь стрелков; солдаты сближаются, перебегая; суживаются круги, кольцом сжимая воображаемого врага. А гусары в это самое время следят с высоты холма за тщетной погоней и готовы смеяться, если бы серьезность положения допускала смех. Убедившись, что они окружили пустое место, австрийцы уходят с досадой, а ротмистр

Б. спешит увести эскадрон в другой лес. И все это происходит не в середине позапрошлого века, когда «белые» боролись с «красными», и не где-нибудь в Скалистых горах, а в наши дни, в районе между Меховом и Краковом!

Не менее характерны письма, которыми доводилось Б. обмениваться с австрийцами. Так, например, письмо самого Б. начиналось обращением: «Уважаемый враг!» Австрийцы, в свою очередь, говорили в своем письме, что «отдают дань уважения мужеству своих противников» и потому предлагают им сдаться, не желая истреблять их и обещая поступить с ними как с офицерами. Такое же *уважение к врагу* сказывалось в отношениях пленных, попадавших в руки гусар. Отпуская одного из пленников (так как гусарам негде было их держать), Б., раздраженный тем, что его выслеживают как дичь, сказал приблизительно следующее: «Передайте вашему командиру, что меня поймать ему не удастся, я же его, если захвачу, непременно повешу». В ответ пленник, оказавшийся приезжим из Америки итальянским графом, благодарил в самых изысканных выражениях за дарованную свободу (он ожидал, что русские его повесят) и выразил сожаление, что принял участие в войне со столь благородным противником. Какая чисто романическая сцена! И чудесное появление в польских лесах итальянского графа из Америки, и смелая угроза со стороны начальника горсти храбрецов, травимого целыми полками, и учтивости, рассыпаемые врагам освобожденным пленникам! Так и кажется, что читаешь страницу из романа, где действуют не то благородные делавары, не то куртуазные бойцы XVII века!

Есть еще одна характерная черта в истории Б. Судьба его в значительной мере зависела от отношения к нему местного населения. Если бы австрийцы имели точные сведения о движениях гусар, участь эскадрона была бы быстро решена. Но все кругом — крестьяне, лесники, помещики, — не сговариваясь между собой, честно хранили тайну. *Тысячи* людей знали, где в данное время находятся русские гусары, но австрийцам узнать это не было никакой возможности. В этом безмолвном заговоре есть также что-то рыцарское, что-то неожиданное для наших дней. Добавим, наконец, что, скитаясь по лесам, ротмистр Б. несколько раз встречал другие русские части, отрезанные, подобно его эскадрону, от главной армии. Все они вели такое же существование, как гусары, прожили целые недели полудикой, лесной жизнью. Им приходилось тщательно высматривать следы гонящихся за ними врагов, прятаться в кустах и болотах, спать в землянках и на деревьях, и зачастую эти новые «лесные бродяги» спасались от гибели только благодаря вновь развившемуся в них звериному чутью, дававшему знать о приближении неприятеля.

Менее известна, кажется, история разведчика Т., хотя и она была уже не раз пересказана. Разведчик Т., и теперь по виду чуть ли не мальчик, уже участвовал, однако, в нашей японской войне, когда ему было 14–15 лет, — также в отряде разведчиков. В свое время он отбывал по жребию воинскую повинность, но служба в войске в мирное время не удовлетворяла его. Зато, едва разразилась великая война, Т. тотчас записался добровольцем. Война — его стихия; он рожден, чтобы быть военным разведчиком. Бывают прирожденные разведчики, как бывают поэты «Божией милостью». Самые трудные, самые опасные поручения всего более соблазняют Т. Проникнуть переодетым в самый центр расположения неприятельской армии; бродить в самой толпе неприятельских солдат, все вокруг высматривая, делая вид, что он про-

бирается в родную деревню; заночевать в городе, который занят неприятелем, зная, что пойманному шпиону грозит смерть, — во всем подобном есть для Т. «неизъяснимы наслаждения»*. Несколько раз он был ранен (последний раз — недавно, и гостил в Варшаве вследствие легкой раны в руку); несколько раз — в плену; дважды был приговорен немцами, как шпион, к расстрелу и проводил свою «последнюю ночь» в ожидании смерти. Своими приключениями он сам увлекается. Если ротмистр Б. повествует об испытанном им со спокойной простотой, то юный разведчик рассказывает о своих похождениях с истинным восхищением ими, которое вовсе не есть самодовольство или самохвальство, а выражение искренней любви к своему делу. И, слушая рассказы Т., вспоминаешь даже не Купера, с его все же сдержанной интригой, а Густава Эмара, менее всех других щадившего краски для изображения опасностей, в которые попадают его персонажи.

Вот, например, один из бесчисленных эпизодов, рассказываемых Т. Он лежит связанный в палатке; на утро назначен его расстрел: вечером немцы не удосужились. Выдали Т., который был переодет польским крестьянином, его сапоги русского военного образца. Понемногу пленник убеждается, что при известном усилии может высвободить руки. Сразу воскресает надежда на спасение и вся энергия. Ценой величайшего упорства и терпения он частью перетирает, частью распутывает веревки на руках; потом развязывает себе ноги; но они затекли, и долгое время он не может стоять. Оправившись, он ползет к тому месту, где спит немецкий офицер, и бросается на него. В темноте завязывается борьба, грудь с грудью, причем необходимо не дать немцу крикнуть. Одолев противника, Т. надевает его мундир и его оружие и крадется к выходу, чтобы захватить лошадь. На беду у входа звякнула шпора. Кто-то проснулся, кричит: «*Wer da?*» («Кто там?»). Тогда Т. стремительно, не соблюдая никаких предосторожностей, кидается к лошадям, вскакивает на одну, ударом шашки рубит ноги другим. В лагере — тревога; немцы встают, бегут, но беглец уже летит во весь опор, и тщетно свистят пущенные наудачу вдогонку пули. Юному разведчику удается ускакать; бросив лошадей, он прячется в болото, а потом, опять переодевшись в крестьянскую одежду, добирается до наших аванпостов... Не правда ли, этот эпизод и пересказывать хочется стилем Густава Эмара, так напоминает он какое-то «приключение в прерии», а вовсе не действительное происшествие наших дней в польской деревушке.

Совсем неизвестно в широких кругах общества имя поручика Р. Зато сослуживцы по полку окружают его почти суеверным почитанием. По их уверениям, он обладает какой-то особенной, почти чудесной способностью видеть и ориентироваться в темноте. Когда бывает нужно ночью выбить немцев из их окопов, такое поручение всегда берет на себя Р. Солдаты верят в него слепо и идут за ним без колебания. Если Р. говорит: там-то 40 или 50 человек, это всегда оказывается правдой, хотя никто таких сведений сообщить ему не мог. «В роще налево поставлен секрет», — заявляет Р., всматриваясь в тьму, в которой обыкновенный глаз не различает даже силуэта

* Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

Пушкин

самой роши; действительно оказывается роша и в ней — немецкий «секрет», состоящий ровно из того числа солдат, какое «предсказал» или «угадал» Р. С небольшим отрядом охотников Р. в непроглядном мраке добирается до неприятеля, иногда вчетверо более сильного, смущает немцев неожиданностью нападения, колет, рубит и в конце концов всегда захватывает их позицию. Можно еще добавить, что поручик Р. ни в одной из многочисленных схваток, в которых он участвовал, не был ранен... Если даже допустить невольные преувеличения в рассказах о нем его сослуживцев, все же самый факт останется чрезвычайно характерным. Как известно, способностью видеть в темноте обладают иногда дикари или вообще люди, живущие в пустыне, в лесу, среди опасностей. Какой-то чудесный атавизм возродил эту способность в наше время в человеке прекрасно образованном, в лучшем смысле слова воспитанном, но поставленном в те же условия жизни.

Сходные примеры можно было бы приводить без конца. Рассказы участников войны на всех фронтах — и те, которые удастся слышать самому, и те, которые читаешь в газетах, — переполнены этими примерами неустрашимой храбрости, дивной удачи, невероятных опасностей и чудесной изворотливости. Вот рассказ одного офицера (слышанный мною лично) об его побеге из плена, совершившемся при обстоятельствах не менее трудных, чем знаменитый побег Бенвенуто Челлини из замка св. Ангела (пришлось прорезать крышу здания, где пленные были заперты, по веревке, вися на руках, перебраться на крышу соседнего дома и т. д.). Вот рассказ о трех казаках, которые одни в маленькой деревушке (дело было в Галиции), заняв узкий тупик, отбивались от натиска целого эскадрона австрийцев, желавших взять храбрецов живыми, — словно Ролан с Оливье в Ронсевальском ущелье от полчищ мавров. Вот целый ряд рассказов о лошадях, которые были истинными товарищами своим хозяевам и благодаря своему чутью спасали их, унося их, тяжелораненых, из самого разгара боя, прямо к месту стоянки походного госпиталя. Подобные же рассказы доходят до нас с западного театра войны. Мы знаем историю «пяти мушкетеров», пяти неразлучных друзей, служивших в одном французском полку и бравших на себя все самые опасные поручения. В одном из таких подвигов, смелом до безрассудности (надо было определить местоположение и силы неприятельской батареи, добраться до которой было возможно, лишь пройдя под «штормом шрапнели» обширный, совершенно открытый склон), четверо из пяти, самоотверженно помогая друг другу, и погибли. Французские газеты рассказывали о смельчаках, которые, переодетые, пробирались в разоренную и занятую врагами Бельгию, посещали ее разрушенные города, осматривали немецкие позиции, изучали неприятельские силы, каждый день, каждый час рискуя жизнью. Наконец, дошедшие до нас сведения о скитаниях по океанам «Эмдена» и «Кенигсберга», о выслеживании их и их гибели также полны захватывающего драматизма. Немцы могут гордиться изворотливостью своих крейсеров и дерзкой отвагой их команд, как союзники — своим упорством в преследовании и конечным торжеством.

Еще не настало время делать какие-либо выводы из событий той величественной эпопеи, которая развивается перед нашими глазами. Но ряд следующих поколений будет с величайшим изумлением изучать факты, которых мы были свидетелями или по крайней мере современниками. Постепенно «великая европейская война» ста-

нет столь же легендарной, как осада Трои, подвиги Карла Великого или Крестовые походы. События такого размера все относятся как бы к одной и той же эпохе, потому что во всех них человек является с одними и теми же свойствами своей души. И несколько столетий культурной жизни стаивают легко и быстро, и в душах людей быстро пробуждаются способности и инстинкты, приобретенные тысячами столетий, если не миллионами лет, его первобытной жизни в лесах, среди диких зверей и наравне с ними. Разумеется, эти способности и инстинкты с прекращением войны столь же быстро угаснут; люди торопливо вернутся к обычной жизни «цивилизованного человечества», и недавнее прошлое будет им казаться странным сном, мучительным кошмаром. Но тем поразительнее это оживание давних эпох в душе современного человека.

Особенный оттенок этим атавистическим переживаниям современных людей придает то, что они проявляются в обстановке, созданной напряженнейшими усилиями современной техники XX века. Человек вновь учится ползать, выслеживая врага как какой-нибудь команч, вновь рубится в рукопашной схватке, как средневековый рыцарь, вновь видит свое спасение только в личном мужестве и в личной ловкости, как в эпоху «кулачного права», а кругом трещат скорострельные орудия, проносятся, сея смерть, блиндированные автомобили, парят в высоте, грозя разрушительными бомбами, аэропланы и цеппелины, далеко через пустой воздух бросает свои сообщения беспроволочный телеграф. Если вдуматься в это сочетание почти первобытных переживаний и ультрасовременной обстановки, — великая война наших дней поистине представится самым фантастичным изо всего, что когда-либо ведало человечество.

Варшава, 6 ноября

В тылу боя (Поездка в Лович)

Дали подернуты беловато-серым морозным туманом. Оснеженные леса выступают на этом фоне как серебряные. Изрытые поля покрыты белой изморозью, словно легким пухом. Неяркое солнце за тучей похоже на месяц. Ветра почти нет; все неподвижно. Есть какая-то призрачность в этом белом, зимнем дне.

А где-то близко, впереди, глухими раскатами громяют пушки. Потом их гулы сменяются дробным треском пулеметов. Туманную завесу дали прорезывают, как белые стрелы, огненные вспышки: это — выстрелы орудий. Вспыхнут, на миг осветят далекие окопы и батареи, и черные точки людей перед ними, — и тотчас все опять — в сероватом тумане, чтобы через мгновение озариться опять. Но это — не тютчевские «демоны глухонемые ведут беседу меж собой»: эти демоны переговариваются гулом пушек и пулеметов.

Чу, отдаленный крик: «ура!» Как стройно он разносится в чистом морозном воздухе! Это наши пошли в атаку штыками выбивать неприятеля из его позиций. При новой вспышке белой стрелы видно, как бегут по снегу черные точки. И в этом «ура» наших солдат нет ничего дикого, ничего зверского: это — бодрый, радостный крик, невольно вырвавшийся из тысячи грудей, заставляющий отважнее биться тысячи сердец.

Мы стоим у старых окопов, откуда враги уже выбиты предыдущей атакой. Окопы — немецкие и, как всегда у немцев, сделаны с изумительной тщательностью. Говорят, у немцев есть особые машины для рытья траншей. Иначе трудно объяснить, почему их линии так ровны, стенки так гладки и вся работа производит впечатление сделанной напоказ. Два ряда глубоких канав, пересекаясь под тупым углом, тянутся через все поле, до самого горизонта. В таких окопах можно было держаться упорно, долго, почти как в крепости; но вот — они пусты, немцы из них выбиты и отошли отсюда версты за четыре к северу.

Окопы пусты; но около них, там и здесь, навзничь, ничком, на боку, раскинув руки или прижав их к груди, с лицами то искаженными мукой, то странно-спокойными, лежат тела немецких солдат. Большинство из них — в своих темных мундирах; другие — полураздеты: с них сняты сапоги и куртки; некоторые — в русских шинелях, надетых, очевидно, чтобы защититься от холода. Есть среди убитых юноши, почти мальчики, с кроткими личиками, с едва пробивавшимися усиками; есть люди пожилые, серьезные, лет за 40, давно, вероятно, устроившие свою жизнь прочно, никогда не думавшие, что им суждено ее закончить в чужой России, на снежном зимнем поле; почти совсем нет солдат «призывного» возраста, между 20-ю и 30-ю годами. Школьники и ландштурмисты — вот кого выставляет теперь против нас Германия. Мы медленно идем вдоль окопов, всматриваясь в распростертые тела. К нам подходит группа наших солдат, участников того боя, которым этот окоп был взят. Они теперь — в резерве, отдыхают, тогда как их товарищи из других полков «подымают» немцев в следующих занятых ими позициях. Обмен двумя-тремя вопросами, раскрытые нами коробки папирос — драгоценное лакомство на передовых позициях, — и между нами и солдатами устанавливается почти дружба. Здесь, поблизости от «линии огня», все встречные невольно чувствуют себя близкими друг другу, братьями, как сыновья единой матери-родины. Здесь, где есть подлинные «враги», немцы, все русские — друзья между собой.

Солдаты рассказывают нам подробности боя. Он был ожесточенным. Немцы во что бы то ни стало хотели взять Лович. Несмотря на то, что нами были заняты превосходные позиции; несмотря на то, что мы засыпали немцев шрапнелью и пулеметным огнем, они держались почти три дня, постоянно переходя в наступление. Целый ряд наших атак не достигал цели. Только получив, наконец, новые подкрепления и грозя обойти левое крыло немцев, мы заставили их отказаться от Ловича. Они отошли на другие позиции, которые заготовили себе заранее, и там продолжают свое сопротивление, впрочем уже обреченное на неудачу. «Ура» наших войск предвещает, что немцам придется уходить дальше.

Как известно, бой у Ловича был одним из важных эпизодов большой операции, к которой принудило немцев искусство нашей стратегии. Значительная часть германской армии, наступавшей на Лодзь, была отрезана от главных сил. Немцы делали отчаянные усилия воссоединить разорванные части. Войска, подошедшие с севера, надеялись пробиться к отрезанным корпусам, заняв Лович. Попытка эта немцам не удалась; после трехдневного боя, результаты которого были перед нашими глазами, северная армия должна была отступить и предоставить отрезанные части их собственным силам.

...Солдаты идут с нами вдоль окопа, серьезно и сосредоточенно всматриваясь в лица убитых. Давно известно, что на войне к облику смерти привыкают. Его видят так часто, что смерть перестает казаться чем-то страшным. В повседневной жизни одного покойника провожают десятки или даже сотни живых — близких, родственников, знакомых: там умерший — явление исключительное, и кажется, что смерть приходит редко. На войне, в походе, убитых приходится видеть каждый день, и люди осваиваются с мыслью, что смерть — обычное событие в ряду других событий нашей жизни. Вид убитых немцев не вызывает в наших солдатах никаких мрачных предчувствий, только приводит на память различные моменты недавнего боя.

— Сотнями немцы валились, — рассказывает степенный солдат с черной бородой, — а уйти не хотели. Только это они храбрость показывали спяну. Которые попадались в плен, все оказались пьянешеньки...

Мы и прежде слышали об этом. Дух германской армии поддерживается теперь исключительно вином. Немцы идут теперь в бой в том состоянии, когда «пьяному море по колено». Только этим объясняется их упорство.

— А вот как этого убили, я сам видел, — вспоминает молодой безусый солдатик. — Хотел, сердечный, перебежать к ближнему окопу; вдруг замахал руками, завертелся и повалился. Видно, в голову ему попали: тогда человек завсегда кружится.

Подходим к убитому. Тоже почти мальчик; губы приоткрыты, как будто радостно улыбается. Рассматривая ближе, находим на его груди письмо. Убитый сам написал его, очевидно, в день боя и не успел отправить. В письме — коротенькой «открытке» с видом какого-то польского городка — убитый сообщает своему другу, Карлу, что жив, здоров и желает ему «того же самого». Бедняга, он не подозревал, какой злоежущий смысл получит его пожелание «того же самого».

Вообще, почти у каждого из убитых есть письма, недавно полученные или приготовленные к отправке. Санитары, уже убравшие «начерно» поле битвы, похоронившие наших, унесшие винтовки, тесаки, лопаты, все более ценные вещи, побросали эти письма, как ненужный хлам. Запачканные грязью, а иногда сплошь залитые кровью, они гниют теперь под снегом и изморосью. Мы подбираем эти грязные клочки бумаги: когда-нибудь будет интересно и поучительно разобрать эти «письма врагов и к врагам».

Кроме писем поле засыпано обычным «сором сражения». Здесь груды расстрелянных патронов, уже сметенных в золотистые кучи, обломки шрапнельных стаканов, поломанные прусские каски, изорванные ранцы и шапочки, картонные с зарядами, разные книжонки, среди которых много немецких военных песенников... Люди до последней минуты думают, что у них есть что-то «свое», берегут это; приходит смерть, и тысячи вещей становятся «ничьи»...

Сзади нас — разрушенная, сожженная деревня. Под немолкнувший треск пулеметов идем ее осматривать. Первое время деревню занимали немцы. Нашим войскам пришлось взять ее с боя; дома от снарядов загорелись, и теперь не осталось здесь ни одного строения. Среди обгорелых деревьев — скудные следы деревянных срубов и полуразвалившиеся печи, более ничего. Такого полного разрушения целого поселка мне еще не доводилось видеть на этой войне. Не уцелело ни одной крыши, ни одной стены; жители всей деревни стали в точном смысле слова бездомными.

— Здесь у немцев лазарет был, — тихо и угрюмо заявляет степенный солдат.

Сделав несколько шагов, мы понимаем, почему он говорил так тихо и так угрюмо. Среди шести каменных устоев на фундаменте, на который опиралось какое-то сравнительно большое строение, может быть, сельская школа или почтовое отделение, видны изогнувшиеся в огне прутья кроватей, обгорелые клочья материи, вероятно, шинелей и одеял, и опять гряда трупов.

Опустив голову, отвернувшись, мы проходим мимо. Нет, у нас нет сил всматриваться в это зрелище! Воображение отказывается представить, что совершилось за этими обрушившимися стенами.

Темнеет. Уже зима, и теперь сумерки наступают рано. Мы возвращаемся на шоссе, к нашему автомобилю. Навстречу нам идут раненые, те, которые могут сами дойти до города, до перевязочного пункта. Большинство ранено в левую руку, которая во время боя в окопах остается единственной открытой мишенью для неприятеля. Обмотав себе кисть розовой марлей, сквозь которую быстро просачивается кровь, солдаты спокойно идут на перевязку.

На войне привыкают и к ранам. Если в частной жизни кто-нибудь разобьет себе палец, это покажется серьезным событием. В сражении раздробленная кисть руки, оторванные пальцы считаются пустяком, хотя такая рана нередко ведет за собой смерть от заражения крови. Но столько бывает ран тяжелых, страшных, что на поврежденную руку никто не смотрит. Раненые останавливаются у нашего автомобиля, просят покурить, рассказывают о ходе «дела».

— Где им (т. е. немцам)! — говорят они. — Против наших не устоять. Уже уходят. Только, дьяволы, они себе сзади новые позиции заготовили.

Предусмотрительность немцев, всегда заготавливающих себе позиции на случай отступления, кажется нашим солдатам чем-то «дьявольским».

Неспешно, ровным шагом проходит мимо нас свежий полк. У солдат лица серьезные, строгие: они идут в бой. Полк сворачивает с шоссе направо, на проселочную дорогу. Это — обходное движение, имеющее целью обойти левое крыло немцев. Если движение удастся (потом мы узнали, что оно удалось), немцы должны будут окончательно отойти к северу.

Становится почти совсем темно. Стоит белый месяц, похожий на зимнее солнце, только еще не полный. Вспышки огней на горизонте принимают розоватый оттенок: это — шрапнели, летучие ружья, сами стреляющие в воздухе, засыпая неприятеля дождем пуль. Какой, должно быть, ад там, в четырех верстах перед нами! А здесь, прислонясь к забору, уцелевшему чудом, солдаты беспечно курят, смеются, обмениваясь замечаниями, в ожидании, когда и их поведут в бой. Словно артисты за кулисами, ожидающие выхода. И все здесь напоминает кулисы какой-то великой, грандиозной сцены.

В вечернем сумраке гул орудий не молкнет. Ни темнота, ни холод не останавливают боя. Но нам пора ехать.

— До свидания, братцы!

— Прощайте, ваше благородие. Спасибо за папиросу.

Солдаты искренно признательны нам за скромный дар. Но, как всегда бывает, стыдно слышать на передовых позициях благодарность от людей, которым, быть

может, в тот же день предстоит отдать свою жизнь за нас. Мы не находим, что сказать в ответ...

Автомобиль быстро катит по опустелому шоссе, уже знакомой дорогой к Варшаве. Промелькнул Лович. Во многих домах стекла разбиты от сотрясения воздуха во время артиллерийского боя. Тянутся поля. Привыкший глаз различает старые окопы, около которых в октябре тоже шли ожесточенные бои. Промелькнул Сохачев с живописной руиной старинной крепости на высоком обрывистом холме. Лунный свет играет на тихой зыби Бзуры. Мелькают разрушенные строения; громадные стволы срубленных, поваленных деревьев, недавно еще обрамлявших дорогу; низкие, вновь наведенные взамен сожженных мосты. Вот Блони — селение, где происходило серьезное сражение при наступлении немцев на Варшаву: оно теперь мирно спит, везде темно. Вот лесок, где произошло убийство, в котором был обвинен барон Биспинг: когда-то это казалось важным событием и волновало общественное мнение. Вот, под самой Варшавой, опять окопы и редуты с проволочными заграждениями. И сюда докатывались волны германского нашествия.

Теперь немцы от Варшавы далеко. Бои под Лодзью — их последняя ставка. Нельзя сомневаться, что она тоже будет бита, и скоро ни одного неприятельского солдата, кроме пленных, не останется в пределах нашей Польши.

Варшава, 15-го ноября

«Во что бы то ни стало»

— Через две недели вернемся!

Так говорили офицеры германского штаба, покидая Лодзь в середине октября.

Лодзинцы не возражали — не до возражений было тогда. Но, в сущности, угроза немцев их мало тревожила: они не верили в возвращение германской армии. Проведя двадцать дней в невольном постоянном общении с ней, лодзинцы знали, в каком состоянии деморализации она находится. Беспощадная дисциплина могла поддерживать внешний порядок в немецких войсках, когда они выступали из города. Немцы увозили с собой всю артиллерию, обозы, награбленное добро, оставляли арьергарды, чтобы сдерживать натиск русских авангардов. Но, едва выйдя из сферы, где их могли наблюдать посторонние глаза, немцы тотчас обнаружили, что боевой дух ими утрачен.

Известно, какими плачевными для немцев чертами отмечены первые дни их отступления от Вислы. Когда главные германские силы вышли из Лодзи, в разных местах города стали показываться одиночные солдаты: они уверяли, что проспали выступление своего полка, на деле же просто спрятались, чтобы ценой плена избавиться от нового похода. Другие отбивались от своих частей, во время самого отступления скрывались в лесу, а потом шли в ближайшую деревню и просили выдать их русским. Третьи ехали на трамвае навстречу приближающимся казакам, чтобы сдаться поскорее. Арьергарды весьма неохотно вступали в бой и, не выполнив своего назначения, спешили отойти к главной армии. Значительная часть награбленного была немцами брошена по дороге. Они бросали даже пушки, замедлявшие их движение: зарывали их в землю и ставили над ними крест, как на братской могиле. Наши солдаты не раз открывали в лесу эти своеобразные клады.

И все же немцы, хотя и не день в день, свое обещание сдержали: они вернулись. Германский главный штаб объявил, что после «необходимого перестроения» армии ее операции в Польше «продолжаются». А император Вильгельм дал командиру восточной армии генералу Гинденбургу приказ добиться решительной победы *во что бы то ни стало*. Откровенный неуспех в Польше грозил немцам самыми тяжелыми последствиями. Прежде всего он давал нам возможность сосредоточить наши основные силы на главном, силезском, фронте. Но главное — неуспех наступления на Вислу должен был произвести удручающее впечатление на всех явных и тайных союзников Германии. Поэтому немцами были приложены все усилия, чтобы сохранить хотя бы вид, будто «операции в Польше продолжаются».

В настоящее время достаточно выяснились и план немецкого наступления, и способы его осуществления. Разбитая в боях под Варшавой армия была пополнена и усилена гарнизонами крепостей и новыми корпусами, переброшенными на восток с западного фронта. Опираясь на линию Торн—Калиш—Ченстохов, немцы двинулись к Висле, имея как бы центром движения Лодзь. Задержанная у Лодзи, германская армия «обтекла» ее кругом и докатилась через Стрыков, Брезин, Колюшки до Нового Мяста. Наступление было так стремительно, что наши передовые части, более слабые, чем противник, принуждены были податься на восток. Лодзь могла сообщаться с Варшавой лишь по южным дорогам, на Петроков и Радом. Армия генерала фон Макензена зашла в тыл нашей армии, стоявшей между Варшавой и Лодзью.

На этом, однако, успехи немцев и кончились. Наша стратегия с исключительным мастерством вышла из трудного испытания. Продолжая прикрывать Лодзь, наши войска рядом последовательных атак восстановили связь между своими разорванными частями. Прорвавшиеся корпуса немцев (в том числе гвардейский корпус) оказались отрезанными от главных сил и от своей базы, без подвоза как провианта, так и снарядов. Тогда начались отчаянные усилия немцев воссоединить свои армии. Отрезанные корпуса старались пробиться назад или к северной армии; северная армия, подошедшая от Плоцка, старалась пробиться к отрезанным частям. Наша армия, находясь между двумя германскими, медленно, но упорно теснила их, все увеличивая расстояние между ними...

Последние известия, приходящие, когда пишутся эти строки, говорят об *«упорных боях»* в районе Стрыкова и Згержа, причем нами захвачены орудия, пулеметы и несколько сот пленных (17-го ноября), и в ловическом направлении (18-го ноября). Продвинувшись за Лович, наши войска заняли Плоцк, причем нами захвачено четыре баржи, груженные снарядами и амуницией (17-го ноября). Сражение еще продолжается, но, по всему судя, успех клонится на нашу сторону. Несмотря на готовность добиваться решительной победы *«во что бы то ни стало»*, любой ценой, немцы, по-видимому, должны будут от своей мечты отказаться.

* * *

Но откуда почерпнула Германия силы, чтобы возобновить свое наступление на Вислу? Где нашла людей, чтобы вновь выставить против нас миллионную армию? Чем воодушевила деморализованные войска, чтобы вновь заставить их выносить трудности зимнего похода и вести *«упорные»* бои?

Поля сражений, где лежат еще не погребенные тела убитых, партии пленных немцев, ежедневно прибывающие в Варшаву, свидетельства наших офицеров и солдат дают полное разрешение первого вопроса. Никакого чуда не свершилось. Силы Германии как были, так и остались исчерпанными. Чтобы вновь довести свою армию до огромного количества штыков, она должна была привлечь в нее кадры лиц, боеспособность которых весьма сомнительна: молодежь школьного возраста, плохо обученную, не справляющуюся со страшными тяготами современной войны, и ландштурмистов, людей пожилых, поседевших за плугом, за прилавком или за бюро, тоже мало пригодных для военных действий вне родной страны, требующих много времени и великого напряжения.

— Жалко смотреть: все — мальчишки, — говорят наши офицеры о составе германской армии.

— Прямо ребят набрали, — подтверждают солдаты.

В партиях пленных (недавно их прибыло в Варшаву 1000 человек, а затем 2000) всегда чуть не $\frac{3}{5}$ больше половины, — юноши, которым следовало бы еще читать Софокла и Тита Ливия, а не подставлять свою грудь под русские пули ради осуществления планов кайзера. Бледные, исхудалые, измученные непосильным трудом, проходят эти гимназисты, переодетые в солдатские мундиры, по улицам враждебной им Варшавы, но как-то не вяжется с ними название «враги». Какие это враги, когда хочется сказать им: «Ну, пошалили и будет! Ступайте опять играть в лаун-теннис!»

Вместе с мальчиками маршируют в партиях пленных пожилые люди, лет под 40 и за 40, — ландштурмисты. У них вид угрюмый; видно, что они полны заботами о своей семье, оставшейся где-то в Германии, о жене и детях. К войне ландштурмисты относятся сознательно: отравленные выкриками шовинистической прессы, они считают зачинщицей и виновницей гибельной войны Россию, ненавидят ее, русских и все русское. Но, как говорят, большинство сдающихся в плен добровольно состоит именно из ландштурмистов.

На полях битв, где лежат тела немецких солдат, соотношение то же: большинство — безусая молодежь, остальные — степенные, немолодые бюргеры и фермеры; людей в расцвете сил очень мало. Нельзя, конечно, думать, что два поколения немцев уже убиты в боях. Но, по-видимому, первый период войны все же вывел у немцев из строя массу лучших солдат. Затем значительное количество регулярных войск оставлено немцами на западном фронте, на котором особенно сосредоточено внимание Европы. Пополнять восточную армию им пришлось свежими призывными 1915 года, добровольцами, ландштурмом и ландвером.

А между тем, несмотря на такой состав армии, немцы проявляют в последних сражениях действительно отчаянное «упорство». Так, например, в бою под Кутно немцы шли сомкнутыми колоннами прямо на огонь нашей артиллерии. Пулеметные вихри сметали наступающих тысячами, но они продолжали идти вперед и дошли, грудь на грудь, до наших позиций.

— Валили как саранча, — картинно определил один офицер. В боях под Колюшками, Брезиной, Ловичем немецкие окопы были завалены телами убитых доверху, но немцы оставались на своих позициях. Несколько раз в тех же боях немцы принимали рукопашную схватку. Однажды они даже не успели надеть на винтовки

свои штыки-кинжалы и все же грудью стали против русских, дрались прикладами и ружейными дулами.

Тайна этой слепой храбрости тоже вскрывается: немцы идут в бой пьяными. Все участники боев, с которыми приходится беседовать, подтверждают это наблюдение. Немцы так напиваются перед сражением, что почти не сознают своих поступков. Они стреляют наудачу, кричат пьяные песни и идут напролом, как бы ничего не видя перед собой. Иные солдаты-пруссаки, взятые в плен, тут же валились на землю и засыпали хмельным сном. На днях целый ряд пленных немцев, взятых под Лодзью, оказался в состоянии почти столбняка: выяснилось, что перед боем их опоили водкой с сильной примесью эфира.

Пьяными оказываются немцы и вне боя. Во всех городах, которые занимают немцы, они прежде всего опустошают винные склады, в усадьбах громят погреба и тут же выпивают все их содержимое. В домах, где жили немцы, комнаты бывают завалены пустыми бутылками. В Лович недавно прикатил немецкий мотоциклист и, остановившись на городской площади, с бранью и криком потребовал, чтобы ему указали, где находится штаб германской армии. Оказалось, что мотоциклист заехал спьяна не в тот город; Лович был в наших руках, и пьяного курьера тут же забрали в плен. В Конине немецкий врач, изрядно выпивший накануне, явился утром заспанным в лазарет и только тогда узнал, что город вновь занят русскими... Таких рассказов, похожих на анекдоты, приходится слышать множество.

После всего этого можно не удивляться, что иным нашим отрядам удаются прямо легендарные предприятия. Беззаветной отваге наших солдат помогает хмельное отупление противника. Становится понятным, что 128 человек наших кавалеристов разбивают 1 1/2 эскадрона конницы и 3 1/2 батальона пехоты немцев (дело под К.); что несколько наших гусаров, проскакав за границу Пруссии, захватывают в немецком городке почтовую кассу, прежде чем стоящие там немецкие отряды успевают сообразить, в чем дело (подвиг прапорщика А-и С*** полка), и т. п. Немцы продолжают быть сильны своей численностью, вернее — возможностью сосредоточивать в одном пункте огромные массы войск, и прекрасным техническим оборудованием своей армии. Но боевые качества немецкого солдата падают на наших глазах. Немецкая армия, частью деморализованная предыдущими поражениями, частью раздраженная постоянной ложью со стороны своего начальства, пополненная элементами, малопригодными для трудной кампании, постоянно обманываемая и усердно опаиваемая, перестает быть тем страшным противником, каким была в начале войны.

Командиры германских армий точно исполняют приказ императора и добиваются решительной победы «во что бы то ни стало». Можно, однако, сказать с уверенностью, что лодзинское сражение останется последней попыткой в этом направлении. Немцам больше неоткуда будет взять подкреплений и нечем будет поднять дух своих войск. На полях под Лодзью решается участь всей германской кампании против России.

Варшава, 18-го ноября

Ночь в мертвом городе

Был вечер и быстро темнело, когда мы въехали в Брезины, городок неподалеку от Лодзи. В автомобиле нас было четверо: мой постоянный товарищ в поездках Ф., поэт А.М.Ф., журналист С. и я. Мы были достаточно утомлены, так как двое суток почти не выходили из автомобиля, объезжая «театр военных действий». Все четверо мы одинаково мечтали о каком-нибудь приюте на ночь, где можно было бы найти постели и чай, без особой уверенности, что наши мечты исполнимы. Завидев на первом углу праздного стоящего солдата, мы обратились к нему с расспросами: нет ли в городе гостиницы?

— Гостиница? — переспросил солдат, — а зачем вам гостиница? Входите в любой дом. Если квартира отперта и никого в ней нет, так и занимайте ее. Здесь все так делают.

Конечно, «что город, то норов», но последовать совету солдата мы не решились. Наш автомобиль опять запрыгал по испорченной мостовой в поисках отеля. Против ожидания, Брезины оказались довольно большим городом. Улицы были в ряд обставлены многоэтажными каменными домами. Встречались здания затейливой архитектуры; вдаль был виден старинный, большой костел. Но ужасающая безжизненность царил кругом. Магазины были глухо заперты, и их окна закрыты щитами или забиты досками. Нигде в домах не было заметно никакого признака жизни. Невосвещенные окна без занавесок говорили, что квартира пуста. Кое-где на входных дверях висел тяжелый замок, но чувствовалось, что и другие двери, без замков, не открываются. На базарной площади, около заколоченного круглого здания рынка, как-то растерянно толпились две-три группы евреев. Под одними воротами дряхлый старик продавал на лотке какие-то блины. Потом, там и сям, шли солдаты, и больше на улицах не было никого... Право, завоеванный нами галицийский Ярослав представлял картину меньшего безлюдия, чем эти освобожденные нами Брезины.

Мы обошли ряд домов и стучались у многих дверей. Часто на этих дверях можно было прочесть еще не стертые, сделанные мелом немецкие надписи: «Reserv», «III Divis.» «128 Regim.» и т. п. Нигде на наш стук никто не откликнулся. Становилось почти жутко: словно мы — в каком-то мертвом городе, в средневековой Флоренции, опустошенной чумой. Неужели эти сотни домов все пусты и никто не живет в них?

Наконец, мы остановились перед дверью, за которой, по всем указаниям, должен был помещаться «Отель Польский». Ни у подъезда, ни на двери не было никакой вывески. Мы опять стали стучаться, и на этот раз дверь открылась. К нам вышла милостивая девушка-полька, одетая просто, как служанка, и, выслушав нас, решительно заявила, что никакого отеля здесь нет. Из ее слов выходило, что здесь — частная квартира.

— Три пана здесь мешкают (живут), — говорила она.

В полном унынии мы уже готовы были удалиться. Вдруг кто-то из нас догадался, в чем дело, и, вернувшись, начал объяснять девушке, что мы не намерены занимать помещение даром, что мы за комнаты заплатим, как добрые постояльцы. Девушка изумилась. Приезжие — в Брезинах, в этом городе, из которого все бегут! «Гости», которые будут платить за занятые номера деньги, как в прежние времена! Это было так необычно! Поколебавшись немного, она растворила дверь ипустила нас в «отель».

«Отель» оказался скверной провинциальной гостиницей, но все же в «номерах» были и столы, и кровати, и умывальники, даже полужасохшие цветы в поломанных корзинах. Только холод стоял в этих комнатах жестокий; топлены они были в последний раз, вероятно, недели три тому назад, и вряд ли в них было больше 5–6 градусов тепла: во всяком случае, в «отеле» казалось много холоднее, чем на улице. Не было ни свеч, ни воды. После наших долгих настояний девушка согласилась достать нам три свечи, по 20 коп. за штуку, и налить воды в умывальники. Затем выяснилось, что еще мы можем получить кипятку в чайнике, и ничего больше.

Но больше ничего нам и не оставалось желать! У нас была с собою кое-какая провизия, шоколад, яблоки. В чайнике мы заварили чай, который подавала нам та же милостивая служанка, которая, за отсутствием владельцев (они бежали в Варшаву), была и полной хозяйкой в «отеле». В перспективе были у нас хотя и холодные, но все же «настоящие» постели, с подушкой, простыней, одеялом. Не всегда любопытствующие наблюдатели, объезжающие «театр военных действий», получают все это на ночь, и мы чувствовали себя хорошо и весело. Ф. занялся рассматриванием карты, выясняя наш дальнейший путь, С. записывал на блокноте впечатления минувшего дня, а мы с А.М.Ф., вспомнив дни юности, обменивались шутивными сонетами-экспромтами...

Но, как будто затем, чтобы напомнить нам, где мы, за окнами все громче и явственнее стали раскатываться глухие и мерные гулы орудийной пальбы. Тяжелые звуки, словно отдаленный гром, потрясали воздух. Было явно, что где-то поблизости от города завязывался артиллерийский бой. Мы выбежали на улицу. Над крышами домов так же мерно небо озарялось розоватыми вспышками, словно от отдаленных молний. Просияет зарница, потом прогремит раскат выстрела; минуту — все тихо, и опять то же самое... Это наши батареи обстреливали немцев, шедших в ночную атаку на наши позиции. Нам невольно представились сырые и грязные окопы, где теперь солдаты, не раздевавшиеся по две, по три недели, но мечтавшие «соснуть» несколько часов, завернувшись в шинель, на голой земле, должны бодрствовать всю ночь, отстреливаться, отбивать, может быть, штыками натиск упорного врага. Нам представились те груды мертвых тел, которые столько раз приходилось нам видеть на краях окопов; раненые, ползущие к перевязочному пункту; врачи, опять изнемогающие от непосильной работы... И, когда мы вернулись в свои комнаты, на которые только что так радовались, у нас уже пропала охота шутить и обмениваться экспромтами; нам почти стыдно было приготовленных для нас постелей, с бельем сомнительной свежести...

Вскоре мы могли наглядно убедиться и да других примерах, что Брезины — далеко не место веселья.

Мне понадобилось немного йоду. Аптеки в городе были закрыты, так как немцы «реквизировали» в них все медикаменты, но наша бойкая горничная-хозяйка, знавшая Брезины «как свои пять пальцев», посоветовала мне обратиться в соседнюю квартиру, занятую г. К., капельмейстером местного оркестра. Г-же К. оставил весь свой товар владелец аптекарского магазина, сам бежавший в Варшаву, и только у нее во всем городе можно получать лекарства (кстати сказать, такая торговля в частных квартирах — характерное явление в опустошенных городах; в Брезинах мы прио-

бтели потом дюжину носовых платков также в частной квартире, где сохранялся остаток товара от разграбленного немцами мануфактурного магазина). Я последовал разумному совету и постучался у дверей К. Так состоялось наше знакомство с ними, и оно позволило нам заглянуть в интимную жизнь обывателей города, воочию представить себе, что они переживали за три страшных месяца.

Обстановка в квартире К. обличала, что здесь живут люди интеллигентные. На стенах висели хорошие гравюры и литографии. На этажерке и на столах было раскидано много книг; среди них я заметил сочинения любимых мною авторов: Реми де Гурмона, Пьера Луиса, Захер Мазоха, Ведекинда и др. Меня К. встретили не столько как покупателя, сколько как желанного гостя, усадили за стол, предложили чаю... В течение многих недель они не видели никого, кроме измученных и запуганных обывателей своего городка да офицеров «действующей армии», столь же отрезанных от остального мира, как они сами. Вид человека, приехавшего прямо из Варшавы, привезшего с собой «новые» (вышедшие пять дней тому назад!) номера столичных газет, казался К. столь же необычным, как служанке нашего отеля — гость, готовый платить за занятую комнату! И, конечно, К. трудно было преодолеть желание с таким человеком поговорить, расспросить его, что делается «на свете», а главное, высказать ему, что они здесь выстрадали. Через несколько минут мы уже беседовали как давние знакомые, и г-жа К., буквально со слезами, ломая руки, спрашивала меня:

— Боже мой! Когда же это все кончится?

Надо представить себе ту жуткую обособленность, в какой оказываются города, как Брезины, непрерывно находящиеся в сфере военных действий и переходящие из рук в руки (Брезины были занимаемы немцами *двадцать* раз). Всякая связь с большими центрами обрывается; газет жители не видят по целым неделям и о том, что происходит в действительности, не имеют никакого понятия; зато возникают и циркулируют нелепые слухи, один безнадежнее другого. То под городом, то в самом городе постоянно идут бои; снаряды перелетают через дома, шрапнели лопаются над крышами, пули свистят на улицах; надо прятаться в погреба и там «отсиживаться» по целым суткам, в темноте, в духоте. Элементарнейшие удобства культурной жизни отсутствуют; недостает хлеба, нечем освещать дома и отапливать их; папиросы или яблоки становятся предметами роскоши. А в дни, когда город бывает в руках неприятеля, приходится еще сносить сознание своей полной беспомощности перед наглостью немцев, без протеста смотреть на совершаемые ими гнусности (много их было свершено немцами в Брезинах!), терпеть унижения, отдавать свои вещи первому встречному офицеру, который их требует под видом реквизиции или добровольного подарка! Что же удивительного, что человеческие нервы не выдержали такого напряжения, длившегося месяцами, и что г-жа К. плакала предо мной, совершенно ей посторонним человеком!

— Мне иногда кажется, — говорила мне она, — что прежней, обычной жизни не осталось нигде больше, так я от нее отвыкла. Неужели, в самом деле, есть города, где люди не дрожат ежедневно за свое существование не должны дни и ночи проводить в погребах, могут не ожидать каждую минуту, что вот — войдет немец и заберет из ваших столов и комодов все, что ему понравится! Неужели все еще есть счастливицы, которые каждый день получают газету, имеют вволю хлеба и свеч, не

слышат 24 часа в сутки пальбы, от которой гложешь, и могут когда угодно уехать из города! Мне теперь это все кажется сказкой!

Да, надо пережить то, что испытали жители Брезин, чтобы понять, как можно обрадоваться «свежему» человеку!

Когда я возвратился к товарищам, со мной вместе пришел и г. К., который не мог преодолеть желаний — поговорить со всеми, приехавшими «из мира живых». Одновременно пришел к нам в отель и местный фотограф, г. Р., так как мы обмолвились (в разговоре со служанкой), что желали бы видеть фотографии, снятые им с немецких солдат. Потом пришло, под какими-то предлогами, еще несколько человек, так что наши нетопленые комнаты обратились как бы в маленький клуб. Каждому хотелось повидать нас, спросить, что мы знаем нового, и самому рассказать о пережитом им. Все слишком пострадали в одиночестве; всем казалось, что, передав новому, чужому человеку свою скорбную повесть, он как бы сбросит с себя половину гнетущей душу тяготы...

Рассказы сменялись рассказами. Вся история Брезин за три месяца проходила перед нами, почти день за днем. Фотограф повествовал обстоятельно, указывая точные даты, называя имена, приводя названия полков. Г. К. сумрачно и отрывисто передавал отдельные эпизоды. Бойко и красочно описывала (по-польски) некоторые события наша служанка, которая, на правах полухозяйки отеля, вертелась тут же. Другие поправляли говоривших, дополняли их рассказы, приводили новые факты, в параллель к сообщенным... И все, что нам рассказывали, был один ужас, сплошной кошмар, но кошмар этот называется современной войной.

В присутствии стольких свидетелей-очевидцев, говоривших с дрожью в голосе, с порывами негодования, могли ли мы не поверить тому, чему все еще не хочется верить окончательно, что немцы — варвары, что нет такой жестокости и такой гнусности, которую нельзя было бы ожидать от них! Нам рассказывали, как немцы выбрасывали русских раненых из лазаретов, добивали пленных казаков, оскорбляли сестер милосердия, издевались над проходящими по улице женщинами, грабили магазины, воровали частное имущество... Только два-три факта, говорящих о неподдельном мужестве немцев, об их готовности умереть ради торжества своего дела, несколько скрашивали безотрадную картину. Нет, мы не имели права сомневаться в истинности этих рассказов, относить их на счет расстроенных нервов рассказчиков. Мы должны были без споров признать горестную действительность...

Наша беседа затянулась долго, и, расставшись с нашими новыми знакомыми, мы остались под тягостным впечатлением слышанного. Теперь нам стало понятно, почему так пустынно Брезины, почему магазины брошены владельцами, а дома — обывателями, почему так уныло растеряны немногие оставшиеся в городе жители. Три месяца «в сфере военных действий» — это обратило Брезины в «мертвый город», заставило всех, у кого была хоть малейшая возможность, бежать из этого нового круга Дантова ада, — бежать все равно куда, в Варшаву, в Минск или даже без определенной цели, без приюта впереди, только бы прочь отсюда! Можно быть храбрым в бою, можно бестрепетно встретить смерть, можно с достоинством стерпеть оскорбление, не имея возможности на него ответить; но ни у кого не достанет сил неделя-

ми и месяцами жить под угрозой смерти и под угрозой постоянно возобновляющихся унижений; а именно это и было участью жителей Брезин.

Канонада не смолкала, когда мы ложились спать. Завернувшись в шубы, мы постарались заснуть в наших студенох постелях. Усталость наконец преодолела холод и заставила нас на время позабыть и пальбу под городом, и жестокие повести брезинцев.

Утро следующего дня было ясное, светлое. Небо синело, как в апреле. Пушки стихли. Одну минуту хотелось думать, что вчерашние впечатления — лишь дурной сон. Но они немедленно воскресли перед нами, потому что наши новые знакомые, с раннего часа, уже стали стучаться в нашу дверь. Все наперебой предлагали нам различные услуги. Пришел фотограф с заинтересовавшими нас снимками. Кто-то принес нам как дар экземпляр прокламации к полякам, которую немцы разбрасывали с аэропланов, и номер агитационной газеты «Үісі», издававшейся краковскими «стрелками», которую тоже раздавали жителям Брезин. Г-жа К. приглашала нас к себе завтракать. Ее муж предлагал нам разные полезные в пути вещи: бензин для автомобиля, сифон содовой воды, яблоки...

Мы торопились, и у нас не было времени для новых бесед. Наскоро позавтракав у К., мы поспешили занять свои места в моторе. Наши знакомые столпились на тротуаре, провожая нас. Должно быть, им казалось, что с нашим отъездом опять обрывается их связь с остальным миром, «мертвый город» опять замыкается вокруг них.

— Не забывайте нас! — просила г-жа К.

Шофер засвистел; автомобиль тронулся. Замелькали заколоченные лавки и странно-пустые окна домов, похожие на остекленевшие глаза мертвеца. На углу, у помещения, занятого штабом, повстречалась нам группа солдат. Больше на всех улицах нигде не было никого. Прощай, мертвый город!

В предместье мы встретили знакомого офицера. Он сообщил нам, что немцы в эту ночь «упорно наседали» на наши позиции, но везде были отбиты с большим для себя уроном. На этот раз, по крайней мере, гроза нового вражеского нашествия миновала Брезины!

30-го ноября, Варшава

О «соколах»

Теперь уже несомненно, что все попытки создать среди поляков движение против России в союзе с немцами окончились полной неудачей. Внушить полякам, что немцы — их друзья, что у них — общие задачи, оказалось по самому существу дела невозможным. А эфемерное существование в Кельцах «свободной Польши», которой позволялось пользоваться своей «независимостью» только под строжайшим руководством германских командиров, должно было открыть глаза и наиболее легковерным.

В частности, ничего не вышло из пресловутого «войска польского», всех этих «галицийских легионов», «краковских стрелков», «соколов» и т. д. Среди вожаков движения было несколько человек широко известных, видных общественных деятелей, уважаемых писателей. Но они остались одиночками, их пример не увлек народ-

ных масс. В первые дни организации вступило в ряды «войска польского» несколько юношей из старинных польских семей, но то было исключением. Никакие прокламации, никакие агитационные листки, никакое красноречие превосходнейших ораторов не могли убедить польский народ, что он должен идти об руку с пруссаками.

Чтобы все-таки заполнить ряды обещанного «войска польского», пришлось вербовать солдат без особого разбора. Принимали мальчиков прямо со школьной скамьи, которых опьяняла самая мысль — непосредственно участвовать в великих исторических событиях. Наряду со школьниками брали всяких проходимцев, которым все равно некуда было деваться и которые шли в солдаты не по убеждению, а из любви к приключениям. Не брезгали и заведомо темными личностями, определенно мечтавшими об одном — чем-нибудь пожить при общей смуте. Наконец, в наших городах, занятых немцами, легионеры отворяли тюрьмы, освобождали преступников и их также включали в свои ряды, в надежде, что служение «высокому» делу облагородит всех. Так составилось это «войско польское», частью из фанатиков, частью (и, к сожалению, этот элемент преобладал) из «зеленой» молодежи, частью из сомнительных дельцов и буйных головорезов.

Когда генерал Либерт, бывший германским губернатором в оккупированной Лодзи, узнал о поведении в городе «краковских стрелков», он сказал: «Знай я, что эти люди таковы, я никогда не впустил бы их в Лодзь». Так, приблизительно, стали с течением времени относиться к «войску польскому» и другие германские командиры. Им пришлось убедиться, что вместо союзных отрядов они получали или шайки грабителей, или группы экзальтированных школьников. Боевая помощь от «легионов» была ничтожна, но хлопот и затруднений они причиняли множество. Кончилось тем, что командиры стали решительно отказываться от включения в свою армию союзных польских отрядов.

Как прекрасную иллюстрацию ко всему сказанному, я передам здесь рассказ одного из жителей Брезин, который мог близко наблюдать деятельность «соколов» и сам едва не попал насильственно в их ряды.

Это было месяца два назад, — рассказывал г. Z. (молодой человек, поляк), — когда немцы впервые заняли Брезины значительными силами (раньше вступали в город лишь небольшие немецкие разъезды). Тогда для нас германские войска были еще новинкой, — ах, как пригляделись мы к ним потом! — и весь город высыпал на площадь посмотреть на вступление немцев. Они проходили через город сомкнутыми колоннами, сурово, без песен, одетые тогда во все новое, с иголки. Хотя Брезины и небольшой город и занятие его не представляло особой чести, офицеры были чуть ли не в парадных формах: так и сверкали каски, рукоятки сабель, какая-то позолота...

Кстати сказать, у многих немецких солдат были на груди Железные Кресты. Нас это удивило. Мы знали, что Германия уже сорок лет не вела войны и, следовательно, солдатам негде было заслужить отличия. Впоследствии мы расспросили об этих крестах. Солдаты ответили, что награда получена ими за бой при Сольдау. При этом они безмерно хвастались своей победой, говорили, что захватили в плен трех гене-

ралов и сто тысяч солдат. Впрочем, немцы всегда преувеличивали свои успехи до чрезвычайности и, кажется, вполне искренно, в наивной самоуверенности.

Среди колонн германских войск наше внимание остановил отряд, шедший особняком и одетый в мундиры, совершенно иные, чем у немцев. На солдатах была синеватая шинель, вроде австрийской; под ней виднелся пояс с двуглавым австрийским орлом; на головах — суконные шапки, которые мы называем конфедератками, с одноглавым белым польским орлом. Офицеры были в мундирах того же «защитного» цвета, но в фуражках другого покроя, с козырьком, так называемых матиувах, вроде тех, что теперь носят летчики. Солдаты были вооружены винтовками; офицеры — саблями и револьверами. Во всем отряде было человек сто или немногим более.

Самое же поразительное было то, что все «солдаты» были юноши или, вернее, мальчики (чтобы не сказать — дети), судя по виду, лет 16-ти, 15-ти и даже 14-ти. У некоторых были детские розовые лица и детские наивные глаза. Но большинство были парни, с неинтеллигентными лицами, порой — типичные хулиганы, составляющие горе своей семье или своей деревни. Офицеры были постарше, лет по 25–27, и все, по-видимому, принадлежали к интеллигентному классу.

Когда мы узнали, что это — польские волонтеры, «войско польское», нам стало грустно. Мой приятель, смотревший рядом со мной на шествие германской армии, сказал мне об этом польском отряде:

— Прямо плакать над ними хочется. Одних еще за азбуку посадить надо, а другие — шумовина какая-то! (шумовина — накипь, пена жизни).

Немцы разместились в городе по частным квартирам, выгнав хозяев, и офицеры соколов также. Тут мы невольно познакомились с ними ближе. Люди оказались самые различные и родом из самых разных мест: были познанцы, были из Галиции, а один был американец.

— Я прослышал, — сказал он, — что против России творят легионы, и приехал.

Кажется, «прослышал» он еще до официального объявления войны.

Мы сначала думали, что соколы будут посредниками между нами и немцами: все-таки свои братья, поляки. Кроме того, у нас в городе мало кто говорил по-немецки. Мы стали поэтому обращаться к соколам во всех случаях, когда нам надо было что-нибудь узнать от немцев. Но соколы держали себя, как и немцы, особняком и никакой поддержки оказывать нам не хотели.

Вскоре мы могли убедиться, что соколы не уступают немцам и в обидах, чинимых местным жителям. Немцы тогда занимались всякого рода «реквизициями», забрали всё готовое платье, которым преимущественно торгуют Брезины, забрали муку, керосин, овес, а затем стали грабить «по-маленькому», присваивая себе в магазинах и в частных домах все, что им нравилось. Соколы с большой готовностью последовали примеру своих союзников.

У нас в Брезинах, за отсутствием властей, заправляли делами обывательский комитет и милиция. В эти организации то и дело стали поступать требования соколов. То им нужны были лошади и фураж для них, то подводы, то хлеб, то белье. Иного прямо негде было достать, но соколы, как и немцы, не хотели слушать никаких возражений.

— Как вам не совестно, — говорили мы офицерам соколов, — притеснять своих братьев-поляков? Вы требуете у нас лошадей, а где мы их возьмем? Надо будет отнимать у крестьян последних.

— И поделом! — возражали нам офицеры. — Зачем они не пошли вместе с нами за общее, польское дело. Кто остается верен москалям, мы тех щадить не намерены.

Отдельные солдаты-соколы вели себя еще хуже. Они прямо вымогали с угрозами разные вещи у жителей. Вломится такой сокол в чужую квартиру, грозит винтовкой и требует. Конечно, перепуганные женщины отдадут ему все, что он захочет. Пробовали некоторые из нас жаловаться немецкому командиру, вышло только хуже. Он топнул ногой, закричал: «Вы клеветаете! В германской армии не может быть грабителей! Я прикажу вас расстрелять!» Тем жалоба и кончилась.

В один из первых дней после вступления немцев шел я по улице. Вдруг подходит ко мне сокольский офицер и требует, чтобы я провел его в магистрат. Я испугался. Если бы я один повел германского офицера в магистрат, это могли бы истолковать в том смысле, что я помогал немцам, вообще был с ними в близких сношениях. Поэтому я подозвал одного знакомого, русского, шедшего тут же, и мы повели офицера вдвоем. По пути мы захватили еще одного еврея и так, все трое, — представители трех национальностей города, — держась за руки, проводили сокола до здания магистрата.

Оказалось, что сокольскому офицеру нужны были списки лиц призывного возраста, от 18-ти до 45-ти лет. Офицер долго рассматривал эти списки и что-то отмечал у себя в книжке, кажется, подсчитывал число. Мы всё это потихоньку наблюдали, но, когда офицер свою работу кончил, быстро разошлись, чтобы нас не видели вторично в его обществе.

Дня через два вышло объявление, напечатанное по-немецки и по-польски, чтобы все лица от 18-ти до 45-ти лет явились в такой-то день, в здание магистрата для освидетельствования их врачом, — чтобы выяснить, годны ли они для военной службы. В то же время соколы на улицах всем насильно раздавали написанную по-польски немецкую прокламацию, призывающую поляков записываться в ряды польского войска. Отказываться все боялись и прокламацию брали, но содержание ее большинству было известно: немцы в начале войны тысячами разбрасывали эти прокламации с аэропланов, так что иногда поле делалось белым от валяющихся листков бумаги.

Прокламация начинается словами, что вот-де приближается для поляков минута освобождения из-под московского ярма. Далее следуют разные пустые фразы, в таком роде: «Мы вам несем свободу и независимость», «Пусть восточное варварство уступит перед цивилизацией Запада, общей вам и нам», «Восстаньте, присоединитесь к нашим союзным войскам» и т. д. Никакого впечатления эта прокламация на поляков никогда не производила, и странно, что соколы, сами поляки, не видели, до чего она бессодержательна.

Во всяком случае мы все очень волновались. Ни у кого не было охоты вступать в войско польское, но как было ослушаться приказа? В назначенный день пришли в магистрат не только все те, кто жил в самых Брезинах, но и крестьяне из деревень. Многие приехали на лошадях издалека, так как боялись, что с них строго взыщут за неявку.

В магистрате, в большой зале, был поставлен стол, покрытый зеленым сукном. За столом сидели сокольские офицеры. Врача не могли найти, так как все наши врачи (и было-то их в городе всего три!) заранее бежали, еще до прихода немцев. Вместо врача пригласили цирюльника, из тех, которые считаются «первого класса» и имеют право вывешивать над дверью металлическую тарелочку.

Людей набилось в зале множество — несколько сот человек. Сокольский офицер вызывал по алфавиту из списка. Когда кого-нибудь не оказывалось, делал в списке отметку и начинал добиваться, давно ли это лицо уехало, или, если не уезжало, где оно скрывается. Мы все дрожали и по большей части отвечали на все вопросы, что ничего не знаем.

Вызванного осматривал цирюльник. Сказать по правде, он прекрасно играл свою роль: заставлял раздеться донага, выслушивал грудь, осматривал зубы, мерил рост и ширину груди, совсем как настоящий доктор. Потом он мне признавался, что сам трепетал от страха, как бы его не изобличили, что он ничего не смыслит.

Когда одного признали годным, он стал просить, чтобы его освободили, говорил, что у него жена, дети, что он должен содержать семью. Он долго плакался так, и наконец офицер сказал:

— Если не хочет служить, пусть уплатит 15 руб. в пользу войска польского.

Услыхав это, мы переглянулись, и у всех отлегло от сердца. Стало ясно, что от службы можно откупиться. Почти все стали просить отпустить их, и офицеры освобождали, кого за 30, кого за 20, а кого и за 12 руб., смотря по состоянию. Мне тоже пришлось кое-что заплатить, хотя я состоял в милиции и уже поэтому мог быть освобожден, а кроме того, болен грудью: врачи опасаются, не туберкулез ли у меня.

Один господин долго торговался, давал 7, 10, 12 руб. Наконец согласился на 25 руб. Он попросил позволения сходить домой за деньгами, ушел и скрылся. На другой день соколы захватили его жену и детей и заперли их в пустой мельнице. Отпустили их соколы только за выкуп в 300 руб.

Все же в тот день забрали около 200 человек, признанных цирюльником годными. В том числе были бедняки-крестьяне, которые не могли заплатить и 12 руб.; были люди богатые, с которых соколы требовали слишком большую сумму (рублей полтора и больше); были, наконец, такие, которые не хотели платить из принципа, считая набор противозаконным.

Последнее было совершенно справедливо. На другой день собралось соединенное заседание обывательского комитета и правления милиции, чтобы обсудить это дело. После долгих споров решили подать протест командиру германских войск. Мы писали в протесте, что набор солдат в оккупированной местности противоречит международному праву, разным конвенциям и т. п. Черновик составили общими силами, но долго не могли найти никого, кто согласился бы переписать протест. Все боялись и отнекивались. Наконец кто-то взялся за это дело, но кто именно, право, так и осталось неизвестным.

Нашелся и такой смельчак, который взялся подать протест: один еврей, немного говорящий по-немецки. Он не только передал немецкому командиру бумагу, но и изложил ее содержание. Командир выслушал протест довольно милостиво и сказал, что рассмотрит жалобу. Но депутат имел неосторожность добавить, что этот

насильственный набор ляжет пятном на всю германскую армию. Немец страшно рассердился, закричал, что на германской армии не может быть пятна, и не захотел более ничего слушать. Никакого ответа на наш протест мы не получили.

Между тем забранным 200 человекам велели готовиться в путь. Крестьянам даже не позволили съездить к себе в деревню, попрощаться с семьей, опасаясь, что они сбегут. Через день всех повели в Лодзь, пешком, под конвоем отряда соколов. Во время пути некоторые новобранцы все-таки убежали и спрятались в лесу.

В Лодзи новобранцев накормили, дали им отдохнуть, а потом их повели к какому-то важному лицу, по их объяснениям, к «генералу» соколов. По некоторым указаниям, можно догадываться, что это был Вацлав Сорошевский. Генерал произнес перед новыми соколами речь. Он сказал им, что императоры Вильгельм и Франц-Иосиф не положат оружия, пока хотя бы один поляк будет «стонать в неволе», и благодарил новобранцев за их готовность служить в рядах войска польского. «Как отрадно, — так закончил генерал, — что из такого маленького города, как Брезины, вышло так много охотников, добровольно отдающих свою жизнь на служение нашему делу!»

Тогда, осмелев, один из новобранцев возразил:

— Да мы вовсе не охотники.

— Как не охотники?

Наши брезинцы объяснили, что их забрали насильно. Говорят, генерал страшно рассердился и сейчас же всех отпустил. Они в тот же день, опять пешком, вернулись в Брезины. Сокольские офицеры досадовали и гневались на такой оборот дела, а откупившиеся стали громко требовать свои деньги назад. Но это, конечно, ни к чему не повело, тем более что скоро и хозяйничанью немцев в городе пришел конец. Приблизились русские войска, и немцы вместе с соколами на время выбрались из Брезин.

На этом г. Z. закончил свой рассказ. При следующих нашествиях немцев на Брезины соколов в рядах германской армии уже не было.

Брезины—Варшава

Клубы дыма

«Добивает» — именно этим словом хочется определить то, что сейчас делает война с городами и деревнями Западной Польши. На охоте иногда «добивают» затравленного зверя; так война «добивает» теперь затравленную ею страну. Казалось, что все селения уже разорены до конца, опустошены, сожжены; что все их жители разбежались; что в крае нечего взять, нечего сокрушать, некого притеснять и грабить. Но все-таки еще какие-то люди жили в своих полуразвалившихся домах, ухитрялись существовать без хлеба и топлива, в страшной отчужденности от остального мира, упорно цепляясь за обломки своей привычной жизни. Но война вернулась на старые места и опять нашла, что разорять, что жечь, что опустошать. Она «добивает» свою жертву.

Эти мысли приходят мне в голову, когда я гляжу на клубы черно-белого дыма, поднимающегося за лесом. Наш автомобиль остановился; нам категорически объявлено, что дальше ехать нельзя. На наш вопрос, откуда дым, нам ответили кратко:

— Сохачев.

Да, это горит Сохачев. Война «добивает» его.

Еще раньше, на шоссе, мы встретили фуру, вероятно, с последними беженцами из Сохачева. Почему они так долго промедлили в обстреливаемом городе? Откуда в последние часы достали фуру и лошадь, когда несколько дней назад все были разобраны, расхвачаны по несообразным для городка ценам? Одна из тех несообразностей, которых много на войне. Фура была «битком набита»; лошаденка еле тащила чуть не полтора десятка людей, увозивших с собой какие-то свои вещи, захваченные, видимо, наспех, в полной растерянности; среди узлов и корзин торчали: самовар, пустая клетка без птицы, что-то из мебели, — то, что попало под руку.

Узнав, что беженцы из Сохачева, мы спросили о положении дел в городе; возница только махнул безнадежно рукой, для вида слегка прихлыстнул изморенную лошаденку и молча проехал мимо.

Сохачев в нескольких верстах от нас. Но пальбы сейчас не слышно. «Как пахарь, битва отдыхает». Но там теперь едва ли не самые тяжелые минуты. Подводятся первые итоги прерванного боя; делаются перевязки... Раненых размещают по вагонам, и опять сегодня Варшава будет принимать незаметных героев, «отдавших кровь свою» за наше общее дело...

Когда я в первый раз попал в Сохачев еще в начале войны, это был оживленный, хотя маленький и грязный уездный городок. На базарной площади, сплошь окруженной всевозможными магазинами, лавками и «собственными мастерскими», шумела толпа евреев, которые все имели вид чрезвычайно занятых дельцов. Милые девушки, брезгливо обходя лужи, кокетливо приподымали юбку и старались в щегольстве подражать варшавянкам; из окон выглядывали улыбающиеся лица. За городом красивый, прочный мост переступал через Бзуру, и тотчас за ним начиналась аллея вековых деревьев. Руины старинной крепостцы живописно венчали высокий холм над самой рекой.

Потом мне случалось проезжать через Сохачев в разные периоды войны: перед самым наступлением немцев на Варшаву, тотчас после их отступления, при вторичном их движении к Висле, в дни боев у Ловича... Город на моих глазах сначала пустел, потом разрушался. Дельцы и красивые девушки обращались в запуганных беженцев, набивавших собою фуры, а потом заполнявших в Варшаве «Швейцарскую долину» и другие благотворительные приюты. Закрывались магазины; безмолвными становились улицы и площадь, по которым мелькали уже только серые шинели наших солдат и офицеров. Наконец, с каждым разом все новые и новые раны наносила война самому городу, как бы вырывая куски мяса из живого тела.

Красивый мост через Бзуру пришлось взорвать. Переправа совершалась [...], спускаться к которому надо было по немощеному, почти отвесному склону крутого берега. Вековые деревья за мостом были срублены: они мешали обстрелу. Их громадными пнями завалили подход к остаткам моста. Ряд домов обратился в развалины. Там нависали полуобвалившиеся стены; там уныло зияли пустые отверстия окон

без рам; там целые фасады были исцарапаны снарядами и пулями. Только руины старинной крепостцы по-прежнему возносили свои причудливые очертания на высоте прибрежного холма. Они пережили многое, несколько столетий; видели перед собою еще крестоносцев; может быть, переживут и великую современную войну.

Помню, возвращаясь из Лодзи, я попытался купить в Сохачеве чего-нибудь съестного. На меня посмотрели как на человека, который хочет несообразного. Можно ли искать в Сохачеве ветчины, колбасы, каких-либо консервов? Все, что можно есть, было давно съедено. Мне указали, однако, небольшую лавчонку, где среди пустых ящичков печенья и пустых банок для конфет оказалось несколько ковриг свежеспеченного хлеба. Но надо было видеть, как разбирались эти ковриги столпившимися в лавке обывателями (не весь ли «город» пришел сюда, так как в лавке было несколько десятков человек?). Мне почти совестно стало отнимать у них часть этого ржаного хлеба, представлявшего здесь, как кажется, утонченное лакомство. Все же я купил ломоть, так как был голоден; мы ели его с товарищами, катясь в автомобиле к Варшаве, и этот хлеб наводил нас на грустные размышления.

И вот теперь за лесом встают черно-белые клубы дыма. Сохачев горит, и скоро негде будет в нем испечь даже и хлеб.

[...] тоже пришлось взорвать. Наша артиллерия, занимая господствующие над противоположным, низким берегом высоты, не дает немцам навести свои мосты. Немцы употребляют все усилия, чтобы своими тяжелыми орудиями заставить замолчать наши батареи, но это им не удается. Тогда немцы идут вброд, не останавливаясь пред тем, что надо пройти несколько сажень, стоя по грудь в студеной декабрьской воде, все время под огнем ружейным и пулеметным. За ночь было нами отбито до шестнадцати атак. Бзура вздувалась: так ее заваливали тела убитых. Целые колонны немцев падали, не дойдя и до середины течения. Но на смену уничтоженным отрядам находились новые. Не было отдыха, не было покоя; «самый настоящий ад», как сказал один солдат, отправленный с каким-то поручением в Блони.

— Удивительная энергия! — подтвердил шедший за ним товарищ, любивший употреблять иностранные слова. — Фанатизм какой-то! Мы их бьем, а они все-таки прут.

Немцы продолжают добиваться своей «решительной победы во чтобы то ни стало». Но их «фанатизму» противостоит та спокойная бодрость, то истинное, не слепое, а сознательное мужество, которыми одушевлена вся наша армия. Она стоит сейчас стеной, загораживая переправу через Бзуру...

— Разве у нас позиций мало? — рассуждает тот же солдат, любитель иностранных слов. — Встретим немцев там-то и там-то (он назвал места). Везде им придется положить столько же людей. Что же у них останется?

Бодрость этих солдат, только что вышедших из «самого настоящего ада», заражает меня. Спокойнее я смотрю на черно-белые клубы дыма. Наша сила не в обладании тем или другим городом. Она — в несокрушимой мощи нашей армии. Каждый раз, когда сходишься ближе, дружески разговариваешь с солдатами, восстает в душе уверенность в нашем конечном торжестве. Чу! возобновляется канонада. Пусть!

Варшава, 5-го декабря

На театре военных действий (День в пути)

Уже декабрь, а по новому стилю, принятому в Польше, — уже середина декабря. Через неделю — первый день Рождества. Но по обеим сторонам дороги — зеленеющие поля. Неглубокий снег, лежавший в ноябре, весь стаял, и озими блестят как изумрудные. Над свежей зеленью нив — глубокое, голубое небо. Отдаленные леса отливают лиловатым, словно на ветках набухают почки. Навстречу, в лицо, веет мягкий, нежащий ветер. Воздух сладок как весной, как апрельский, и хочется вдыхать его полной грудью.

Знакомая дорога и знакомые виды. Уже сколько раз за четыре месяца, так же откинувшись в автомобиле, я нежил взор красотой этих линий, — вот этой чуть-чуть холмистой далью, вот этим сходящимся сводом вековой аллеи, вот этим четким силуэтом готического костела. Была ранняя осень, и картина пестрела «багрецом и золотом»; были зимние дни, когда поле под изморозью казалось белым платом, а деревья в инее — серебряными; теперь, в этом декабрьском апреле, и лазурь неба, и изумруд полей полны кроткой покорностью. Но по-прежнему этот край остается «театром военных действий»; по-прежнему здесь грохочут пушки, трещит ружейная пальба, люди роют окопы, бросаются друг на друга «в штыки», падают раненые и лежат убитые; по-прежнему по этим равнинам, холмам и дорогам блуждают призраки Страдания, Разрушения, Смерти.

Германские полчища то широким потоком заливали западную Польшу, неся с собой ужас, пожары, грабежи, гоня перед собой местное население, которое бежало от врага в паническом страхе; то, теснимые нашей армией, опять отходили назад, к границе, как отлив, обнажающий дно и оставляющий на песке следы своего буйного набега — медуз, раковины, водоросли; то снова, «перестроившись», возобновляли свой натиск. Две огромных армии боролись и продолжают бороться на ограниченном пространстве земли, напоминая двух борцов, схватившихся грудь с грудью на тесной арене. То один подается, то другой; то более сильный валит на барьер противника, то сам принужден отступать под его новым усилием; соперники как бы топчутся на месте, все время готовые к обороне и выжидая подходящий миг, чтобы нанести решительный удар.

А между тем многострадальный край, ставший ареной этой борьбы, терпит все новые и новые лишения. Окопами изрыты и изрезаны поля; артиллерийским обстрелом разрушены и сожжены города и деревни; местность опустошена, жители голодают, мерзнут, лишены крова. Постои немецких войск и их беспощадные реквизиции вконец разоряют и крестьян, и горожан. Целые толпы людей, недавно живших в довольстве, теперь ютятся в шалашах и землянках по лесам. Нарушились, разбились все формы обычной жизни; нет заработка, нельзя достать нужнейших вещей, порвана связь с остальным миром. Да! Нелегкая участь в нашу эпоху стать «театром военных действий»! Пусть помнит Россия, что эту участь приняла на себя безропотно Польша.

Наш автомобиль, миновав аллею, ветви которой, сплетаясь, образовывали свод над головой, катится по шоссе, по обеим сторонам которого деревья подрублены для удобства артиллерийского обстрела¹. Искалеченные стволы горестно подни-

¹ По понятным причинам в этой статье описываемые местности нигде не названы, но все черты описания строго соответствуют действительности.

мают к небу укороченные ветки, словно руки с отрубленными кистями. Чу! Треск пропеллера. Немецкий аэроплан обгоняет нас на высоте 1000–1200 метров; летчик держит путь вдоль шоссе, озирая идущие обозы, заготовленные окопы, занятые позиции. Тотчас начинается треск выстрелов, щелканье ружейных затворов. Стреляют с позиций; стреляют и «обозные». Пули свистят, перелетая прямо через нас, так как мы приходимся как раз между стреляющими и их целью... Слишком большой соблазн — «сбить» вражеский аэроплан. Уже немало немецких «голубей» было подстрелено в этом районе, и говорят, что немецкие летчики считают командировку на русский фронт почти что смертным приговором. Однако на этот раз немец забирает выше и уходит из глаз.

Увлечшись наблюдениями за стальной птицей, мы не заметили, что въехали в деревню. Вернее — здесь была деревня, притом большая, дворов в сто. Теперь не осталось ни одного дома. Все сожжено, и только по числу печных труб, окруженных горами пепла и мусора, можно подсчитать число уничтоженных строений. В двух-трех местах крестьяне пригородили к этим трубам навесы из досок, покрыли их ветками, засыпали землей и живут в таких импровизированных шалашах, словно какие дикари. Одного старика мы расспросили, как сгорела деревня. По его словам, жители при приближении немцев все бежали в лес, а те в наказание и из мести деревню сожгли.

За деревней — опять поля, — те ровные поляны, от которых Польша, быть может, получила свое название. Присмотревшийся глаз уже не обращает внимания на трупы лошадей, валяющиеся вдоль шоссе, в канавах, на брошенные здесь же поломанные зарядные ящики, измятые манерки, изорванные фуражки и т. п., как и на окопы, которые и прорезают поля, и тянутся параллельно дороге. Окопов так много, что они кажутся необходимой подробностью любого пейзажа; в общем они образуют сеть — конечно, во много тысяч верст... Несколько необычнее и заинтересовывают более стройные линии военно-полевого телеграфа. На тонких низеньких колышках бегут его нити, иногда в два ряда, теряясь у горизонта. Еще стройнее, еще воздушнее возносятся ввысь ажурные башенки телеграфа беспроволочного, «искрового». Словно маленькие Эйфелевы башни, но более изящные, чем типично немецкое сооружение в Париже, раскиданы по простору равнин, и лучи солнца блестят на их стальных перекладинах.

Наши единственные попутчики в этой опустелой, покинутой населением стране — длинные, бесконечные обозы, растягивающиеся на версты. Наши встречи — разные части войск, переходящие на другие позиции. Солдаты, солдаты и солдаты, всех родов оружия, представители, кажется, всех губерний и всех народностей России! Иногда мы останавливаем автомобиль, заговариваем с проходящими, угощаем их папиросами. Нас окружает шумная толпа, бодрые, веселые лица; быстро меняемся впечатлениями, слышим рассказы о недавних боях и новые складные прибаутки о немцах. За папиросы солдаты трогательно благодарны, так что становится неловко. «Курение! Курение!» — разносится голос по рядам. Хотелось бы щедро одарить всех, хотя бы по коробке каждого, но ведь мы встречаем десятки тысяч человек! Офицерам мы предлагаем свежие газеты, захваченные нами из Варшавы. Это тоже кажется дорогим подарком здесь, куда газета иногда доходит спустя

неделю или десять дней. Некоторые так удивляются неожиданному дару, что упорно спрашивают, сколько следует заплатить.

А какую живописную картину представляют стоянки войск, биваки! В них есть что-то от прежней войны, исчезающей из жизни, — войны тех времен, когда не было железных дорог, телеграфов, телефонов, аэропланов. Вот стоят казаки. Их маленькие, но красивые лошади образуют целый табун. Составленные пики ярко сверкают, словно копья римских легионеров. Сами казаки столпились группами, в своих характерных шапках и шароварах, шумят, смеются. Так же точно стояли они, конечно, и при Наполеоне; такой же вид имели и лагеря в древнее время... Вот — более прозаическая картина: походные кухни. Дымят десятки маленьких труб на колесах; люди суетятся, перебегают с места на место, приходят, уходят. И еще веселее голоса, что доходят до нас, когда мы пролетаем мимо в автомобиле.

Встречаются нам, конечно, и местные жители, но только около самых селений или городов. Зима остановила полевые работы, дел, требующих поездок, нет, и все предпочитают оставаться у себя дома, если только сохранился этот дом. Но зато как красивы изредка встречающиеся фигуры крестьян и крестьянок бывшего Ловичского княжества! Здесь уцелели национальные костюмы, и пестрота их ярко выступает на фоне зелени или серой земли. Женщины одеты в платья из материи с продольными полосами оранжевого, зеленого и синего цвета. У мужчин такие же шаровары. Девушки закрывают себе голову ярко-красным платком, совсем как девушки на Востоке. Что-то несовременное, дошедшее к нам из седой старины есть в этих фигурах...

После езды в несколько часов подъезжаем к довольно большому городку. У самой заставы толпа окружила аэроплан: это — немецкий аппарат, недавно захваченный нами. Он уже перекрашен, на нем уже русские надписи, и наш летчик испытывает его, катаясь в нем по земле. Все кругом радуются единодушно; смех, шутки, остроты. Немецкие аэропланы, разбрасывающие бомбы, достаточно всем досадили, и всем приятно видеть один из них в наших руках. Стальная птица стремительно перебегает поле, делает оборот и послушно возвращается на место. Ее приветствуют рукоплесканиями. Бывший «немец» послужит теперь нам против своих прежних хозяев.

Здесь же, под городом, встречаем партию пленных пруссаков. Один из нас, Ф., у которого какая-то мания собирать «трофеи войны», вступает с ними в переговоры. Ему хочется купить еще одну прусскую каску. Но немец, к которому он обратился, отвечает с гордостью:

— Das ist Kaiserliches Eigenthum! (Это — императорская собственность!)

Нет, еще не сговорчивы пруссаки и в плену!

В городе удастся пообедать в маленьком ресторанчике, наполненном, конечно, исключительно офицерами. Наскоро осматриваем и самый город, похожий на все другие города западной Польши в наши дни: запертые магазины, ряд разрушенных и сгоревших домов, безлюдие на улицах... Потом едем опять, так как сегодня нам надо сделать еще 40 верст, а зимние дни — короткие.

Опять мелькают зеленеющие поля и окопы, обгоняемые нами обозы, стоянки солдат, башенки беспроволочного телеграфа. Постепенно явственнее начинает доноситься пальба, потому что мы приближаемся «к сфере огня». Впрочем, встречные офицеры объясняют нам, что сейчас ничего серьезного не происходит.

— Стреляем просто затем, чтобы немцы не дремали. А то ведь, если мы будем молчать, они заснут.

Некоторые дружески уговаривают нас не ехать дальше.

— Снаряды залетают на шоссе. Что толку? Автомобиль вам испортят.

Это сказано вовсе не в шутку. На войне отвыкли ценить человеческую жизнь. Офицеру искренно кажется важным предупредить нас не о том, что могут убить или ранить кого-либо из нас, но о том, что могут сломать такую ценную для войны вещь, как автомобиль... Мы, однако, непременно хотим достичь поставленной себе цели; да и опасность обстрела, по правде сказать, не очень велика, так как нет настоящего боя.

Вечереет. Ясный день кончается роскошным закатом. Грандиозный калейдоскоп рассыпает перед нами свои перлы, сапфиры, рубины и яхонты. Многоцветные картины сменяются в небе. Облака отливают всеми красками; голубизна неба словно освещена изнутри: прямые, алые лучи образуют сияние славы. Мы опять въезжаем в уцелевшую аллею, и за сетью стволов и ветвей смены закатных пыланий кажутся еще торжественнее, еще чудеснее. Перед этой вечной красотой природы на миг такой ничтожной представляется вся эта война, со всеми ее перипетиями, ужасами и тревогами... Все забыто, хочется только любоваться величием небес...

Но огни меркнут, превращаясь в догорающие угли; тускнеют драгоценные камни; жемчуг тучек становится мутным. Вскоре, зажегши фонари, мы катимся в темноте. Ухо слушает недалекую канонаду. Но в теле — усталость; в душе — одно желание: скорее добраться до ночлега. Вот заблестали впереди огоньки. Это — селение, где есть наш «питательный пункт» и где нам обещают приют на ночь. Автомобиль увязает в грязи, но мы торопим шофера. Еще-еще одно усилие, и мы будем на месте! А завтра — на передовые позиции.

Варшава, 9-го декабря

Письма врагов и к врагам

Преодо мной — груда исписанных листков бумаги, грязных, измятых, частью изорванных. Многие, даже большая часть испачканы кровью, оставившей красно-бурые подтеки по сторонам или залившей всю страницу. Это — немецкие письма, которые я сам подобрал на полях битв, около тел убитых немцев.

Сначала я не решался присваивать себе эти листки. Мне казалось, что я обираю мертвых, совершаю поступок, близкий к мародерству. Подумав, я изменил свое мнение. Санитары уже побывали на тех полях сражения, на которые попадал я. Все более ценное и важное было уже собрано и унесено: винтовки, шашки, лопаты, каски, ранцы, а также, конечно, и заслуживающие внимания документы. Осталось только то, что никому не нужно. Частные письма были брошены как бесполезный хлам; им все равно предстояло погибнуть под дождем и снегом, в грязи и слякоти. Подбирая эти письма, я никого не лишал его собственности; то была *res nullius**, которую, впрочем, я всегда готов вернуть по принадлежности.

Пока, разобрав собранный мною материал, я хочу познакомить с ним читателей. «Познать своего врага» почти так же важно, как «познать самого себя». А каким

* вещь, никому не принадлежащая (лат.)

путем можем мы лучше узнать немецкого солдата — среднего, обыкновенного солдата, — как не по случайным письмам, которые он сам писал своим близким, и его близкие писали ему, никак не думая, что написанное станет общим достоянием? Сквозь эти письма видна немецкая душа и немецкая жизнь наших дней без всякой утайки и без всяких прикрас. Думаю, что в этом смысле «письма врагов и к врагам» представляют несомненный интерес. Оговорюсь только, что мое собрание в высшей степени случайно (я брал то, что попадалось под руку мне, и не просил других собирать для меня письма) и что, приводя отрывки из писем со всей возможной точностью (в переводе), я не считал себя вправе называть подлинные имена (фамилии): хотя мало вероятно, что эти строки попадут на глаза немецким читателям, все же мне казалось неуместным оглашать частную переписку с упоминанием имен.

Большую часть моего собрания (всего в моих руках около 60-ти писем), естественно, составляют письма к солдатам, особенно полученные ими недавно, за несколько дней до боя, рокового для владельца. Есть по несколько писем от одного лица: тот, кому они писались, очевидно, ни на миг не расставался с ними, всюду носил их с собой, в кармане или в ранце, взял и в свой последний бой. Наконец, есть небольшое число писем самих солдат, исключительно «открыток». Убитые написали, вероятно, их в самый день битвы, не успели отправить и, торопясь, понесли с собой. Меткая пуля или обломок шрапнели навсегда лишил адресата написанных к нему строк.

Этот последний род, — письма самих солдат, — наименее любопытен. «Открытки» писались наспех, может быть, урывками, с единственной целью сообщить близким, что такой-то жив и здоров. Перед боем нет времени пускаться в письма в рассуждения и высказывать общие соображения. В одной из своих предыдущих статей я уже приводил несколько строк из характерного письма такого рода — открытки, найденной мною на поле битвы под Ловичем. Открытка — с видом женской гимназии в Гостыне и вся забрызгана кровью. «Милый Карл, — пишет солдат своему другу, — сообщаю тебе, что я неизменно жив и здоров. Желаю тебе того же самого. Мы неизменно идем против русских (слово “русских”, “russen”, подчеркнуто). Твой друг» (такой-то). Письмо адресовано Mönichburg и имеет дату: «Россия, 22, XI, 1914».

В том же духе и другие солдатские письма. Некоторые выделяются, впрочем, выходками против России. «Милый Д., — сказано в одной открытке, — я до сих пор еще здоров и весел, чего я и от тебя жду. Мы теперь — в России; это — очень плохая страна (das ist eine sehr schlechte Gegend)*». Так отразились в письме трудности похода в осеннюю распутицу, по опустошенной местности. Почти во всех открытках говорится, что их автор прибыл с западного фронта. «Раньше мы были в Бельгии, около Люттиха и Намюра», — продолжает письмо к Д. «Мы явились из Франции сюда, о чем я весьма жалею», — пишет другой. Есть и похвальба. «Там (в России), — сообщает один солдат, — мы имели четырехдневный бой, однако богатый победами». Однако эта похвальба — единственная среди всех моих писем. Затем солдаты усердно просят прислать им «чего-либо съестного», табака и теплых вещей. Видно, что во всем этом германская армия чувствительно нуждается.

* это ужасное место (нем.)

Гораздо содержательнее письма к солдатам, что и понятно: они писались на досуге. Их можно разделить на два рода: письма друзей и письма жен. Если первые довольно легкомысленны, то письма жен — часто длинные послания на шести мелко исписанных страницах — полны сведениями о современной немецкой жизни. Жалуюсь на свои личные, интимные горести, женщины, сами того не желая, вскрывают душу Германии.

Бросим сначала взгляд на дружеские письма. «Мой милый Ф., — пишет кто-то из Берлина, — вчера я получил твою открытку, из которой узнал, что тобою еще не получена отправленная нами тебе посылка. Но теперь часто жалуются, что посылки в армию не достигают своей цели. В понедельник я был с *** на вокзале. Мы пришли как раз в то время, когда прибыл поезд с пленными французами, направляемыми в Шпандау. Было очень любопытно на них посмотреть. Пришли мне интересные открытки из местностей, где идет война...» Эта открытка — характерное письмо «среднего» берлинского «обывателя». Подобно всем он жалуется на неаккуратность почты, подобно всем с наслаждением глазает на пленных врагов, а желания его не идут дальше «интересных открыток» из такой экзотической страны, как Россия.

Другая открытка из Берлина писана женской рукой, но принадлежит также к числу «дружеских», так как пишущая посылает «поклон от своего мужа». После обычных приветствий и извещения, что ею отправлено «три посылки», причем она просит «принять эту мелочь как знак того, что берлинцы о вас (о солдатах) помнят», пишущая продолжает: «Здесь все вполне спокойно, все мы здоровы, если время тебе позволит, напиши нам, но, главное, *не допускайте к нам ни одного русского* (lassen sie keinen Russen zu uns herein)». Заканчивается открытка осторожным вопросом: «Сообщи, какая программа играется в вашем кинематографе», — т. е., раскрывая намек, как идут дела на войне. В этом письме уже чувствуется смутное беспокойство берлинцев, боящихся наступления русской армии на Берлин.

Еще более тревожно небольшое письмо, тоже из Берлина, подписанное буквой F. «Здесь ходят разные нелепые слухи, — пишет этот F., — пожалуйста, разуверь всех и скажи, что с такой армией, как наша, нам нечего бояться. Особенно напуган твой отец, который уверяет, что даже в Берлине мы не в полной безопасности. Старику это простительно, но, когда то же повторяют молодые, это меня выводит из себя». Далее следуют сообщения о родственниках и знакомых, вернувшихся ранеными с театра войны. Письмо мне досталось без конверта и, может быть, было послано не по почте, а «с оказией». Возможно, что автор его и подписался лишь одной буквой из осторожности.

Самое бодрое письмо в моем собрании написано из Берлина неким Августом. Поблагодарив солдата за присланную открытку, он продолжает:

«Давай чаще вести о себе, особенно из вражеской страны. Мы получили известие о победе под Мецем (?), причем много тысяч французов взято в плен. Черт возьми! Наша молодежь, видно, чему-то научилась! Мы здесь войны не замечаем и все — в лучшем порядке. Итак, наилучший привет и до радостного свидания. Твой друг Август». Судя по восклицанию «Donner wetter», и этот Август раньше сомневался в немецких успехах и в способностях германской молодежи, и только известие о фантастической победе под Мецем привело его в столь воинственное расположение духа, что он перестал даже «замечать» войну.

Все письма наполнены сообщениями об отправке разных посылок со съестным, с сигарами, с теплым бельем. Притом также из всех писем видно, что посылки эти доходят до солдат крайне неаккуратно. «Милый брат, — говорит одна открытка из Берлина, — нам бесконечно жаль, что ты еще не получил наших посылок с колбасой и ветчиной. Мы думали, что ты с друзьями все давно съел. Может быть, скоро получишь еще одну такую посылку от нас. Если колбаса испортилась, верни ее назад, мы пришлем другую».

В том же духе еще несколько открыток. Другие осведомляются о посланных сигарах. «В понедельник, — говорится в одной из них, — я послал тебе 25 штук и, кроме того, от Фр. еще 25 штук. Дошло ли это все, сообщи. Впоследствии, может быть на следующей неделе, пошлем еще курева, в чем вы, конечно, нуждаетесь». Третьи беспокоятся об отправленных посылках с теплым бельем. Такого рода писем особенно много от жен, которые подробно перечисляют посланные ими вещи — носки, фуфайки, набрюшники, — и дают подробные наставления мужьям, как всем этим пользоваться.

Некий Георг Ш. покровительственно попрекает солдата, который, по-видимому, высказал, что ему совестно получать такие дорогие подарки: «Если в чем-нибудь нуждаетесь, — пишет Ш., — в табаке, сигарах или новой лошади, — кстати, как обстоит с ними дело? — то убедительно прошу вас немедленно нам сообщить. Столько-то всегда у нас найдется, особенно для наших бедных воинов, которые за нас мерзнут и голодают. Итак, выкиньте это из головы и рассчитывайте на нас свободно». В этом роде есть еще одно письмо, автор которого говорит, что обязанность граждан — «оказывать маленькие услуги воинам». Спрашивается, однако, почему же только «маленькие»?

Закончу ряд этих писем выдержками из одной открытки, сплошь исписанной мелким почерком, отправленной из Берлина 1-го ноября за подписью Р. М.: «Судя по твоему письму, — пишет М., — вы страдаете от холода; здесь, в Берлине, холода тоже уже чувствуются. Во всяком случае наши воины весьма достойны сожаления. Будь теперь весна, а не зима, было бы для вас гораздо лучше... Что касается грязного белья, ты можешь постоянно доставлять его нам; будет все приведено в порядок. Но я надеюсь, что этой войне скоро наступит конец. Как ты пишешь, вы не можете более употреблять свое белье. Откуда же в таких случаях вы получаете свежее? Присылают вам откуда-нибудь? Или вы щеголяете в костюме Адама?.. С этим письмом посылаю тебе папиросы; они, кажется, недурные. Может быть, вам будет теплее, если вы будете курить. До свиданья, как я надеюсь, не очень далекого».

Наиболее интересными, однако, остаются в моем собрании письма жен к мужьям. Нет в этих письмах того дешевого юмора, которым пытаются щеголять «друзья», нет общих рассуждений, скоро ли кончится война и научилась ли чему-нибудь немецкая молодежь; но есть неприкрашенная правда жизни, откровенный рассказ о тех бедах, которые выпали в Германии на долю «жен запасных». Можно сказать, что женские письма — одна сплошная жалоба, подавленная из боязни цензуры, прос-

матривающей переписку с армией, и заглушенная из желания не огорчать излишне мужа, но жалоба тягостная, которую трудно читать без волнения.

Две вещи стоят на первом месте во всех женских письмах: тревога за судьбу мужа, увеличиваемая постоянно приходящими вестями об убитых родственниках и знакомых, и забота о том, как прожить с детьми, не имея никаких доходов, не получая ни откуда помощи. О первой тревоге много говорить не приходится: это — общая участь женщин в наши дни, — в Германии так же, как в России, во Франции, в Англии... Другое дело — забота о насущном хлебе. Сколько можно судить по моим письмам, в Германии она чувствуется особенно остро, особенно живо. Страшная дороговизна предметов «первой необходимости», полное отсутствие заработков, плохая постановка государственной и общественной помощи, а больше всего жестокость, черствость и формализм во взаимных отношениях людей между собой создают в Германии обстановку особенно гнетущую, в которой женщины как бы задыхаются. В газетах уже мелькали известия о «женских бунтах» в Берлине и других немецких городах. Письма, лежащие передо мной, делают эти известия очень вероятными.

Вот в письме, отправленном, по-видимому, из деревни (конверта не сохранилось), жена пишет мужу, что их сын, маленький Фриц, уже две недели как болен, так как нельзя достать для него молока. «Ты не представляешь, как дорого стало у нас молоко с тех пор, как коров забрали». Другая жалуется, что квартирная хозяйка принуждает ее выехать из дому за неплатеж и что она тщетно искала какой-нибудь защиты. «Думаю, — сообщает бедная женщина, — переехать к бабушке. Но, ты сам знаешь, есть ли там место? Не представляю, как мы устроимся там с детьми». Еще одна подробно вычисляет свои расходы и долги; все время речь идет о суммах в $1\frac{1}{2}$ –2 марки, но пишущая усердно извиняется, что тратит так много. «Я понимаю, — говорит она, — что теперь надо жить скромнее, моя мать мне твердит то же, но я не умею сократить нужду».

Я не буду приводить однообразные выдержки из ряда таких писем. Ограничусь одной серией писем, в которой как бы слились все характерные черты других. Это — письма из Берлина к некоему Георгу Г., который, очевидно, тщательно их собирал, берег и не расставался с ними. Автор писем подписывался то своим именем, Фрида, то разными ласкательными прозвищами: «Твоя мамочка», «Твоя кошечка» и т. п. Мне жаль, что сейчас не время и на этих столбцах не место привести эти письма целиком. Кроме интереса злободневного, как «письма к врагу», они представляют и вечный интерес как «человеческий документ» исключительной ценности. Такая ясная и красивая душа женщины выступает из этих писем, что, перечитывая их, можно вынести только чувство глубокой симпатии к их автору (жене нашего «врага», убитого па нашем поле), — и это да послужит мне оправданием, если я процитирую несколько больше, чем то требуется для характеристики современной немецкой жизни...

Всех писем Фриды у меня 10. Пропуская менее значительные «открытки», я приведу выдержки из других в хронологическом порядке. Какие-либо комментарии к этим письмам мне кажутся излишними: они сами говорят за себя.

«Берлин, 29, IX, 1914. Мой глубоколюбимый Георг! Пишу тебе сегодня еще одно письмо. В субботу, 26-го, я получила от тебя открытку и сейчас же после этого по-

слала тебе посылку багажом... Надеюсь, ты получил что-нибудь из вещей; письма же надо отправлять постоянно, потому что сообщение (с армией) плохо, а твой адрес на последнем письме опять изменился. Я писала тебе уже много писем и думаю, что ты получил хотя бы половину их... Ах, мое сердце! С какой неизменной любовью думаю я о тебе! Как тяжело для меня и для тебя быть разлученными... Часто мне кажется, что этого вынести нельзя, такая тоска у меня на душе! Но вынести это надо. С течением времени становишься твердой и сильной. Итак, мой любимый, не тревожься за меня. Господь Бог нас не покинет. Бог даст, когда-нибудь придут опять счастливые дни для нас. Моя душевная любовь и Божие благословение всегда будут с тобой и последуют за тобой через все опасности, чтобы ты мог благополучно вернуться к нам... Если это тебе возможно, радость моя, пиши мне часто по несколько строк, хотя бы то было лишь одно слово, что ты здоров; и, если с тобой что-нибудь случится, тоже дай знать сейчас же и не делай каких-нибудь необдуманных вещей. Я буду сильной и твердой; ведь я еще молода. Для нас обоих еще есть будущее. Только бы ты, мой милый Георг, был жив и опять со мной... Потому что твоя смерть будет также и моей».

«Берлин, 28-го, X, 1914. Мой глубоколюбимый Георг! Твое милое письмо, открытки и 20 марок я получила, за что тысяча сердечных благодарностей. Ах, сердце мое! Как я была счастлива, снова услышав от тебя, что ты невредим и здоров. Я тоже здорова, и в мыслях — всегда с тобой; но моя любовь к тебе и моя тоска иногда совсем изводят меня. Ах, если бы ты вернулся домой! Представь себе, мой милый, это счастье, — блаженные часы, когда мы опять будем вместе... Меня очень тревожит, что ты не получил двух моих посылок; 21-го я отправила тебе третью, с съестным. Что тебе окажется ненужным из шерстяных вещей, привези с собой обратно, но, надеюсь, тебе все пригодится... Постоянной работы я все еще не получила; мне только помогают, то там, то здесь, потому работы вообще почти нет в Берлине. Надеюсь, что будущий месяц окажется удачнее... Денег из сберегательной кассы я еще не трогала, а из тех, что получаю от матери, даю ежемесячно 5 марок Краузе, так как надо же платить. Из остальных денег у меня сохранилась еще половина, так как за квартиру я не платила, — только один раз, за полмесяца. Я подала прошение в магистрат с просьбой оказать мне помощь в платеже за квартиру. В магистрате мне обещали помочь, но лишь в том случае, если плата за квартиру будет уменьшена вполчину: тогда половину буду платить я, а другую половину — магистрат. Но наша квартирная хозяйка — чудовищная женщина: она решительно отказалась сделать скидку...»

«Берлин, 3-го, XI, 1914. ...Я очень рада, что ты получил одну из моих посылок; надеюсь, что получишь и две других. В конце недели постараюсь опять послать тебе съестного... Я чувствую себя безгранично покинутой. Ни от кого не слышу я ласкового слова. Все кругом — люди лживые и лишенные сострадания. Стараюсь быть бодрой, берегу свое горе для себя одной и повторяю свои жалобы лишь четырем стенам. О, если бы хоть на минуту, мой возлюбленный, ты оказался со мной, чтобы можно мне было раскрыть пред тобой свою душу! Хочу быть постоянно твердой и не поддаваться скорби, но мне недостает опоры, а ею был ты, о мое сердце! Мое единственное счастье! Все так мертво вокруг меня, и так долго должна я быть совер-

шенно одна. Это слишком тяжело для любящего сердца. Слишком я слита с тобой и потому так глубоко все это воспринимаю... Особой нужды я не испытываю, ты об этом не беспокойся. Я устаю только потому, что целые дни хожу в поисках работы. Я должна что-нибудь зарабатывать, чтобы не делать долгов. У меня еще есть деньги, но я их берегу, чтобы тебе, когда ты вернешься, не пришлось тотчас работать... Только не забывай меня, помни, что на родине тоскует по тебе любящая тебя, верная тебе душа... С квартирной хозяйкой я должна была быть любезной. Здесь, в Берлине, видишь теперь столько несправедливости! И прежде всего в женских комитетах, заправляющих всем. Но об этом я не могу рассказывать тебе в письме; как здесь обстоят дела, я должна буду сообщить тебе устно. Есть женщины, которые получают очень много, а другие — совсем ничего. Я теперь получаю 24 марки ежемесячно: это — все, что они мне дают...»

(Листок без числа). «...С квартирной хозяйкой я должна быть в хороших отношениях, потому что с такими личностями иначе ничего не добьешься... Она соглашается скинуть 3 $\frac{1}{2}$ марки, но только за время войны. Платить ей я стала бы аккуратно, так как не хочу иметь долгов... Надеюсь, что вскоре я получу работу. А подумать, что есть немало женщин, которые не чувствуют войны! Они получают так много денег, что еще могут делать сбережения! Некоторые получают, кроме того, из тех учреждений, где служит их муж, и живут прекрасно. Бывает же счастье иным!.. А у меня скоро будет новая печаль: бабушка очень плоха. Каждый день можно ожидать конца. Врач потерял всякую надежду...»

(Листок без числа). «...С квартирной хозяйкой у меня опять был разговор. Заведующий (чиновник из магистрата?) сказал мне, что она обязана сделать скидку, потому что все квартирохозяева уменьшили плату на время войны. Он стоит на моей стороне, и мои права признаны. Самое большее, что я могу дать ей, это — 10 марок. Если она не согласится, пусть будет что будет. Не надо склонять голову, надо быть разумной! Если хозяйка привлечет меня в суд, ей там откажут. Она может заставить меня выехать, но денег она не получит. Пока же я могу еще оставаться в доме. Не вижу причин, зачем выброшу я ей столько денег, когда на время войны все квартирохозяева сделали скидку, особенно тем, у кого мужья — на войне... Ах, многого увиделась я теперь и многих людей узнала с неожиданной стороны. Так, я узнала, что г-жа Г. — также личность лживая. Эти дни страданий и горестей, показав, каковы люди, многих женщин сделают более опытными. На все смотришь теперь другими глазами. Но ты, мой возлюбленный, не беспокойся за меня: я со всем справлюсь. Наша глубокая и верная любовь друг к другу поможет нам во всех бедствиях нашего времени, и мы с решимостью их преодолеем. Ведь, наконец, придут и для нас снова счастливые дни! Я надеюсь, что мы увидимся с тобою на Рождестве, так как я очень, очень тоскую по тебе. Цветы, что ты мне подарил уезжая, еще прекрасны, только один олеандр завял...»

Может быть, это было последнее письмо Фриды, полученное ее «единственно-любимым Георгом». Не дождется она на Рождество того, кто нашел свою могилу на снежном поле под Ловичем, во «вражеской стране». Перечтя эти письма любящей женщины, невольно хочется, во имя ея, сказать: «Мир твоему праху, один из наших “врагов”!..»

Но, чтобы не оставлять читателя под грустным впечатлением, я сберег для заключения, «roug la bonne bouche»*, еще одно письмо, тоже — от жены к мужу. Написано оно не очень грамотно, по-видимому, простой женщиной, крестьянкой, так как в письме поминаются полевые работы, из местности, смежной с Польшей. Несмотря на то что положение писавшей, как кажется, действительно нелегкое и несмотря на возвышенные слова, рассеянные в ее рассуждениях, письмо производит впечатление далеко не трагическое. Трудно не заподозрить искренность всех громких восклицаний и уверений этого своеобразного послания, в котором причудливо сочетался немецкий протестантский пизтизм с немецкой простонародной практичностью. Вот наиболее характерные места этого длинного письма:

«Поломмен (?). 9, VIII, 1914. Милый муж! Я от тебя все получила и была очень рада услышать от тебя, что ты пока еще невредим и в числе живых. Благодаря милости Божией, я и дети также здоровы. Германхен тоскует по тебе и, так как он еще глуп, слышав колокол, всегда говорит: это отец идет. И мы, хотя, быть может, ты уже никогда больше не вернешься к нам, не возражаем. Мы отдаемся на волю Божию, ибо добрый Бог никогда не оставляет того, кто на него полагается. Потому всегда имею я Бога пред очами и в сердце, так как без воли Божией и волос не спадает с головы. Милый Карл! Когда пробьет для тебя последняя минута, если Бог так назначит, ты можешь радоваться, ибо умираешь смертью героя. Добрый Бог не покинет меня и детей, если мы еще останемся в жизни. Ты же не теряй мужества, ибо добрый Бог всегда с нами... В Поломмене — общая тоска и уныние, так как мы сейчас очень боимся врага. Милый муж! Шурин Август в среду вернулся; он совсем отпущен. Ковальчик также вернулся, но потом должен был отправиться снова. С твоим братом Фрицем он поехал из Гольдерта домой. Глаш явился в субботу, после обеда, одетый как солдат, но сегодня, рано утром, уехал; он стоит под Гольдергом, на польской границе... Ну, мой милый муж, я более не знаю ничего нового, но ты можешь себе представить, в каком ужасе мы здесь все живем. Мы должны прилежно работать. Рожь и пшеницу мы посеяли; твои лошади вернулись... Кончаю. Тысяча приветов от любящей тебя жены, и детей, и всех. До свидания. Если не увидимся на этом свете, то увидимся мы там, по ту сторону. Потому прошу и умоляю, полагайся твердо на доброго Бога, который уже тебя защитит. Теперь — прощай и пиши, если ты еще останешься в живых. Сегодня я была в церкви и молила Бога охранить нас».

К письму сделана наивная приписка. Добрая женщина слышала что-то о существовании двух календарных стилей, старого и нового, но не разобрала хорошенько, в чем дело. Зная, что ее муж — в России, где принят другой стиль, она спрашивает его на полях письма: «А что, у тебя сегодня тоже воскресенье?» — «Hast du auch heute Sonntag?»

...Таковы эти письма, написанные к тем, кого более нет в живых, письма к нашим врагам. Житейские мелочи, которым посвящены эти письма, бывают иногда красноречивей всяких событий. Мы видим из этих писем, что невесело живет немецкому солдату и невесело его жене, оставшейся дома. Солдаты терпят от голода, от холода, от недостатка табаку; их жены мучительно борются с нуждой, а общественная помощь («дамские комитеты», которые «заправляют всем») достается на долю только

* на закуску (*фр.*)

избранных счастливец... Но не это самое важное в собранных мною письмах. Как ни случайно и как ни мало мое собрание, все же разве не поразительно, что из 60-ти писем не оказалось ни одного, которое было бы полно энтузиазма, великих надежд, веры в национальное дело? Тон всех писем — унылый, подавленный, и только у праздных берлинских гуляк, глазающих с любопытством на пленных французов, проскальзывают две-три самодовольные фразы... Германия инстинктивно чувствует, что дело ее проиграно и что, как нет ничего радостного в ее настоящем, так нельзя ей ждать ничего хорошего и в близком будущем.

Мимоходом

I. Опять аэропланы

Через два-три дня Варшава справляет Рождество (в Польше принят новый стиль). Обычного предпраздничного оживления в этом году в городе почти нет. Очень многие семьи принципиально отказались и от елки, и от всякого празднования. Все же на улицах больше народа, чем в обычные дни. В магазинах — толкотня; дрожки все разобраны.

Но вот выдался ясный день среди дождливых и снежных, завернувших к нам за последнюю неделю. И тотчас над Варшавой вырисовываются четкие очертания немецких «голубей». Немцы словно нарочно хотят досадить варшавянам перед праздником. Ведь им решительно нечего «разведать» в городе, над которым они летали уже столько раз.

Вражеский аэроплан — не новость для варшавян: много они перевидали воздушных разбойников за эту войну. Но зато варшавяне хорошо знают, чего можно ожидать от летающих немцев. Легкое смятение пробегает по всем улицам, с одного конца города до другого. Прохожие останавливаются, всматриваясь ввысь; соседи обмениваются друг с другом замечаниями; одно чувство охватывает всех.

Замечательно, что не только паники, но даже сколько-нибудь значительного волнения теперь не замечается никогда. Несколько более нервных дам и более осторожных мужчин укрываются под воротами. Но и оттуда они каждую минуту выбегают на внутренний двор поглядеть на аэроплан. Большинство остается на улице; люди стоят «шпалерами» вдоль тротуаров, закинув голову вверх. А многие идут своей дорогой дальше, по своим делам.

— Смотрите! Смотрите! Вот негодяй! Опять летит к Саксонскому саду!

— Нет, он — прямо сюда, на Новый Свет.

— И ведь не уйдет, пока не расшвыряет все свои бомбы!

Беседующие словно забывают, что сами стоят на Новом Свете и что немецкая бомба угрожает им самим, — так поглощают наблюдения за эволюциями летчика. С прусским упрямством немец описывает над городом большой круг, выбирая место, куда бросить бомбы. Аппарат движется плавно, не увеличивая и не уменьшая скорости.

«Бум-бум!» — начинается обстрел аэроплана с варшавских фортов. То там, то здесь взлетают в небо словно туго замотанные клубки белого дыма. Остановившись, они быстро распутываются в синеве, а потом начинают медленно таять, разливаясь

белесоватым паром. Не растаял еще один клубок, как уже взлетели два других, третий, четвертый. Над всеми крышами — эти мотки шрапнельных выстрелов.

Напряжение толпы достигает высшей точки. Люди пьются к стенам, взбираются на ступеньки подъездов, перебегают на другой тротуар, чтобы лучше видеть. Охота по немецкому «голубю» увлекает всех. «Собьют» его или нет? Ах, если бы удалось, — в этом порыве сливаются все; русский и поляк, поляк и еврей, солдат и купец, богатый и бедный, — эти различия исчезли сразу.

— Глядите, пане, закачался, закачался! — не думая, к кому он обращается, восклицает какой-то паренек.

— Нет, это он поворачивает, — объясняет молодой еврей в традиционном картузе, с такой же традиционной черной бородой.

— Две бомбы бросил, на -ской улице, — деловито объясняет господин, который стоит в пролетке, остановив извозчика.

Тотчас маленькая толпа окружает дрожки. «Откуда вы это узнали?», «Верно ли?», «Были убитые?». Господин что-то объясняет по-польски. Но в такие минуты слухи рождаются сами собой, и им нельзя особенно доверять.

«Бум-бум!» — рвутся в лазури белые дымки шрапнелей. Дамы, вздрагивая, затыкают уши. Еще кое-кто, не выдержав, укрывается в ближайшем магазине. В аптеках раздают валериановые капли самым взволнованным.

Немец уже уходит. Силуэт аэроплана начинает уменьшаться и превращается в одну черточку. Но вдруг эта темно-серая черточка закачалась в бледно-синем небе. Аэроплан «клюнул» и быстро-быстро опускается. Только тогда происходит на улицах смятение. Все кричат и бегут, перегоняя друг друга. Впрыгивают в свободные дрожки и погоняют возницу; впрыгивают и в экипажи уже занятые, к незнакомым людям: едут вместе, и никого это не удивляет. Извозчики гонят лошадей вскачь. Мальчишки, выбирая путь попрямее, пробегают дворами и перелезают через заборы.

— Упал! Упал!

С каждой улицей бегущая толпа увеличивается. Почти несомненно, что никто ничего не увидит: аэроплан упал где-то далеко за городом, и всем придется возвращаться ни с чем. Но все равно. Надо как-нибудь излить порыв охватившей всех радости: если не удастся увидеть самому, можно будет хотя бы расспросить очевидцев или знающих дело.

Небольшая группа замедлила в Саксонском саду. Здесь воздушный разбойник сбросил-таки бомбу, по счастью не причинившую вреда людям. У одного дерева сломано несколько веток; ствол другого «забрызган» пульками. В земле — небольшая ямка: место, куда ударила бомба; любопытные ползают на коленях, собирая «на память» ее осколки. И опять все говорят друг с другом, все стали знакомыми, близкими.

Не знаю, чего добьются в конечном счете немцы бомбардировкой Варшавы с высоты. Пока они достигли одного: пробудили в населении живое чувство солидарности, заставили жителей Варшавы пред лицом общего врага чувствовать себя детьми единого, родного всем города.

10-го (23-го) декабря, Варшава

Мимоходом

II. На питательном пункте

Уже темно, и наш автомобиль беспомощно стоит на грязной площадке довольно большого поселка. Обращаемся к случайным прохожим с расспросами, где здесь «питательный пункт», но никак не можем добиться толку. Польский крестьянин — не в обиду будь ему сказано — соображает медленно. Кроме того, «питательный пункт» — такое мудреное слово. Напрасно наш шофер-поляк и один из нас, свободно говорящий по-польски, пытается разъяснить это понятие:

— Там, где солдат кормят. Где живут заведующие кухней. Куда приходят солдаты обедать.

— Кормят? Кухня? Обедать?

Переспросив, крестьянин задумывается. Мы ждем с напряжением, он же, вдруг приняв решение, спокойно поворачивается и молча уходит от нас.

— Я знаю, паны, я! — выскакивает из темноты еврей.

Он взбирается на подножку автомобиля и указывает дорогу. Мы колесим по темным закоулкам, вязнем в грязи, но всё не можем попасть, куда следует. Выручает встречный солдат, который просто и толково объясняет нам, где находится «питательный пункт».

Через несколько минут мы — в теплой комнате, ярко освещенной лампой-молнией. Вдоль стен целыми горами наложены ковриги свежее испеченного хлеба, и его приятный запах дразнит нас, проголодавшихся путников. Представляемся хозяевам «пункта», из которых только один — знакомый одного из нас. Все — молодые офицеры, которые, видимо, рады неожиданным гостям, вносящим разнообразие в одноцветную жизнь.

Вскоре на столе уже расставлены стаканы чая, закуска и даже, ради исключительного случая, маленькие стаканчики вокруг как-то уцелевшей бутылки венгерского. Беседа оживляется быстро. Нашлись общие знакомые по Петрограду и Москве. Мы раздали газеты, привезенные из Варшавы, рассказываем, что видели и что знаем о войне. Эти рассказы как-то омрачают наших хозяев.

— А мы здесь словно за тысячу верст от войны, — огорченно говорит один из офицеров. — Товарищи дерутся, гонят немцев, а мы как засели в этой деревушке, так и ни с места. Не весело, право!

Мы пытаемся возражать, что они исполняют тоже полезное, важное для армии дело, но сами понимаем, что это — плохое утешение.

— Поверите, — продолжает офицер, — когда к нам попадает партия раненых, я им завидую. Они выполняли свое, военное дело, а мы? Разве не могли бы вместо нас «питать» солдат лица штатские? Для чего же мы изучали военные науки? Зачем всю жизнь готовились к военному делу? Обидно, досадно, стыдно.

Он говорил еще долго на эту тему с увлечением, с негодованием. Но я привожу здесь его слова не потому, что согласен с ними. Напротив, мне кажется, что никто не сумеет заведовать «питательным пунктом» лучше, чем офицер. Кроме того, не естественно ли, что военное ведомство поручает такие обязанности лицам, состоящим на действительной службе, которые ему подчинены, а не сторонним, которые были бы связаны лишь договором. Но я привожу эти жалобы офицера как пример

того настроения, которое одушевляет нашу армию. В другое время, в другой стране нашлись бы люди, которые стали бы усиленно искать таких «безопасных» должностей, как «заведование питательным пунктом», в стороне от всяких боев, далеко от неприятельских пуль и шрапнелей. А наши офицеры *тяготятся* своей безопасностью, *завидуют* раненым.

При таком настроении армии никакой враг нам не страшен.

III. В Плоцкой губернии

В начале войны, в августе и сентябре, я объехал всю Плоцкую губернию, — не быстро промелькнул по ней в автомобиле, но объехал медленно на лошадях, проводя целые дни и ночуя в усадьбах у помещиков, к которым у меня были рекомендательные письма. Побывал и в городах, которые стали известны потом по боям, бывшим под ними: в Цеханове, Прасныше, Макове, Хоржеле, также оставаясь в них подолгу, присматриваясь к местной жизни. Мне понравился этот край, лежащий в стороне от больших дорог, в котором сохранились старинные помещичьи гнезда и весь уклад старопольской жизни. Еще встречались там типы, словно вышедшие из романов Крашевского и Сенкевича, и, несмотря на фабрики, быстро заполняющие губернию, еще далека была от нее напряженная суета Варшавы или Лодзи.

Когда я проезжал по тем местностям, там только ожидали немцев с понятной тревогой, вспоминая о судьбе Калиша и Ченстохова. Настроение населения было, однако, бодрое. На словах и на деле все, от помещиков до крестьян, были готовы жертвовать всем ради успеха в борьбе с врагом. На моих глазах помещики безропотно отдавали в армию последних лошадей и подводы, необходимые им самим для окончания полевых работ. «Пусть берут всё, только бы мы победили!» — говорил мне один молодой землевладелец из-под Прасныша. Крестьяне столь же безропотно отбывали разные повинности и щедро раздавали проходившим солдатам все, что находилось в доме, — хлеб, молоко, яйца, масло, — не желая брать за это платы.

С тех пор оправдались самые черные предчувствия. Немцы совершили, не считая малых набегов, три больших нашествия на Плоцкую губернию. Последнее отражено только на этих днях. Край опустошен; города разрушены артиллерийскими боями и разгромлены; деревни частью сожжены, и в них взято все, что можно было взять; усадьбы также сожжены и разграблены; тысячи жителей бежали в Варшаву, в другие польские города и в «империю». Уничтожены остатки старины, и ей уже не воскреснуть; когда страна вернется к жизни, это будет новая промышленно-суетливая жизнь, которая сосредоточится вокруг заводов и фабрик...

Мимоходом

IV. Один из героев

В Варшаве в настоящее время гостит штаб-ротмистр Г. Месяц назад его имя не сходило со столбцов газет. Это под его руководством наши блиндированные автомобили 20-го ноября одержали над немцами замечательную победу под Пабианицами, близ Лодзи. Командный состав трех автомобилей (двух блиндированных и одного

автомобиля-пушки) состоял из 10-ти человек. [...] И эти силы опрокинули ни более ни менее как четыре германских полка, т. е. в общей сложности, как ни поредел теперь у немцев состав армейских частей, 6–7 тысяч человек, а может быть, и больше.

Мне удалось недавно беседовать со штаб-ротмистром Г. Это — еще молодой человек; у него острые, живые глаза, маленькие, черные, приподнятые вверх усики, выражение лица скорее добродушное, склонное к улыбке. Глядя на него, сразу чувствуешь, что это — интересный собеседник, вероятно, прекрасный товарищ, но трудно угадать, что это — человек исключительного мужества и поразительного хладнокровия. Между тем Г. принадлежит к числу тех «фантастических» людей, о которых мне уже случилось писать, воплощающих в наши дни в жизни вымышленные типы Майн Рида, Жюль Верна, Райдера Хаггарда. Мало того: Г. — даже наиболее характерный их представитель, потому что сознательно, по доброй охоте ищет опасных предприятий, любит их, увлекается ими.

Внешняя сторона подвигов (иначе нельзя сказать) штаб-ротмистра Г. была описана много раз (между прочим, и в телеграмме «Петроградского Агентства»). Поэтому меня интересовали не столько подробности событий, пережитых Г., сколько его психология. Мне хотелось выяснить в разговоре, что испытывают люди, подобные ему, в те минуты и даже часы, когда они, понимая это, беззаветно рискуют жизнью, когда все для них зависит от быстроты сообразительности и от присутствия духа, а также и от слепого случая. Г. очень охотно и, так сказать, добродушно отвечал на мои, может быть, нескромные расспросы, и самая простота ответов была залогом их искренности.

Г. служил раньше капитаном подводного плавания. К этому занятию привлекла его тоже фантастичность самого дела. Он с увлечением рассказывал, как спускался в скафандре в водную глубь, как гулял по морскому дну, как наблюдал тайны чуждой нам стихии. Г. жалел лишь об одном: что физическое строение человека не позволяет ему спускаться в море достаточно глубоко; приходится довольствоваться несколькими саженями глубины, тогда как хотелось бы посетить дно океана, подсмотреть жизнь неведомых бездн, кататься на подводном автомобиле (есть такие) среди развалин древней исчезнувшей Атлантиды...

Когда началась настоящая война, Г. сразу понял, что она может удовлетворить его любовь к необыкновенному, что на ней можно будет увидеть и испытать нечто такое, что потом станет уже невыносимым в жизни. Не без затруднений удалось Г. сменить тот мундир, который он тогда носил (преподавателя в одном военном учебном заведении), на мундир штаб-ротмистра действующей армии. Надо было хлопотать, добиваться; но Г. преодолел все, потому что «великая война» влекла его к себе неодолимо. Зная автомобильное дело, Г. вступил в нашу автомобильную роту, а затем получил в свое командование блиндированные автомобили.

Ожидания Г. оправдались. Война действительно дала ему возможность пережить длинный ряд «необычайных приключений». В сущности, все время войны было для него одним сплошным необычайным приключением, за исключением тех недолгих дней, когда надо было лечиться от раны или заботиться в каком-нибудь большом городе о снабжении автомобилей нужными принадлежностями. Случаев изведать необыкновенное представлялось так много, что оставалось только выбирать наибо-

лее соблазнительные. И Г. выбирал то тот, то другой, «испытывая судьбу» и подставляя свою жизнь под все более и более роковые опасности.

Когда после одного из своих отчаянных предприятий Г. возвращался к товарищам невредимым или легко раненым (как, например, в бою под Пабианицами, где он был ранен в шею), те говорили ему:

— Перестань играть с огнем. Не может это каждый раз сходить с рук. Если уж сегодня остался жив, значит, в следующий раз не уцелеешь. «Но я, — говорил мне Г., — немного фаталист. Я уверен, что то, что должно случиться, случится, как от того ни укрывайся, особенно смерть. День ее для каждого человека заранее назначен. Если я пошел на войну, то с тем, чтобы видеть ее всю, провести ее до конца. Что интересного уходить с середины такого замечательного представления».

Оправдывая свой фатализм, Г. привел несколько случаев.

В бою под Пабианицами, когда его помощники стреляли по его указаниям из пулеметов, сам Г. наблюдал за движениями немцев сквозь особое, закрывающееся окошечко. Вражеская пуля ударила около самого окошечка, так что осколками разбитого стекла поранило лицо Г. Возьми немец прицел на миллиметр в сторону, эта пуля попала бы в глаз Г., и он был бы убит. Эта «случайность» произвела на него сильное впечатление.

В конце того же боя наши автомобили оказались подбитыми артиллерийским огнем врага. Они уже не могли двигаться сами. Оставив несколько человек внутри автомобилей, чтобы продолжать отстреливаться, Г. с десятью помощниками вышел наружу и покатил свою машину (автомобиль-пушку) к нашим позициям. Налегши плечом, крепко упираясь ногами, смельчаки с большим трудом, «шагом», подвигали вперед страшно тяжелый автомобиль. В это время немцы, хотя и отступая, засыпали их градом пуль. На помощь к автомобилистам бросились солдаты ***ого батальона; но первый подбежавший тотчас, взмахнув руками, упал, сраженный насмерть; другой и третий упали тяжело раненные. А из десяти смельчаков, совершивших под пулями весь путь, только немногие были ранены и притом легко: все дошли до позиции, докатив автомобиль. Такой случай действительно может сделать фаталистом.

Во время одной из разведок на автомобиле Г. приблизился к деревне, о которой не было известно, занята ли она немцами или нашими. Из окопов открыли по автомобилю ружейный огонь. [...] Г. некоторое время не решался отдать приказ стрелять в ответ из пулемета. Помощники Г., находившиеся внутри автомобиля, были под защитой брони, сам же он, стоя и оглядывая в бинокль окрестности, представлял прекрасную мишень для прицела, так как верх машины был открыт. Пока вполне выяснилось, что деревня занята немцами, прошло несколько минут, в течение которых Г., по грудь выступавший из-за брони, служил единственной целью стрельбы. Но ни одна из сотен, если не тысяч пуль не коснулась его. Это уже близко подходило к предопределению.

Я поинтересовался, какой случай из всей деятельности Г. на войне произвел на него наибольшее впечатление. В ответ он рассказал еще одно свое «маленькое» приключение.

При вторичном наступлении немцев на Лович необходимо было выяснить, как далеко они успели продвинуться. На разведку отправился Г. на простом (неблинди-

рованном) автомобиле. Он миновал наши передовые позиции, на которых ничего не было известно о местонахождении неприятеля, потом миновал и деревню, указанную как последний этап разведки, но и там еще не было признака немцев. Г. решил ехать дальше и незаметно, летя со скоростью верст 70 в часть, оказался в другой большой деревне. Солдат, исполнявший обязанности шофера, вдруг остановил мотор и шепнул Г.: «Ваше благородие, здесь немцы». Действительно, поблизости стояли два германских кавалериста; подалее виднелась целая их группа. По счастью, на нижних чинах, бывших с Г. (кроме шофера, в автомобиле сидело еще двое солдат с винтовками), надеты были автомобильные шлемы, издали похожие на прусские каски. Но на самом Г. была папаха. Немецкие кавалеристы изумленно смотрели на неожиданно влетевший в деревню автомобиль и, кажется, склонны были думать, что это их товарищи привезли какого-то пленного в папахе. Сразу сообразив положение, Г. приказал шоферу повернуть автомобиль, однако неторопливо, без всякой тревоги, что и было исполнено. Немцы продолжали недоумевать, но потом два всадника тронули лошадей, направляясь к автомобилю. Было уже поздно. Г. приказал стрелять, целясь в лошадей, так как у него мелькнула мысль не только уйти, но и захватить пленных. Последнее было, однако, уже «чересчур»; немцы от выстрелов увернулись, но и автомобилю пришлось поспешно уходить от скакавших на него кавалеристов. Разумеется, лошади не могли догнать мотора, и Г. опять невредимо вернулся из разведки.

Этот эпизод Г. рассказывал с истинным увлечением. Его прямо восхищала мысль, что на автомобиле можно неожиданно ворваться в самое расположение немцев. «После того я несколько раз пытался сделать то же, — говорил Г. — Пока все как-то не удавалось, но я не теряю надежды».

Замечательно, что, описывая это свое приключение, как и предыдущие, Г. оставлял в тени то самообладание, которое одно позволило ему спастись из опасного положения. Напротив, он подчеркивал странность, причудливость самого стечения обстоятельств. Это, может быть, даст ключ к психологии и людей, подобных ему. Постоянное присутствие духа, хладнокровие составляют самую сущность их. Это создает в них потребность найти применение ему; их привлекает опасность как возможность проявить то, в чем их сила. Обычная, повседневная жизнь не дает простора, где могла бы в полной мере обнаружиться их способность соображать сразу, спокойно рассуждать при самых исключительных обстоятельствах, мгновенно, без колебаний и бесповоротно, принимать важные решения. И вот, чтобы удовлетворить благородную потребность своего духа, эти люди идут на службу в подводные лодки, в авиаторы, в разведчики, влекутся на войну, позволяющую им быть вполне самими собой.

В параллель можно поставить людей, обладающих от природы умом, склонностью к диалектике. Такие люди жадно рвутся в спор, добиваются его, ищут искусных спорщиков, чтобы помериться с ними силами. Напомню пример А.С. Хомякова, который по всей Москве разыскивал умелых спорщиков, ездил к неизвестным студентам, о которых слышал, что они «хорошо спорят». Нет надобности говорить, что такое объяснение отнюдь не умаляет огромных заслуг людей, подобных штаб-ротмистру Г., и нашего восхищения их героическими подвигами. Так и любовь к спорам А.С. Хомякова нисколько не умаляет нашего уважения к нему как к мыслителю.

Желая проверить свое понимание характера Г., я в конце беседы спросил его, неужели при всем своем фатализме он не чувствует некоторого волнения, находясь под огнем.

— К огню легко привыкаешь, — ответил он. — К тому же артиллерийский огонь не особенно опасен. Снаряды крупного калибра производят сильное впечатление лишь на простых людей, на солдат, но больше своим шумом и грохотом. Человек интеллигентный скоро замечает, что снаряды летят сравнительно медленно [...].

«Да, — подумал я, — это очень просто для таких людей, как Г., но не всякий способен воспользоваться его советом».

В самом деле, какое нужно присутствие духа, чтобы по звуку летящей шрапнели или гранаты угадывать, где она упадет, и соответственно тому вовремя менять место! Или, чтобы, замечая, где падают неприятельские снаряды, вовремя передвигать свой автомобиль то на 100 шагов вперед, то на 300 назад! Только Г. и подобные ему способны выполнять такие маневры под дождем пуль, среди грохота и огня боя. Да будут же эти строки данью моего восхищения перед спокойным мужеством Г., уже оказавшим нашей армии ряд неоценимых услуг!

Варшава, 22-го декабря

КОММЕНТАРИИ Путь на запад

Рус. вед. 1914. № 189 (19 авг.). С. 2.

Александровская дорога — железнодорожная линия на запад от Москвы, главный путь к Смоленску и далее до границы с Белоруссией. Участок Москва–Смоленск был открыт в сентябре 1870 г., участок Смоленск–Брест — в ноябре 1871 г. Эта дорога получила название Московско-Брестской, а в честь столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. стала именоваться Александровской.

...местные издания «Телеграмм С.-Петербургского Агентства»... — Санкт-Петербургское телеграфное агентство, созданное при Совете министров (1909). 18 августа 1914 г. переименовано в Петроградское телеграфное агентство (ПТА). Телеграммы с новостями от агентства отправлялись в Европейскую и Азиатскую Россию. В годы войны широким спросом пользовались местные издания «Телеграмм С.-Петербургского (Петроградского) Агентства».

...художником *М.Ф. Ларионовым*. — Михаил Федорович Ларионов (1881–1964) — русский художник, один из основоположников русского авангарда. В 1914 г. был призван на военную службу в связи с началом Первой мировой войны, вскоре комиссован по ранению.

В Вильне

Рус. вед. 1914. № 191 (21 авг.). С. 4.

«Гроза военной непогоды»... — Цитата из драматической поэмы В.А. Жуковского «Орлеанская Дева» (1821).

Вильно (до 1918 — русск. Вильна, в 1919–1939 — Вильно, польск. Wilno) — ныне Вильнюс — столица и крупнейший город Литвы.

Вильна «стародавняя» (как ее назвал Ф. Тютчев)... — В. Брюсов упоминает стихотворение Ф.И. Тютчева «Над русской Вильной стародавней» (1870) («Над русской Вильной стародавней / Родные теплятся кресты...»). «Вильна стародавняя» упоминается также в стихотворении Брюсова «В Вильно» (1914): «У ног «стародавняя Вильна», — / Сеть улиц, строений и крыш...».

Оба кафе Штралья... — в Вильне (Вильнюсе) находилась сеть кофеен владельца Штралья, которые различались по цветовой гамме внутренних интерьеров — отсюда и название — «Белый Штраль» (Балтасис Штраль), «Зеленый Штараль» (располагался на Георгиевском проспекте) и «Красный Штраль» (это кафе находилось неподалеку от «зеленого»), излюбленное место встречи литовской интеллигенции; вероятно, Брюсов имеет в виду два последних.

В садах «Бернардинском», «Ботаническом», «Швейцарском» по вечерам опять много публики... — Парки города второй половины XIX в. Они были открыты для прогулок горожан, некоторые из них были платными. Там находились деревянные декоративные строения.

Ковно (русск. Ковно, Ковна; лит. Kaunas; белорус. Коўна; польск. Kowno) — ныне Каунас — второй по величине и значению город Литвы.

Память о победе при Грюнвальде... Речь идет о Грюнвальдской (Танненбергской) битве — решающем сражении «Великой войны» (1409–1411), произошедшем 15 июля 1410 г. между союзным польско-литовским и тевтонским войсками. В этой битве Союз Королевства Польского и Великого княжества Литовского под предводительством короля Владислава II Ягайло и великого князя литовского Витовта одержал решающую победу над войском Тевтонского ордена.

...поэта Реперта-Чарноцкого — Из польских поэтов начала XX в. с двойной фамилией обнаружено лишь имя Вацлава Денгоф-Чарноцкого.

Рассказы очевидцев

Рус. вед. 1914. № 192 (22 авг.). С. 2.

...раненый ~ при Марграбове... — Марграбов — небольшой город в Восточной Пруссии.

Блиндированный автомобиль (устар.) — броневой, панцирный автомобиль, в просторечии — броневик. Как правило, за основу взят грузовик, позднее специальный автомобиль, оснащенный броней и вооружением, пулеметным или пушечным. Появился перед Первой мировой войной в различных государствах.

Проездом через Варшаву

Рус. вед. 1914. № 195 (26 авг.). С. 3–4.

...о калишских подвигах... — По названию польского города Калиш на реке Просна. В 1914 г., после интенсивной немецкой бомбардировки, город был разрушен на 85 %, а число жителей сократилось с 70 000 до 5000.

Краковское предместье — один из красивейших проспектов Варшавы.

«Цукарни» — кафе (польск. *zukunft*).

...побывали в Лодзи... — Лодзь была самым большим уездным городом Российской империи (в Петроковской губернии); отличалась многонациональным населением. Немецкие войска вступили в Лодзь 20–21 августа, однако вскоре были выбиты русскими частями, но ненадолго; в ноябре–декабре на этой территории проходила «Лодзинская операция», шли тяжелые бои, в ходе которых погибло около 200 тыс. человек.

...при так называемом «обывательском комитете» города Варшавы... — Ср. в показаниях А.Р. Ледницкого: «Уже 26 июля в Москве, а затем и во всех других городах, а с самого начала в Варшаве, образовался центральный обывательский комитет. Образовался он путем кооптации, под председательством варшавского генерал-губернатора Любимова, из лиц польских общественных организаций, представлявших центр, а в разных других городах стали образовываться польские комитеты, которые поставили своей задачей проявлять внимание к интересам войны и стали образовывать всюду польские лазареты и общие комитеты, направленные на заботы о воинах» (Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7).

...декларация польских прогрессистов... — Скорее всего, речь идет о позиции Польской прогрессивной партии (ППП). Во время Первой мировой войны польское общество разделилось на два лагеря, ориентирующихся на один из двух военно-политических блоков, сложившихся в Европе. Значительная часть партий и политических группировок рабочего, крестьянского и молодежного движения Королевства Польского делала ставку на Австро-Венгрию. Сюда относятся и польские «прогрессисты». Другой блок партий рассчитывал на победу Антанты и на объединение польских земель в составе России.

...в польских провинциях Пруссии... — Имеются в виду населенные пункты нынешнего Великопольского воеводства Польши (г. Познань и др.).

Бои под Люблином

Рус. вед. 1914. № 197 (28 авг.). С. 3.

Люблин (Lublin) — крупный город Польши, на реке Быстрице — левом притоке Вепжа.

Замостье — русифицированная форма названия польского города Замосць (*Zamość*), в Люблинском воеводстве Польши.

Красностав (Krasnostaw) — уездный город Люблинской губернии, на реке Вепрь (Вепрж).

Целью движения был, по-видимому, Ивангород. — Имеется в виду Ивангородская крепость (Twierdza Dęblin) — русская крепость XIX в. возле города Демблин. Возле крепости шли упорные бои между русскими и немецкими войсками, крепость была опорным пунктом русских войск во время Варшавско-Ивангородской операции.

...люблинским губернатором Келеповским... — В 1912–1914 гг. губернатором г. Люблин был Аркадий Ипполитович Келеповский (1870–1925), политик и общественный деятель.

В варшавских госпиталях

Рус. вед. 1914. № 198 (29 авг.). С. 2.

...на *Петроградском вокзале*. — До 1914 г. — Петербургский вокзал в Варшаве; с началом войны был переименован в Петроградский вокзал; в 1915 г. был взорван при отступлении русскими войсками.

...г-н *Веловейский*... — Речь идет о Юзефе Веловейском (Józef Wielowieyski, 1879—1951), дипломате, юристе, общественном деятеле.

...объяснения мне давал г-н *Зельверович*... — Александр Зельверович (Alexander Zeiwegowicz, 1877—1955), польский актер, театральный режиссер и педагог. С 1913 г. был актером и режиссером в Объединенном театре и в Театре Польски (Варшава). Во время своего пребывания в России в 1908 г. встречался с А.М. Горьким и К.С. Станиславским, что оказало большое влияние на его творчество.

...так называемых «*скалтов*» — членов известных «*гимнастических*» *Обществ*... — Скорее всего, речь идет о польских скаутах (от *англ.* Boy-skout) — членах детских и юношеских спортивных организаций.

...в помещении *Суворовского кадетского корпуса*. — В 1899 г. в Варшаве по указу императора Николая II был учрежден Варшавский кадетский корпус; в 1900 г. корпус был переименован в Суворовский. В Варшаве он занимал целый огромный квартал, расположившийся в одном из лучших мест города, фасад здания выходил на Уяздовскую аллею. С началом Первой мировой войны Суворовский кадетский корпус был эвакуирован в Москву.

...в *дортуарах кадетов*. — Как правило, так называли общую спальню для учащихся в закрытых учебных заведениях (от *фр.* dortoir).

...находится в заведовании *Ордена сестер «шариток»*... — Орден сестер милосердия св. Винсента де Поля — религиозное женское общество (1633), способствовавшее открытию широкой сети больниц «Шарите» сначала во Франции, а затем в Польше (от *фр.* charité — благотворительность).

...помещение *Уяздовского госпиталя*... — Военный госпиталь разместился в Уяздовском замке, бывшей резиденции короля Августа II; здание расположено между Уяздовским и Лазенковским парками.

Полтораста верст по Восточной Пруссии

Рус. вед. 1914. № 199 (30 авг.). С. 2.

Тени

(Письмо из Варшавы)

Рус. вед. 1914. № 201 (2 сент.). С. 2.

Новогеоргиевская крепость — крепость XIX в., в 30 км от Варшавы, носившая такое название с 1834 г. (Twierdza Modlin). Во время Первой мировой войны эта значительно устаревшая крепость стала препятствием на пути движения значительных сил немцев.

Нейденбург (нем. Neidenburg) — ныне Нидзица (польск. Nidzica), город в Польше, входит в Варминско-Мазурское воеводство; во время войны считался воротами на Мазуры.

...прекрасная статья А. Святоховского «Поляки и война»... — Вероятно, Брюсов имеет в виду польского писателя, публициста, философа, историка, общественного и политического деятеля Александра Святоховского (Aleksander Świętochowski, 1849–1938).

...блестящая статья И. Вейсенгофа... — Скорее всего, имеется в виду польский прозаик, поэт и литературный критик Юзеф Вейсенгоф (Józef Weyssenhoff, 1860–1932).

Деление Польши после утраты политической независимости на три части, принадлежащие трем различным государствам... — Раздел территории польско-литовского государства (Речи Посполитой) произошел в период с 1772 по 1795 г., территории были разделены между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией.

...историческое воззвание Верховного Главнокомандующего... — Верховный главнокомандующий Российской армии император Николай II в воззвании к польскому народу 1 августа 1914 г. обратился с призывом к единению:

«Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благовую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет к вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врагов при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение креста — символ страдания и воскресения народов».

(См. также: *Ольшамовский Б.Г.* Значение воззвания 1 августа 1914 г. верховного главнокомандующего к полякам и вопросы, возникающие из него и последующих событий. Пг., 1915.)

...сказать словами поэта о «последней туче рассеянной бури»: «Довольно, сокройся: пора миновалась!» — Упоминаются строки из стихотворения А.С. Пушкина «Туча» (1835): «Последняя туча рассеянной бури! / Одна ты несешься по ясной лазури ~ Довольно, сокройся! Пора миновалась...»

«Телеграмма»

Рус. вед. 1914. № 206 (7 сент.). С. 4.

В Северной Польше

Рус. вед. 1914. № 208 (11 сент.). С. 2–3.

Плоцкая губерния — губерния с центральным городом Плоцк (Płock), расположенным на Висле, примерно в 100 км к северо-западу от Варшавы.

Ломжинская губерния — губерния с центральным городом Ломжа (Łomża), расположенным к северо-востоку от Варшавы.

Прасныши (или Прасныш, Przasnysz) — уездный город Плоцкой губернии, на правом берегу реки Лыдни, притока Виры. Здесь произошло крупное сражение на Восточном фронте, известное как Праснышская операция.

Цеханов (Ciechanów) — уездный город Плоцкой губернии.

Русско-германская граница

Рус. вед. 1914. № 209 (12 сент.). С. 2–3.

Новорадомск, Радомск (точнее, Радомско, Radomsko) — до 1922 г. Ново-Радомск (Nowo-Radomsk), уездный город Петроковской губернии, ныне входит в Лодзинское воеводство.

Петроков (Piotrków) — центральный город Петроковской губернии, на реке Страве.

Поездка в Пултуск

Рус. вед. № 1914. № 210 (13 сент.). С. 5.

Пултуск (Pułtusk) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Нарев (Narew) — река в Северо-Восточной Польше и в Западной Белоруссии, правый приток Вислы.

Вышков (Вышкув, Wyszków) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Маков (ныне Макув-Мазовецкий, Maków Mazowiecki) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

«Телеграмма»

Рус. вед. 1914. № 211 (14 сент.). С. 2.

К бою под Красником

Рус. вед. 1914. № 212 (16 сент.). С. 2.

Красник (Kraśnik) — город в Польше, входит в Люблинское воеводство.

Янов — точнее, Янув-Любельский (Janów Lubelski), город в Польше, входит в Люблинское воеводство.

Томашов — точнее, Томашов-Мазовецкий (Tomaszów Mazowiecki), населенный пункт Лодзинской губернии.

Холм — историческое русское название города, носящего ныне имя Хелм (Chelm), Люблинского воеводства.

Вепрж — река в Польше, правый приток Вислы.

...из Келецкой губернии... — Губерния получила название от города Кельце (Kielce).

...стяжавший печальную славу, ныне полковник, Прейскер. — С именем Прейскера связывают начало военных действий германской армии. С момента объявления войны, 19–20 июня (1–2 августа н.ст.) из приграничного г. Калиша выехали должностные лица Российской империи, а вслед за ними и российские военные; практически сразу же, 20 июля, город был занят батальоном 155-го пехотного Прусского полка под командой майора Прейскера. В городе начались зверства и погромы, было убито и ранено много мирного населения.

...тянулась от Опольц до Туробина, через Красник... — Город Ополе (Opole) расположен на реке Одер; Туробин (Turobin) — населенный пункт Люблинского воеводства.

Сан (San) — река на юго-востоке Польши, правый приток Вислы.

...нанесено поражение генералом Рузским... — Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного и Военного советов. В начале Первой мировой войны командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, затем командовал Северо-Западным фронтом, 6-й армией и Северным фронтом.

Поездка в Ярослав

Рус. вед. 1914. № 214 (18 сент.). Экстренное прилож. С. 1; то же: № 215 (19 сент.). С. 2.

Ярослав (Jaroslaw) — город на юго-востоке Польши, входит в Подкарпатское воеводство.

Бризантные гранаты — ручные гранаты разрывного действия, обладающие дробящим эффектом (корпус разрывался на части).

Из Варшавы в Ярослав

І. Люблин

Рус. вед. 1914. № 217 (21 сент.). С. 2–3.

Люблинская уния — соглашение 1569 г. об объединении Польши и Великого княжества Литовского в одно государство — Речь Посполитую (*польск.* Rzeczpospolita, букв.: республика). Понятие «уния» (от *позднелат.* unio — единение) означает союз (общность) государств, возглавляемый одним монархом (монархическая уния).

...в великой Галицийской битве... — Речь идет об успехах русской армии на австрийском фронте, в северо-восточной Галиции, в начале сентября 1914 г. Наиболее крупным событием стала битва возле города Рава-Русская (*нем.* Rawa-Ruska; *польск.* Rawa Ruska) 2–11 сентября, в результате которой австрийцами была сдана крепость Перемышль, противник потерял не менее 250 000 убитыми и ранеными и около 100 000 было взято в плен. Русские войска захватили множество трофеев.

... «W. II R», т. е. «Wilhelm II Rex». — Вильгельм II Король (Царь). Вильгельм II (Wilhelm II) — Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский (1859–1941), германский император и король Пруссии в 1888–1918 гг.

...мы встретились с А.А. Стаховичем... — Алексей Александрович Стахович (1856–1919), генерал-майор, участник Русско-турецкой войны; актер театра и кино.

Безработица в Польше

Рус. вед. 1914. № 218 (23 сент.). С. 5.

Млава (Mława) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

...«Центральный обывательский комитет»... — См. коммент. к корреспонденции «4.» «Проездом через Варшаву».

Из Варшавы в Ярослав

II. В разоренной стране

Рус. вед. 1914. № 220 (25 сент.). С. 2.

...Колелеблются нивы от гула... — Брюсов цитирует строфу своего стихотворения «Век за веком» («Взрывают весенние плуги...») из цикла «В поле» (1907).

Из Варшавы в Ярослав

III. По Галиции

Рус. вед. 1914. № 222 (27 сент.). С. 2.

Белжиц (или Белжице, Bełżyce) — населенный пункт в Люблинском воеводстве Польши.

Gloria in excelsis Deo (*лат.*) — первая строчка гимна христианской мессы, возвещающей о рождении Спасителя — благая весть.

Блазив (или Блазов, Błażowa) — населенный пункт в Подкарпатском воеводстве Польши.

Олешце (Oleszyce) — город в Польше, входит в Подкарпатское воеводство.

Русинский язык — язык, бытующий или бытовавший среди русинов, жителей Закарпатья; отличается сочетанием различных диалектов.

Пршемысль (Przemyśl) — пограничный город на юго-востоке Польши, расположенный на реке Сан, вблизи Украины.

Из Варшавы в Ярослав

IV. Ярослав

Рус. вед. 1914. № 223 (28 сент.). С. 3.

...экземпляр ~ «Дядов» Мицкевича... — Поэма «Дяды» Адама Мицкевича (Adam Mickiewicz, 1798–1855), польского поэта, политического публициста, деятеля национально-освободительного движения.

Геллер — разменная монета германских государств в Средневековье и Новое время; в XX в. — разменная монета Чехии и Словакии.

...бельского магазина... — От названия города Бельск (точнее, Бельск-Подляски; Bielsk Podlaski), расположенного на северо-востоке Польши, у границы с Белоруссией.

...объяснялись на особом волапюке... — Волапюк — международный искусственный язык, придуманный в 1879 г. И.М. Шлейером.

Дзенкуем. Danke schön. — «Спасибо». Сказано на польском (Dzenkuem) и немецком (Danke schön) языках.

...точь-в-точь наши «сергиевские» изделия... — Имеется в виду продукция кустарного промысла Сергиева Посада — «игрушечной столицы» России, родины знаменитой русской матрешки. В течение двух веков изделия мастеров Сергиева Посада пользовались большим спросом и вызывали стремление подделать их.

На позициях

Рус. вед. 1914. № 225 (1 окт.). С. 2.

Из Варшавы в Ярослав

V. Обратный путь

Рус. вед. 1914. № 227 (3 окт.). С. 2.

Радом (Radom) — город в центральной Польше, на реке Млечна, в 100 км к югу от Варшавы.

Ченстохов (или Ченстохова, Częstochowa) — город на юге Польши, в Силезском воеводстве, на реке Варта.

Красностав (русское и украинское название) или Красныстав (Krasnystaw) — город в Польше, входящий в Люблинское воеводство.

...прибывшими из Келец и Келецкой губернии... — Кельце (Kielce; русское название времен Царства Польского — Кельцы) — город в центральной Польше, в 170 км к югу от Варшавы. До конца XX в. Кельце был столицей Келецкого воеводства.

Тревожные дни в Варшаве

Рус. вед. 1914. № 231 (8 окт.). С. 2.

Смотря на сцене «Эльзас» или в «В немецких когтях»... — Вероятно, речь идет о патриотической пьесе «Эльзас в 1814» («Alsace en 1814», 1850), принадлежавшей перу двух французских писателей, работавших под псевдонимом Эркман-Шатриан (Erckmann-Chatrion) (Эмиль Эркман, 1822–1899, и Шарль Луи Гратьен Александр Шатриан, 1826–1890). Автором пьесы «В немецких когтях» был французский писатель и критик Эдмон Луи Антуан де Гонкур (1822–1896).

...слушая Монюшка, Чайковского, Сибелиуса... — Монюшко Станислав (польск. Stanisław Moniuszko, белорус. Станіслаў Манюшка) (1819–1872) — польский и белорусский композитор. Сибелиус Ян (Jean Sibelius) (1865–1957) — финский композитор.

Цепелин — летательный аппарат (дирижабль) жесткой системы с металлическим каркасом, обтянутым тканью; назван по имени немецкого конструктора Ф. Цепелина (1838–1917).

...со стороны Гройц и Горы-Кальварии... — Гройцы (Grojcy) — город в Варшавской губернии; Гора-Кальвария (Góra-Kalwaria) — город в Варшавской губернии.

Немцы под Варшавой

Рус. вед. 1914. № 234 (11 окт.). С. 2.

...над городом пролетало и три немецких «голубя» (Таубе). — Один из наиболее популярных немецких двухместных монопланов Первой мировой войны, Rumpler Taube, был спроектирован австрийцем Игнацем Этрихом (Ignaz «Igo» Etrich, 1879–1967) в 1906–1909 гг. Первый самолет (1910) получил название Etrich Taube (нем. Taube — голубь); в Германии самолет выпускался под названием Etrich-Rumpler-Taube, но вскоре название сменили на Rumpler-Taube. Rumpler Taube стал первым серийным германским военным самолетом, использовался в качестве разведчика, истребителя, бомбардировщика, учебного самолета.

«Беллигеренты» (англ. belligerent — воюющий, агрессивный) — вояки, агрессоры.

Белосток (Białystok) — город на северо-востоке Польши, на реке Супрасль.

На северном фронте

Рус. вед. 1914. № 235 (12 окт.). С. 5.

Хоржеле (Chorzele) — населенный пункт в Плоцкой губернии.

Остроленка (Ostrołęka) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Сувалки (Suwałki) — город в Польше, входит в Подляское воеводство.

Граево (Grajewo) — город на северо-востоке Польши, входит в Подляское воеводство.

...знаменитой обороны *Осовца*. — Точнее, *Осовец-Крепость* (Osowiec-Twierdza) — бывшая русская крепость, ныне город в Польше, входит в Подляское воеводство. Через *Осовец* лежал кратчайший путь в Россию; первый натиск был предпринят немецкой армией в сентябре 1914 г.: перебросив из *Кенигсберга* орудия большого калибра, в течение шести дней проводилась бомбардировка крепости. В январе 1915-го началась длительная осада *Осовца*, которая продолжалась 190 дней.

...не пришлось столкнуться с пресловутыми 42-хсантиметровыми орудиями, приведшими к падению *Намюр* и *Антверпен*. — *Намюр* (фр. Namur) — город в центре Бельгии. Во время Первой мировой войны город, защищенный 10 фортами и минными полями, стал преградой для немецких войск на пути во Францию. 20 августа 1914 г. силами трех армий началось наступление на город, в результате огромных потерь 25 августа бельгийские войска отступили и город капитулировал. *Антверпен* (нидерл. Antwerpen) — город в Бельгии. В начале Первой мировой войны в *Антверпен* отступала бельгийская армия после поражения при *Льеже*. Осада *Антверпена* заняла всего 11 дней. *Антверпен* оставался под немецкой оккупацией вплоть до перемирия.

Просткен (нем. Prostken) — город в бывшей Восточной Пруссии, или *Простки* (польск. Prostki) — город на северо-востоке Польши.

Лык (нем. Lusk, прусск. Luks), или *Элк* (польск. Elk) — город на северо-востоке Польши.

...от разгрома *реймского собора*... — *Реймский собор* (Notre-Dame de Reims) был построен в XIII в., благодаря своей архитектуре и скульптурным композициям является одним из самых известных образцов готического искусства во Франции. Во время первой мировой войны *Реймс* был захвачен немцами и четыре года оставался в зоне боевых действий. В сентябре 1914 г. в результате варварской бомбардировки собор был превращен в «море огня». Были уничтожены остатки витражей, значительно пострадали статуи. Это событие стало символом немецкого варварства во время войны.

Отважный набег генерала Ренненкампа на Восточную Пруссию... — *Ренненкампа* Павел Карлович (1854–1918) — российский военный деятель конца XIX — начала XX в. В начальный период Первой мировой войны *Ренненкампа* командовал 1-й армией Северо-Западного фронта во время Восточно-Прусской операции. 17 августа его войска перешли границу Восточной Пруссии, а уже через три дня нанесли тяжелое поражение 8-й германской армии генерала М. фон *Притвица* в битве при *Гумбиннене*.

Бяла (Biała) — город в Польше, входит в Опольское воеводство.

После победы

I. Поле битвы

Рус. вед. 1914. № 237 (15 окт.). С. 3.

Прушков (точнее, *Прушкув*, Pruszków) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

В Пясечной... — Пясечно (Piaseczno) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Гродиск (Grodzisk Mazowiecki) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Инстербург (Insterburg) — город в Гумбинненском округе Восточной Пруссии, в 90 км к востоку от Кенигсберга. Во время Первой мировой войны, после того как Инстербург был взят русскими войсками, 23 августа (ст. ст.), в городе состоялся парад. Под звуки полковых маршей генерал Ренненкампф и великий князь Николай Николаевич обошли полки, командующий поблагодарил кавалеристов за доблесть в боях. Затем состоялся молебен, после чего отличившимся были вручены награды.

Блоне (Blone) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Тарчин (Tarczyn) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

После победы

II. Основа наших побед

Рус. вед. 1914. № 238 (16 окт.). С. 4.

Хойнов — точнее Хойнув (Chojnow), город в Польше, входит в Нижнесилезское воеводство.

После победы

III. На полях битв под Варшавой

Рус. вед. 1914. № 239 (17 окт.). С. 2.

...в одной терцине сонета Ж.-М. Эредиа... — В Брюсов цитирует первый терцет (трехстишие) сонета «После Канн» («Один из консулов убит, другой в Линтерне...») французского поэта Жозе-Мариа де Эредиа (1842–1905). Брюсов был одним из переводчиков поэзии Эредиа, в том числе и упоминаемого сонета.

Домброва (Dąbrowa) — населенный пункт в Опольском воеводстве Польши.

В Лодзи

(От нашего корреспондента)

Рус. вед. 1914. № 245 (24 окт.). С. 2.

...во главе которой стоял Л.Л. Громан... — Если судить по инициалам, то не исключено, что речь идет о родственнике или же самом владельце Акционерного общества мануфактур в Лодзи Л. Громане. Более подробно об этом человеке Брюсов пишет в статье «Германия на двадцать дней».

...генерал Либерт, известный путешественник по Африке. — Вероятно, речь идет о немецком военном писателе и путешественнике Эдуарде фон Либерте (Eduard von Liebert,

1850–1934), который состоял на прусской военной службе, был преподавателем в военной академии, командовал полком, затем дивизией; был губернатором Танганьики в Германской Восточной Африке с 1896–1901 г.

В день тезоименитства Наследника Цесаревича... — Празднование тезоименитства (т. е. именин) цесаревича Алексея приходилось на 5 октября; порядок церковного празднования был установлен решением Святейшего синода от 25 августа 1904 г.: «В видах сохранения издревле установленного в день 5 октября празднования четырьмя святыми Московским св. Петру, Алексею, Ионе и Филиппу, отправлять на будущее время положенное на сей день всенощное бдение означенным четырьмя святыми; молебен же, по случаю тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, совершать в сей день одному святому Алексею» (Церковные ведомости. 1904. № 37).

Пабианицы (или Пабяньице, Pabianice) — город в Лодзинском воеводстве, недалеко от Лодзи; расположен среди обширных лесов, из которых берет начало река Нер.

Германия на двадцать дней I. Впечатления от поездки в Лодзь

Рус. вед. 1914. № 246 (25 окт.). С. 1–2.

Германия на двадцать дней II. История и описание Лодзи

Рус. вед. 1914. № 249 (29 окт.). С. 5.

В одном еврейском театре, например, каждый день шла пьеса «Николаевские солдаты». — К сожалению, не удалось установить, в каком именно театре шла упоминаемая Брюсовым пьеса. В 1912 г. И. Каценельсон организовал театр на иврите «Хабима ха-‘иврит»; в Лодзе также действовали другие еврейские драматические труппы на идише.

...продолжали выходить и газеты; русская, «Лодзинский листок», польская, «Rozwoj»... — Ежедневная политическая и общественная газета «Лодзинский листок» издавалась с 1901 по 1914 г., редактор А. Зонер.

Немецкая цензура (По рассказам сотрудников лодзинских газет)

Рус. вед. 1914. № 253 (2 нояб.). С. 3.

...в изобилии поставляемым «Агентством Вольфа»... — Агентство Вольфа, или Телеграфное бюро Вольфа (Wolffs Telegraphisches Büro), информационное агентство печати, существовавшее с 1849 г., было основано в Берлине немецким журналистом Б. Вольфом при газете «Националь цайтунг».

...«стрелец» из рядов «войска польского». — Об истории формирования на территории Польши народных добровольческих дружин см.: *Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921.*

...известный польский писатель Юрий Жулавский... — Польский писатель, поэт и драматург Ежи Жулавский (Jerzy Żuławski, 1874–1915) редактировал журнал «К оружию!»; с началом войны добровольцем ушел на фронт, скончался от тифа в военном госпитале. Называя Жулавского Юрием, Брюсов не ошибался — именно в такой транскрипции издавались переводы сочинений Жулавского на русском языке. В России творчество Жулавского было известно — вышло несколько изданий его пьес, сборники рассказов и неоднократно переиздавались научно-фантастические романы «На Луне» и «Победитель», повесть «На серебряной планете»; в 1911–1914 гг. вышло два тома из объявленного собрания сочинений Жулавского (в издательстве К.Ф. Некрасова).

Soraдz — точнее, Сураж (Suraż), город в Польше, входит в Подляское воеводство.

...сказочных подвигах «Эмдена» на водах всего мира. — «Эмден» (нем. Emden) — немецкий бронепалубный крейсер; получил известность благодаря успешным рейдерским действиям против торгового судоходства и военных кораблей союзников в Индийском океане. С 1 августа по 9 ноября 1914 г. захватил 23 торговых судна, потопил русский крейсер и французский эсминец. 9 ноября 1914 г. в бою у Кокосовых островов был уничтожен английским крейсером «Сидней».

Из лодзинских впечатлений

Рус. вед. 1914. № 256 (6 нояб.). С. 3.

...известия о неудачах германской армии на Висле... — Имеется в виду отражение русскими войсками наступления немцев на Варшаву.

...эти лодзинские «камло»... — Уличные продавцы или разносчики газет (от фр. camelot).

«Варшавская мысль» — русскоязычная политико-экономическая, общественная и литературная газета, выходила с 1911 по 1915 г. в Варшаве.

Фантастика войны

Рус. вед. 1914. № 261 (12 нояб.). С. 3.

...или хотя бы «Красному морскому разбойнику»... — Имеется в виду персонаж романа Фенимора Купера «The red rover», в начале XX в. роман выходил под названием «Красный морской разбойник», позднее, в советских переводах — «Красный корсар».

...надеть несколько «георгиев» на грудь... — Имеется в виду Георгиевский крест — наградной знак к ордену Святого Георгия для нижних чинов (1807–1917) за выдающуюся храбрость, проявленную в бою против неприятеля; являлся высшей наградой для солдат и унтер-офицеров в дореволюционной России.

...фантастику «войны будущего», о которой лишь мечтали ~ Робидá, братья Рони. — В. Брюсов говорит о предсказаниях технического прогресса в XX в. Вместе с тем

несколько преждевременно сказано о том, что герои очерка увидели всю фантастику войны, содержащуюся в произведениях французских писателей. Примером тому Альбер Робиде. В его трилогии футуристических романов «Le Vingtième Siècle» («XX век», 1883), «La Guerre au vingtième siècle» («Война в XX веке», 1887), «Le Vingtième siècle. La vie électrique» («Двадцатый век. Электрическая жизнь», 1890) предсказано появление современной военной техники (танк, линкор, авиация), оружия массового поражения (химическое, бактериологическое, ядерное). Во время Первой мировой войны прогнозы Альбера Робиде стали сбываться с поразительной точностью, что напугало самого автора. Танки, химическое оружие и другую «фантастику» участникам Первой мировой войны предстояло увидеть не в первые месяцы, а несколько позднее.

Авторы фантастических и приключенческих романов братья Рони: Жозеф Анри Онорэ Бозкс (Joseph Henri Honoré Boex, 1856–1940) и Серафин Жюстен Франсуа Бозкс (1859–1948); после 1909 г. писали под отдельными псевдонимами: Рони-старший и Рони-младший.

...о погоне за «Эмденом» и «Кенигсбергом», более удивительной, чем все морские рассказы Купера, Марриета и Стивенсона. — Немецкие крейсера «Эмден» и «Кенигсберг» в начале войны прославились своими рейдерскими действиями против кораблей Антанты. Д.Ф. Купер (1789–1851), Ф. Марриет (1792–1848), Р.Л. Стивенсон (1850–1894) — авторы всемирно известных приключенческих романов, в том числе и на военно-морскую тему.

История ротмистра Б. ... — Вероятно, речь идет о ротмистре Владимире Венедиктовиче (Бенедиктовиче) Бушневе, командире эскадрона 3-го Уланского Смоленского полка; известно, что свой последний подвиг Бушнев совершил, отгеснив со своим эскадроном немецкие полки от моста через реку Инструч, на подходе к г. Пилькалену, 15 декабря 1914 г. Теперь на этом месте установлен памятный знак.

Мехов (Mięchów) — город на юге Польши, входит в Малопольское воеводство.

Благородные делавары — индейский народ в США и Канаде (от *англ.* Delaware).

«Всё, всё, что гибелью грозит...» — В примечании к выражению «неизъяснимы наслаждения» В. Брюсов приводит слова из песни Вальсингама в пьесе А.С. Пушкина «Пир во время чумы».

Гюстав Эмар — Гюстав Эмар (Aimard) (наст. имя — Оливье Глу (Gloux), 1818–1883), французский писатель. После длительного путешествия по Латинской Америке написал большое количество приключенческих романов. Его произведения в начале XX в. пользовались большой популярностью.

Бенвенуто Челлини (Cellini, 1500–1571) — выдающийся итальянский скульптор, ювелир, живописец, воин и музыкант эпохи Возрождения. Широкую известность обрела его богатая приключениями жизнь, описанная им в книге «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции».

...словно Ролан с Оливье в Ронсевальском ущелье... — Известная битва (778 г.), в которой войска Роланда, правителя Бретани и командующего армией Карла Великого, были разбиты басками. Сражение произошло в Ронсевальском ущелье, в Пиренейских горах, на границе современных Франции и Испании. Битва Роланда и его друга Оливье с мусульманским войском описана в знаменитой «Песне о Роланде».

Команч — представитель индейского народа на территории США.

В тылу боя (Поездка в Лович)

Рус. вед. 1914. № 268 (20 нояб.). С. 2.

...тютчевские «демоны глухонемые ведут беседу меж собой»... — Строка стихотворения Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

...бой у Ловича был одним из важных эпизодов большой операции, к которой принудило немцев искусство нашей стратегии. — В очерке нашли отражение крупномасштабные боевые действия в ноябре месяце. После успешного Варшавско-Ивангородского сражения русские войска (1-я и 10-я армии) должны были начать наступление на Восточную Пруссию, германские корпуса — осуществить прорыв на Варшаву. 11 ноября, на три дня опередив русских, немцы начали свое наступление, приготовив для русских «клещи». Положение спас своевременный и энергичный маневр командующего 5-й армией Плеве. Он развернул часть своих сил на север и перешел ими в наступление на фланг прорывающейся группировки. Разбил и отбросил ее и прикрыл своими войсками брешь во фронте.

До конца ноября ожесточенные бои шли на нескольких участках фронта. Для того чтобы выиграть время, необходимое и для маневров, и для укрепления тыловых рубежей, 1-я армия перешла в частное наступление у Ловича. Этот удар, не принеся ощутимого успеха, спутал карты наступающим немцам (см.: Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! М., 2003. С. 239–249).

Сохачев (польск. Sochaczew) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

...на тихой зыби Бзуры... Бзура — река в Польше, левый приток р. Висла, в районе которой 19 ноября — 20 декабря 1914 г. произошло сражение между австро-германскими и русскими войсками.

...лесок, где произошло убийство, в котором был обвинен барон Биспинг... — Имеется в виду процесс о громком убийстве князя Владислава Друцкого-Любецкого в апреле 1913 г. в его имении «Тересин», под Варшавой; в смерти князя обвинили барона Биспинга; процесс длился много лет и закончился оправданием Биспинга за отсутствием доказательств (1928).

«Во что бы то ни стало»

Рус. вед. 1914. № 269 (21 нояб.). С. 3.

Генерал Гинденбург — Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (1847–1934), немецкий военный и политический деятель. Во время Первой мировой войны — главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914–1916), начальник Генерального штаба (1916–1919).

Силезский — Восточный германский фронт.

Торн (нем. Thorn), или Торунь (польск. Toruń) — город на севере Польши, на реке Висле.

...Стрыков (Strykov), Брезин (Brzeziny), Колюшки (Koluszki), Згерж (Zgierz), Кутно (Kutno) — небольшие города в северо-восточной части Лодзинского воеводства.

...до Нового Мяста... — Нове-Място (Nowe Miasto), городок в Мазовецком воеводстве.

Генерал фон Макензен — Макензен Август фон (1849–1945) — генерал кавалерии, с июня 1915 г. генерал-фельдмаршал. В ходе Лодзинской операции, о которой идет речь в очерке В. Брюсова, генерал фон Макензен — командующий 9-й армией.

Ландштурмисты (от нем. Landsturm) — резерв вооруженных сил, который призывается только на время войны, имеет вспомогательное значение и составляется из лиц, уже отбывших срок службы или по каким-либо причинам освобожденных от службы в постоянных войсках, но физически годных к военному делу. Ландштурм в Германии и Австрии соответствовал ополчению в России.

Ландвер (нем. Land — земля, страна и Wehr — защита, оборона) — категория военнообязанных запаса 2-й очереди и войсковые формирования 2-й очереди в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии в XIX — начале XX в.

Конин (Konin) — город в Польше, входит в Великопольское воеводство.

Ночь в мертвом городе

Рус. вед. 1914. № 280 (5 дек.). С. 4.

...мой постоянный товарищ в поездках Ф. ... — Предположительно, Филатов, в годы войны корреспондент газеты «Утро России».

...поэт А.М.Ф. ... — Скорее всего, Александр Митрофанович Федоров (1868–1949), поэт, беллетрист, драматург, переводчик; во время войны — военный корреспондент.

...сделанные мелом немецкие надписи: «Reserv», «III Divis.» «128 Regim.»... — «Резерв», «3-й дивизион», «128-й полк».

...среди них я заметил сочинения любимых мною авторов: Реми де Гурмона, Пьера Луиса, Захер Мазоха, Ведекинда... — Реми де Гурмон (1858–1915) — французский писатель, эссеист, художественный критик; Пьер Луис (по русской традиции; Пьер Луи, 1870–1925) — французский поэт и писатель; Захер Мазох — Леопольд Риттер фон Захер-Мазох (1836–1895), австрийский писатель; Ведекинд — Франк Ведекинд (1864–1918) — немецкий поэт и драматург.

О «соколах»

Рус. вед. 1914. № 284 (10 дек.). С. 3.

...награда получена ими за бой при Сольдау. — Имеется в виду крупнейшее поражение русских войск в Первой мировой войне в боях под Сольдау, в результате которого был уничтожен цвет русской армии в самом начале войны. 27 августа 1914 г. 150-тысячная Вторая армия под командованием А.В. Самсонова попала в окружение, а ее командующий погиб 29 августа (по наиболее распространенной версии, застрелился). Немецкое командование, полагая, что оно одержало «одну из величайших побед в истории», решило назвать битву при Сольдау «битвой при Танненберге» (состоявшейся около 500 лет назад, в 1410). Немецкий генерал П. фон Гинденбург писал об этих днях следующее: «Танненберг! Это слово будит тяжелые воспоминания для могучего немецкого рыцарства...»

В частности, ничего не вышло из пресловутого «войска польского», всех этих «галицийских легионов», «краковских стрелков», «соколов» и т. д. — Речь идет о формировании антирусских военных формирований. Незадолго до начала Первой мировой войны Ю. Пилсуд-

ский занимался созданием военизированных группировок в Галиции. При покровительстве австрийских властей из военизированных и военно-спортивных организаций «Стшелец», «Сокол» и других формировались Польские легионы под командованием Пилсудского. Они сражались на восточном фронте против России на стороне Австро-Венгрии и Германии.

Цирульник (польск. *cyrulik*) — парикмахер, выполнявший также некоторые обязанности лекаря (производил кровопускание, ставил пиявки и т. п.).

Клубы дыма

Рус. вед. 1914. № 286 (12 дек.). С. 4.

«Как пахарь, битва отдыхает». — Строка из поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

На театре военных действий

(День в пути)

Рус. вед. 1914. № 287 (13 дек.). С. 3.

...картина пестрела «багрецом и золотом»... — Брюсов использует слова Пушкина из отрывка «Осень» (1833): «Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и в золото одетые леса...».

...стреляют и «обозные». — Обозные — солдаты, находящиеся при армейских повозках, сопровождающие военные обозы.

Манерка — походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой в виде стакана (устар.).

...башенки телеграфа беспроволочного, «искрового». — Беспроволочным или «искровым» телеграфом именовалась радиосвязь в первые годы своего существования (конец XIX — начало XX в.).

Римские легионарии — рядовые воины в раннеримской империи.

Письма врагов и к врагам

Рус. вед. 1914. № 288 (14 дек.). С. 3–4.

Люттих, Намюр — города в Бельгии.

Шпандау (Spandau) — город и крепость в прусской провинции Бранденбург, в 12 км к западу от Берлина.

Мец (фр. Metz) — город на северо-востоке Франции.

Пиэтизм (лат. pietas — благочестие) — ложное, притворное благочестие.

Мимоходом

I. Опять аэропланы

Рус. вед. 1914. № 289 (16 дек.). С. 3.

Мимоходом

II. На питательном пункте

III. В Плоцкой губернии

Рус. вед. 1914. № 290 (17 дек.). С. 3.

Еще встречались там типы, словно вышедшие из романов Крашевского и Сенкевича... — Юзеф Игнацы Крашевский (также Иосиф Крашевский) (1812–1887) — польский писатель, этнограф, публицист. Некоторые его романы на историческую тему пользовались популярностью в России конца XIX в. — «Графиня Козель» (1874) и «Брюль» (1875) и др. Генрик Сенкевич (Хенрик Адам Александер Пиус Сенкевич) (1846–1916) — польский писатель, лауреат Нобелевской премии 1905 г. Автор исторической трилогии «Огнем и мечом» (1883–1884), «Потоп» (1884–1886), «Пан Володыёвский» (1887–1888). Один из самых популярных польских писателей за рубежом.

Мимоходом

IV. Один из героев

Рус. вед. 1914. № 298 (28 дек.). С. 3.

...в настоящее время гостит штаб-ротмистр Г. — Скорее всего, речь идет о штаб-ротмистре Гурдове, которому Брюсов впоследствии посвятил некролог. Павел Васильевич Гурдов (1882–1915) — легендарный командир взвода автомобильной пулеметной роты. Награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, а также орденом Св. великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. Последний вручен за подвиг, совершенный 20–21 ноября 1914 г., о котором писали в газетах. Капитан Гурдов с 4 броневедомствами выдвинулся вперед по шоссе без прикрытия и, приблизившись на 150 шагов к наступающей колонне противника, нанес ей большой урон и привел ее в полное расстройство, несмотря на то что и сам был ранен, и его пулеметчики. Все автомобили, хоть и с повреждениями, были выведены из боя. Погиб в ночном бою 12 февраля 1915 г.

Подготовка текста и комментарии А.И. Иванова